

Министерство образования Российской Федерации
Пермский государственный педагогический
университет

**Т Р У Д Ы
К А М С К О Й
А Р Х Е О Л О Г О -
Э Т Н О Г Р А Ф И Ч Е С К О Й
Э К С П Е Д И Ц И И**

ВЫПУСК III

ПГПУ

Пермь 2003

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)
Т 782

Т 782 ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. Выпуск III/ Под ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т.—Пермь, 2003.— 226с.:ил. и табл.—Библиогр.: с. 213-223.

ISBN 5-85218-171-4

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермской области и сопредельных территорий.

Выпуск № III содержит статьи по археологии, этноархеологии, этнографии, проблемам сохранения историко-культурного наследия. Все они являются итогом значительных по объему полевых и собирательских работ, вводят в оборот новые материалы, знакомят читателей с новыми научными гипотезами.

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

Ил.63. Табл.15. Библиогр. 212 назв.

Редколлегия:

Д-р ист.наук, проф. А.М.Белавин (отв. редактор); канд.ист. наук, доц. Н.Б.Крыласова (отв. за выпуск); Г.Т.Ленц; А.Ф. Мельничук.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)

На первой странице обложки бронзовая бляха из Рождественского городища, раскопки А.М. Белавина 1985г.

- © Коллектив авторов, 2003.
- © Белавин А.М., оформление и макет, 2003.
- © Пермский государственный педагогический университет, 2003

ISBN 5-85218-171-4

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник научных статей продолжает серию научных изданий Пермского государственного педагогического университета «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», начатую в 2001 г. двумя выпусками.

Экспедиция была создана решением Ученого совета университета (тогда института) в 1983 г. как научное подразделение исторического факультета (тогда отделения), полевые работы КАЭЭ начала в 1984 г. В настоящее время КАЭЭ одно из известных крупных археологических учреждений Урало-Поволжского региона, в её составе ежегодно работают 3—4 археологических и 1 этнографический отряд, которыми руководят преподаватели исторического факультета ПГПУ, среди которых три кандидата и один доктор исторических наук. Экспедицией накоплен огромный материал, который, к сожалению, введен в научный оборот пока только частично. Цель сборников серии «Труды КАЭЭ» — оперативная публикация этих материалов.

Настоящий сборник отражает весь диапазон научных исследований КАЭЭ: от археологии эпохи камня до этноархеологии и этнографии. В большинстве статей вводятся в оборот новые материалы, обосновываются новые взгляды на ряд давно разрабатываемых наукой проблем, археологический материал соотносится с этнографическим, что важно на современном этапе развития этих наук.

В связи с тем, что сборник издается в канун XVI Уральского археологического совещания, посвященного столетнему юбилею со дня рождения известного отечественного археолога, палеолитоведа и организатора археологической науки О.Н.Бадера, мы

с огромным удовольствием представляем читателям статью о Саузовской 1 стоянке, написанную О.Н. Бадером в соавторстве с сотрудницей Госэрмитажа И.В. Калининой в 1978 г. и до этого по разным причинам не опубликованную. Эта статья и краткий биографический материал об Отто Николаевиче Бадере, написанный А. М. Белавиным, открывает настоящий выпуск сборника. Редакционная коллегия считает важным максимально объективно представить точку зрения автора, выраженную в 1978 г., поэтому публикация статьи о Саузовской стоянке осуществляется в авторской редакции и сохраняет пусть даже несколько устаревшие терминологию и названия культур и культурных типов.

В статье Мокрушина В.П. и Лычагиной Е.Л. публикуются материалы исследования неолитической стоянки Чернушка, что расширяет представления о каменном веке в Прикамье.

Основную часть сборника составляют публикации материалов по средневековой археологии.

Статьи С. И. Абдуловой, А. М. Белавина, Н. Б. Крыласовой связаны с публикацией материалов Рождественского археологического комплекса на р. Обва — крупнейшего археологического комплекса эпохи средневековья в Пермском Предуралье. Публикация бус, аскизских предметов и кресал (огнив) помогают уточнить хронологию и этнокультурные черты этого памятника.

В порядке дискуссии с А.Ф. Мельничуком и С.Н. Коренюком печатается статья А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и Г.Т. Ленц о мусульманских некрополях в Предуралье, ранее опубликованная в одном из научных сборников конференции «Великий Волжский путь». К сожалению, эта статья осталась не известной большинству археологов региона и мусульманские

некрополи являются для них непонятным типом памятника. Считаем, что открытая дискуссия поможет поставить точку в оспаривании факта наличия в Прикамье домонгольских мусульманских кладбищ волжских болгар.

Работа канд.ист.наук сотрудника Института истории и археологии УрО РАН Н.В.Федоровой, нашего уважаемого коллеги, посвящена анализу предметов торевтики Волжской Болгарии из числа найденных в Зауралье. Н.В.Федорова давний друг нашей экспедиции, её работа тематически связана с одной из основных научных тем КАЭЭ — этнокультурное и экономическое контактирование народов Предуралья с соседями. Тем более что один из наиболее вероятных путей проникновения болгарского серебра в Зауралье это средневековой Камский торговый путь, чувовская ветвь которого была торной дорогой на Средний Урал и далее в Сибирь. Истории изучения средневековых памятников Чусовой посвящена публикация С. Л. Островского.

Статья О. В. Игнатьевой посвящена анализу вклада семьи известных пермских исследователей Теплоуховых в дело собирания и изучения предметов Пермского звериного стиля. Статья сопровождается репринтным воспроизведением иллюстраций из публикаций Теплоуховых, ставших к XXI веку библиографической редкостью.

Серия статей сборника посвящена публикации памятников археологии нового времени. Это статья археологов ПГУ А.Ф. Мельничука и С.Н. Коренюка а материалах Ильинского

некрополя и статья Е.Л. Лычагиной и В.В.Мингалева о раскопках Посёрского некрополя XVIII в. Обе статьи объединяет интерес к поздним погребальным памятникам, отражающим проникновение христианства разного толка в среду обитателей Прикамья. В своей статье А.Ф. Мельничук и С.Н. Коренюк также пытаются оспорить мусульманскую конфессиональную принадлежность ряда погребений Рождественского могильника.

Осенью 2002г. в результате трагической случайности ушел из жизни пермский археолог, сотрудник областного краеведческого музея А. Н. Лепихин. Его памяти посвящен раздел сборника, в котором публикуется одна из работ А.Н. Лепихина, оставшаяся не опубликованной при жизни, а так же ряд материалов об этом интересном исследователе и добром человеке.

Завершается сборник публикацией по этнографии пермских староверов Н.Н. Агафоновой, во многом построенной на полевых материалах этнографического отряда КАЭЭ, и статьями Н.А. Чернядьевой и К.В. Завалина, связанными с исследованием правового статуса музейных собраний и с проблемами охраны историко-культурного наследия.

Рисунки и таблицы к статьям выполнены авторами работ.

Редакционная коллегия подчеркивает, что авторы публикаций выражают в них свое мнение и несут полную ответственность за достоверность опубликованных материалов и своеобразие авторских оценок.

Отв.редактор Н.Б.Крыласова.

**Материалы и исследования
по археологии Предуралья и
Зауралья**

**А.М. Белавин
К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
О.Н. БАДЕРА**

Отто Николаевич Бадер (1903-1979) сыграл яркую роль в становлении Прикамской археологии. Именно его по праву считают основателем не только экспедиции Пермского университета, но и основателем пермской научной археологической школы.

Родился О.Н.Бадер в с.Александровка Полтавской губернии 29.06 (12.07) 1903 г. в семье лесничего. В 1926 г. окончил Московский государственный университет (МГУ) и был принят на работу в Научно-исследовательский институт антропологии МГУ (НИИА МГУ), где проработал по 1933 г. до перевода в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК). Работая в НИИА МГУ и ГАИМК, он принимает уча-

стие в исследованиях одной из первых отечественных спасательных археологических экспедиций в зоне строительства канала Москва-Волга, проводит обследования бассейнов рек Химки и Клязьма, выявляет фатьяновские могильники в северном Подмоскovie. По поручению Московского областного научно-исследовательского бюро краеведения в 1936-1940 гг. обследует районы Тушино, Чертаново, Царицына, проводит обследование Шукинской неолитической стоянки, Кунцевского дьяковского городища, вятических Чертановских курганных могильников и других памятников в южном Подмоскovie. Итогом этой работы стала монографическая статья «Материалы к археологической карте Москвы», которая увидела свет в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» в 1947 г. (МИА №7).

В 1941 г. кандидат исторических наук О.Н.Бадер, старший на-

учный сотрудник ГАИМК, добровольцем уходит на фронт. Но в 1942г. его как этнического немца демобилизуют и отправляют в Нижний Тагил, фактически в ссылку, где он до 1946 г. работает в краеведческом музее. Здесь он активно занимается уральской археологией. Им были проведены уникальные раскопки Ермакова городища у Медведь-Камня, где изучены остатки русского военного укрепления - возможно, одного из лагерей экспедиции Ермака; были проведены разведки в окрестностях Тагила.

После войны О.Н. Бадер получил разрешение на переезд в Пермь. С 1946 г. по 1955 г. О.Н. Бадер - доцент ПГУ.

В Перми уже в 1945 и 1946гг. он проводит раскопки стоянки у д. Остров, по его предложению она получила имя первооткрывателя М.В. Талицкого. Затем он организует изучение памятников на берегах Камы, которые должны уйти под затопление Камским водохранилищем: городища Анюшкар, Турбинского могильника и др. Впоследствии Бадером разработана периодизация каменного, бронзового, раннего железного веков Урала; впервые выявлен уральский мезолит и Турбинская этнокультурная область; истоки древней уральской металлургии, использование древним населением Прикамья восточного серебра. Важную роль в дальнейшем развитии уральской археологии сыграли его раскопки мезолитических стоянок Огурдино и Нижнее Адищево, неолитического жертвенного места у Камня Писаного на Вешере, Турбинского могильника эпохи бронзы, могильника Скородум (ранний железный

век), средневекового Неволинского могильника. По его поручению В.А. Обориным были произведены раскопки строгановского Орла-Городка. Таким образом, О.Н.Бадером были заложены основы практически всех направлений современной археологии Предуралья.

Бадер - автор более чем 400 работ по археологии. Среди этих работ видное место занимают публикации материалов раскопок археологических памятников Прикамья, осуществленные О.Н.Бадером во время его пребывания в Перми или подготовленные по пермским материалам. К числу их относятся статьи по проблемам первобытного времени на Урале, очерки работ КАЭ ПГПУ, книги по исследованиям распространения и использования восточного серебра на Урале. Многие из этих работ по сию пору остаются образцами глубоко научного и взвешенного подхода к добытым при раскопках материалам, Отто Николаевич всегда придавал особое значение полной и быстрой публикации результатов полевой работы, у него вызывала раздражение традиция иных исследователей копить неопубликованные коллекции.

Лично мне О.Н. Бадер особенно интересен как методист и организатор научной археологической деятельности, эта черта в полной мере раскрылась в "пермский период" его научно-организационной деятельности.

В ноябре 1946 г. по его инициативе был создан кабинет археологии ПГУ и студенческий кружок археологов. В феврале 1947г. была создана Камская археологическая экспедиция ПГУ. По его мысли эта

экспедиция должна была заменить собой Камскую экспедицию ГА-ИМК, плодотворно работавшую в зоне затопления будущего Камского моря в предвоенный период под руководством А.В. Шмидта и Н.А. Прокошева. Летом 1947г. КАЭ ПГУ работала при участии известных ученых Л.Я. Крижевской, И.А. Талицкой, А.В. Збруевой, с 1948 г. экспедиция развернула широкие работы под руководством Бадера, а с 1949г. работы в зоне строительства Камской ГЭС стали вестись под руководством пермских студентов-археологов, среди которых быстро выделились "трое Владимиров": В.Ф.Генинг, В.А.Оборин, В.П.Денисов.

20-25 апреля 1947 г. было проведено первое Уральское археологическое совещание. Уральские археологические совещания стали одной из самых устойчивых в российской археологии региональных научных традиций, подтверждение этому - проведение XVI Уральского совещания в 2003 г. в Перми, посвященное юбилею Отто Николаевича Бадера. В Перми, таким образом, прошло 4 из 16 Уральских совещаний археологов, в наше время эта конференция приобрела международный статус.

В 1953 г. О.Н.Бадером была основана научная серия "Труды Камской археологической экспедиции", в которой вышло 4 выпуска (1953, 1956, 1960, 1968 гг.). Сборник, который Вы в настоящее время читаете, в определенном смысле наследник этой серии.

В 1954 г. Бадером был основан археологический музей ПГУ (существовал до 1994г.). Открытие специализации по археологии на

историко-филологическом факультете ПГУ в 1947г., произошедшее по настоянию О.Н. Бадера, послужило организационному оформлению его научной школы, обеспечило развитие его начинаний в методическом, коцептуальном, образовательном аспектах. Ученики Бадера возглавили археологические школы Ижевска и Екатеринбурга (д.и.н. В.Ф. Генинг, впоследствии зам. директора Института археологии АН Украины), Перми (д.и.н. В.А. Оборин, В.П. Денисов, к.и.н. Ю.А. Поляков), Башкирии (д.и.н. Н.Я. Мажитов), Самары (к.и.н. Г.И. Матвеева).

Деятельность О.Н.Бадера в Перми была направлена на широкую пропаганду достижений научной археологии. Он автор первого практического руководства по археологии в пермском регионоведении "Археологические памятники Прикамья и их научное выявление", написанного после Уральского археологического совещания в 1947 г., но увидевшего свет только в 1950г. В книге были обобщены результаты первого года работы Камской археологической экспедиции. Пособие имело подзаголовок "для начинающих археологов и краеведов". В пособии разъяснялись методологические принципы и задачи отечественной археологии, приводился обзор материалов по охране и учету археологического наследия, сжато описывались основные памятники и археологические культуры Прикамья, подробно (30 страниц) описывалась методика выявления и фиксации археологических памятников. В таком широком содержательном плане это пособие и по сию пору остается единственным в При-

камье. На многие годы своеобразной "Библией" пермских, да и большинства урало-поволжских археологов, стала книга, написанная О.Н. Бадером в соавторстве с одним из его любимых учеников В.А. Обориным "На заре истории Прикамья" (Пермь, 1958). О.Н. Бадер указывал в предисловии, что это издание обобщает материалы КАЭ за 10 лет её существования и служит, прежде всего, для археологического просвещения массового читателя. Последнему обстоятельству способствовал и достаточно массовый тираж издания - три тысячи экземпляров.

Активная пропаганда достижений археологии, её романтики и своеобразия позволили О.Н. Бадеру привлекать в науку свежие силы. Если просмотреть список участников первого Уральского археологического совещания, то среди 62 его участников можно увидеть трех школьников - учащихся Пермской школы №37 М.П. Калмыкова, В.В. Плешкова и В.А. Оборина. Можно считать, что традиции археологической краеведческой работы с учениками школ г.Перми также заложены Бадером.

После отъезда из Перми О.Н. Бадер не порвал связи с уральской археологией и пермскими археологами. Им было продолжение изучение каменного и бронзового века Предуралья. В 1963г. им был опубликован научный доклад "Древнейшая история Прикамья", по результатам защиты которого ему была присуждена степень доктора исторических наук. О.Н. Бадер - исследователь одного из знаменитейших палеолитических памятников нашей страны - пещеры Шульган-Таш (Капова). В результате его экспе-

диций 1960-1978гг. в ней изучено несколько десятков рисунков верхнепалеолитического времени, выполненных охрой: фигуры мамонтов, лошадей, бизона, носорога, антропоморфного существа. Часть результатов этих исследований опубликована Бадером в 1965г. в монографии "Капова пещера", которая открыла миру самую восточную в Европе палеолитическую "картинную галерею". Годом раньше увидела свет монография "Древнейшие металлурги Приуралья", в которой Бадером были опубликованы материалы крупнейшего могильника сейминско-турбинской общности. Большую роль сыграл О.Н. Бадер в организации спасательных археологических исследований в зоне затопления Воткинской и Нижнекамской ГЭС.

Пермские археологи по праву считают себя продолжателями дела О.Н. Бадера. Имя Бадера будет увековечено на карте г. Перми, в его честь предложено именовать одну из улиц Орджоникидзевского района, которая ведет на территорию Турбинского могильника.

Основные научные работы О.Н. Бадера по археологии Урала

Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. - Пермь, 1950.

О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье // На Западном Урале. - Пермь, 1952.

Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции

(1947-1952) //Учен. зап. Пермского ун-та. 1953. Т. 1. Вып. 3.

"Серебро закамское" первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение (в соавт. с А. П. Смирновым). - М., 1954.

Ранний палеолит Урала и Поволжья //Учен. зап. Пермского ун-та. 1955. Т. 7. Вып. 2.

Некоторые проблемы первобытной истории Урала //Там же. 1956. Т. 11. Вып. 3.

На заре истории Прикамья (в соавт. с В. А.Обориным). - Пермь, 1958.

Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье //МИА.1961.№ 99.

Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

Капова пещера. М., 1965.

Литература об О.Н. Бадере

Бадер О.Н. //БСЭ. Изд. 3.1970. Т. 2.

Крайнов Д.А. К 70-летию О.Н. Бадера //Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

Оборин В. А. Вклад О.Н.Бадера в развитие уральской археологии //Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.

Оборин В.А. Бадер Отто Николаевич //Профессора Пермского университета. Пермь, 1991.

Морозов Ю.А. О.Н. Бадер и уральская археология //Пермский край: прошлое и настоящее. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997.

Оборин В.А. Бадер Отто Николаевич //Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Мельничук А.Ф. Бадер Отто Николаевич //Краеведы и краеведческие организации Перми. Библиографический справочник. Пермь, 2000.

О.Н.Бадер, И.В.Калинина. САУЗОВСКАЯ I СТОЯНКА

Эта статья написана в 1976-1978г., но так и не была опубликована. В 2002г. она была любезно предоставлена И.В. Калининой редакционной коллегии для восстановления и опубликования. Иллюстрации к статье были восстановлены Е.Л. Лычагиной, текст А.М. Белавиным. Публикация статьи приурочена к 100-летию со дня рождения О.Н. Бадера, выдающегося отечественного археолога, основателя Пермской археологической школы. Редакционной коллегией было принято решение не изменять оригинальный текст работы. Поэтому названия некоторых археологических культур, а также некоторые положения статьи кажутся спорными и не совсем верными в наше время. Тем не менее, они отвечают взглядам исследователей 25-летней давности. Таким образом, данную публикацию нужно рассматривать в историографическом контексте, как определенный этап в развитии наших представлений о неолите - бронзовом веке Прикамья. Саузовские стоянки смело можно относить к классическим памятникам эпохи камня, на эти памятники имеется много ссылок в литературе, хотя крупных публикаций материалов практически нет. Считаю, что данная статья в определенной мере восполнит эту лакуну и позволит специалистам более полно представлять себе особенности и значение Саузовской I стоянки.

Е.Лычагина, А.Белавин

Для характеристики и периодизации камского неолита Саузовские стоянки очень важны и уже не раз использованы [Бадер 1956; Бадер 1957; Бадер 1959; Бадер, Оборин 1960; Шокуров 1970; Бадер 1970], но до сих пор слабо отражены в печати.

Цель статьи публикация материалов стоянки Сауз I. Вводный раздел, разделы о раскопках, стратиграфии и кремневом инвентаре написаны О.Н.Бадером, а раздел о керамике И.В.Калининой, заключе-

ние принадлежит обоим.

I

Стоянка находится в 1,5 км к западу от д.Саузово (Краснокамского района Башкирской АССР), на южном берегу пойменного озера Сауз, остатка старого русла Камы. Она расположена на высоте 5 м над озером, на слегка повышенном краю аллювиальной террасы; либо первой надпойменной, либо высокой пойменной (рис. I).

Поверхность стоянки распахана. Судя по распространению подъемного материала, культурный слой тянулся от овражка с западной стороны и до края террасы над карстовыми озерами на востоке примерно на 280 м, а в глубь террасы на 60 м (рис. I).

Раскопы, вскрытые на стоянке в 1955 г. (40 м) и 1956 г. (96 м), составляют целостную площадь (рис. I). Она принадлежит центральной части стоянки. На бровке террасы против раскопа сделана зачистка обнажения длиной 12 м (рис. I) и два шурфа. Общая площадь раскопок 150 м.

Стратиграфия отложений (рис. 2): под светло-серым песчаным пахотным слоем толщиной 18-33 см, с остатками мелкой керамики и кремня лежит непротравленный культурный слой, толщиной от 42 до 152 см во впадинах. Он состоит из серого песка, переходящего внизу в темно-серый, а в единичных углублениях в черный цвет. Подстилающий слой — светло-коричневый песок плотный, с ортзандовыми прослойками.

Линия контакта, культурного слоя с подстилающим четко выделялась на вертикальных стенках и при зачистке. Обнаружено несколь-

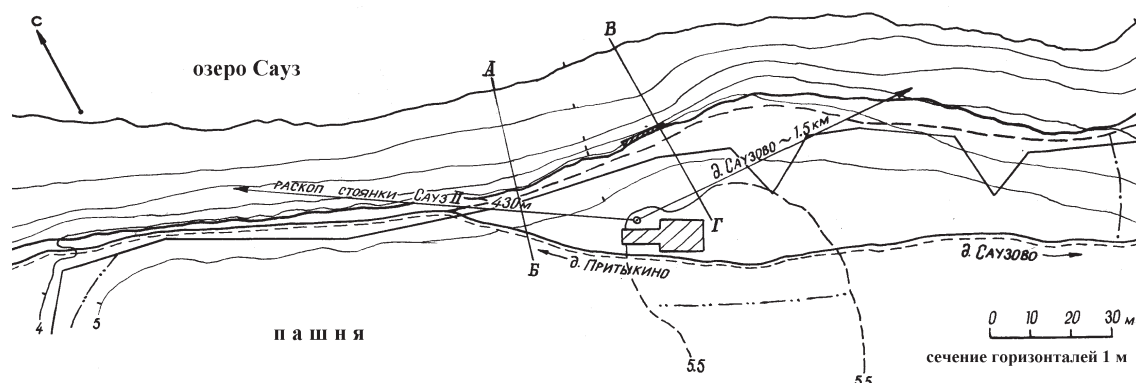

Рис. 1. Топографический план Саузовской I стоянки (съемка студента П. Кожина)

ко пологих впадин, заполненных почти черным, углистым слоем с культурными остатками (рис. 2), несколько крупных темных пятен, неглубокое овальное очажное углубление размерами 0,9 x 0,7 м. Иных следов жилищ и сооружений не обнаружено.

Культурные остатки распределены в слое на площади равномерно, третий горизонт (40-60 см от поверхности) наиболее насыщен, как и отдельные углубления (рис. 5).

Находки состоят из обломков керамики, кусков и осколков кремня, небольшого кусочка, талька, кремневых орудий, немногочисленных неопределимых кусочков костей, немногочисленных углей и остатков трех медно-бронзовых предметов. Принадлежность медно-бронзовых предметов культурному слою не вызывает сомнений.

II

Описание результатов камеральной обработки начнем с определений 15 образцов древесного угля, выполненных О.Н. Лисицыной в 1959 г. Все они происходят из культурного слоя 2 из шурфа № 1 с неопределенной глубины, 5 с глубины 0-20 см, 5 с глубины 20-40 см, 1 с глубины 40-60 см и 2 с глубины 60-80 см от поверхности, 8 принадлежат кедру (*Pinus sibirica*) можжевельнику (*Juniperus*), 2 хвойным, 1 березе (*Betula*), 1 липе (?) и 2 лиственным.

Обращает внимание обилие кедровых углей. Ареал кедра теперь находится главным образом в Сибири, и лишь отчасти в северо-восточной Европе. В настоящее время в прибельском Прикамье кедр крайне редкое дерево.

Каменные орудия изготовлены из пестрого, валунного кремня ко-

Профиль северо-западной стенки участков е, ж/11 стоянки Сауз I, раскоп 1955 г.

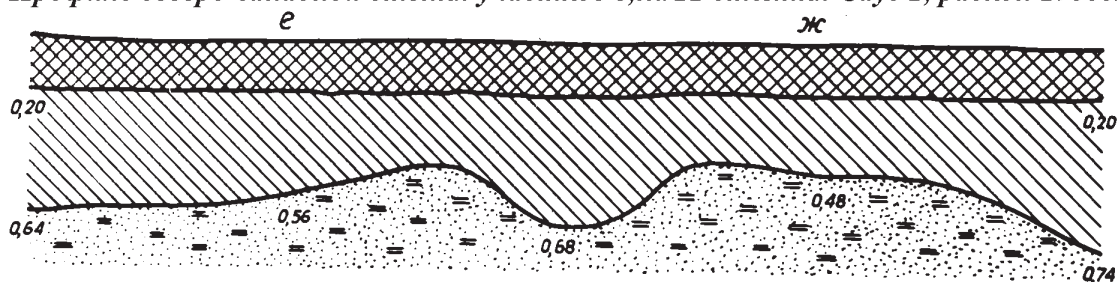

Рис. 2. Профиль северо-западной стенки квадратов еж/11 раскопок 1955 г.

каменное сырье		158
осколки		465
нуклеусы		5 (?)
отщепы		456
ножевидные пластины		137
орудия: всего 147 (11%)	наконечники стрел	14
	дротики	5
	ножи	9
	скребки	61
	проколки	11
	резцы	1
	сверла	1
	топоры шлифованные	1
	тесла шлифованные	3
	долота шлифованные	4
	обл.шлифов. орудий	1
	лощило	1
	обл. шлифовальников	1
	песты	1
	обл. орудий	33
общее количество каменных предметов		1369

Таблица 1. Каменный инвентарь стоянки Сауз 1

ричнево-серых тонов. Его добывали преимущественно из речной гальки, изредка плиток и из окремнелого известняка и сланца.

Характерен большой процент неиспользованного сырья и отбросов производства в виде разбитых, частично обработанных кремневых галек, кусков, обломков и осколков кремня - 89% (табл. 1). Готовые орудия и их обломки составляют 11%.

Техника расщепления типична для неолитических стоянок Прикамья, хотя ножевидных пластин много - 19%. Они средних размеров, есть и довольно крупные. Единственный хорошо выраженный нук-

леус (рис. 3, ф.21) миниатюрен, бочкообразной формы, из гальки, с подретушированной площадкой. Эта форма встречается в мезолите и неолите Прикамья, на гаринском этапе турбинской культуры. Шлифованных предметов (включая обломки шлифовальников, лощило и пест) немного - 9%.

Много скребков и скребковидных ретушированных орудий. Но нужно оговориться, что разграничение скребущих и режущих орудий с относительно пологой ретушью нередко весьма условно. Трас-сологического анализа не производилось.

Типологическую характеристи-

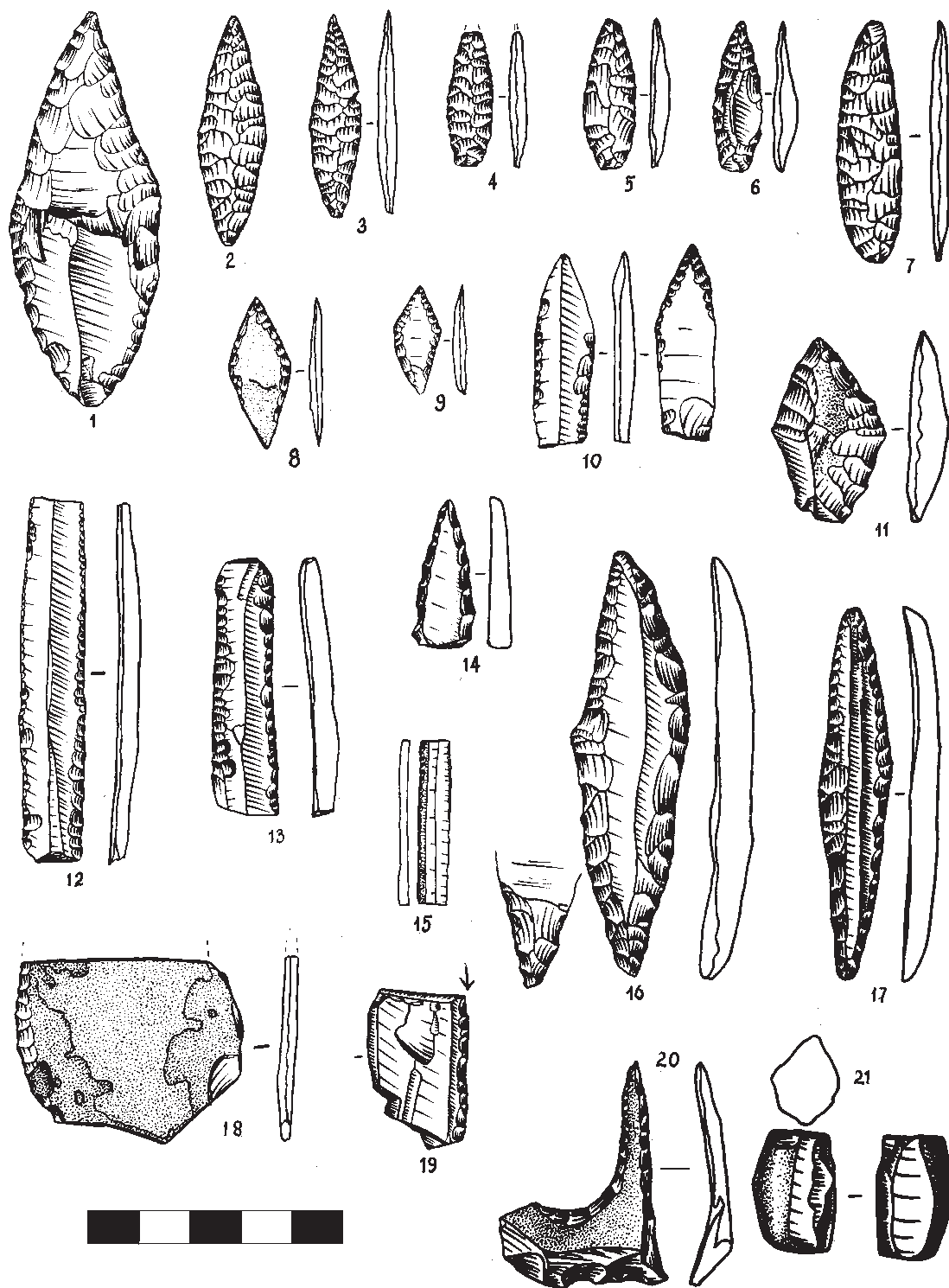

Рис. 3. Каменный инвентарь. Наконечники дротиков и стрел, ножи, проколка, нуклеус

ку начнем с кремневых наконечников стрел и дротиков, как особенно важных для датировки. Размеры наконечников 8,3 и 2,3 см. Наибо-

лее крупные оснащали копья, дротики, мелкие - стрелы (рис. 3, ф.1-11). Одно асимметричное орудие могло быть ножом (рис. 3, ф.7).

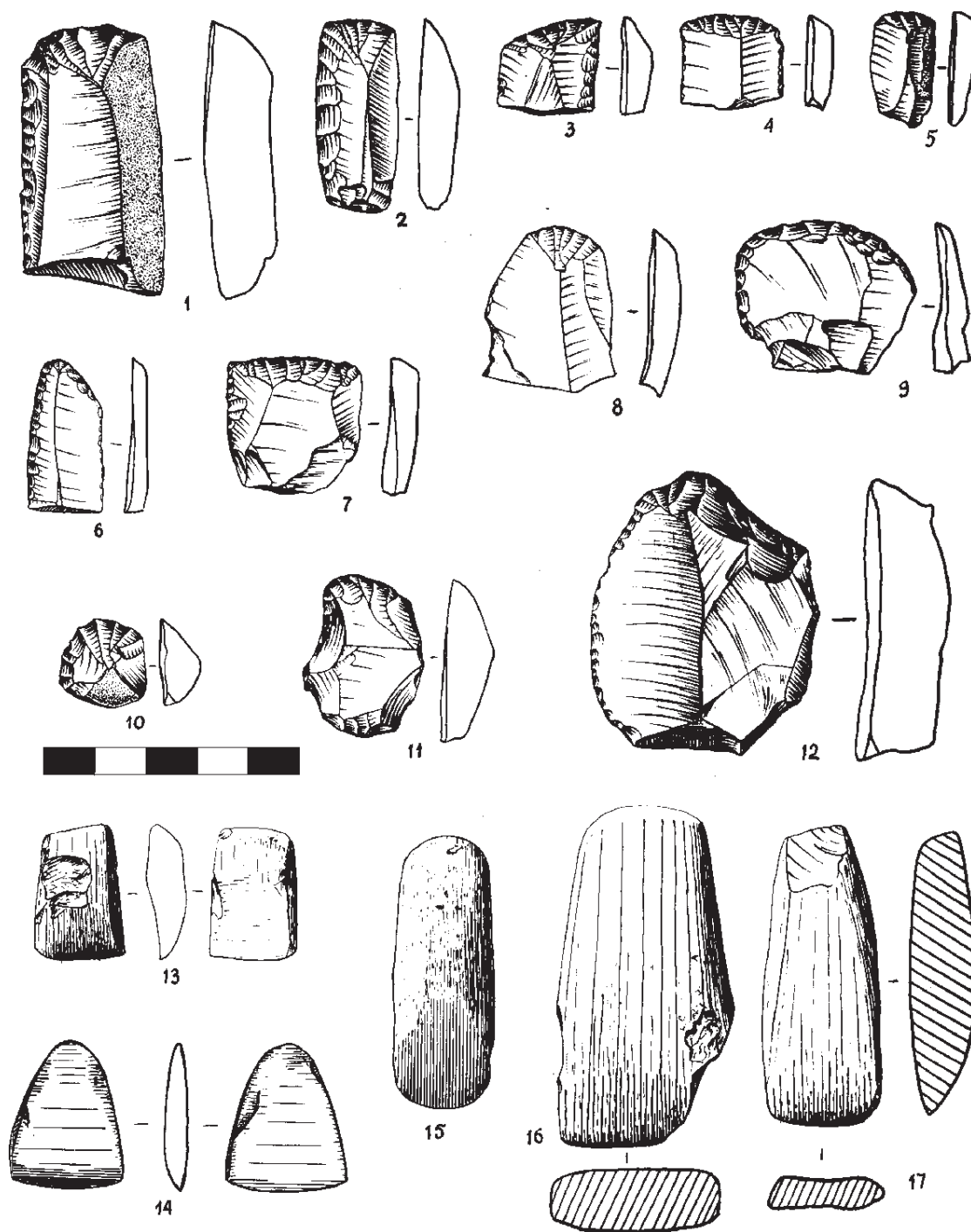

Рис. 4. Каменный инвентарь. Скребки и шлифованные орудия; грузило из гальки

Большая часть наконечников слабо расширена в тыльной части. Два-три наконечника ромбоидальной формы, отдельные наконечники имеют изогнутый боковой профиль. Некоторые без сплошной ретуши (рис. 3, ф.9), а один представляет

собой ножевидную пластинку, лишь частично ретушированную (рис. 3, ф.10). Маленький ромбоидальный наконечник сделан из тонкой плиточки кремнистого сланца (рис. 3, ф.8).

В целом наконечники стоянки

Сауз I имеют неолитический облик, ромбические формы указывают на поздненеолитическое время.

Ножи - кремневые пластины с острыми, неретушированными, частью сработанными краями и краями, покрытыми сплошной, притом довольно крутой ретушью. Есть довольно крупные орудия (рис. 3, ф.12,13,19), и единичны узкие пластинки с мелкой, притупляющей ретушью по одному краю, похожие на вкладыши (рис. 3, ф.14).

Специфичны длинные (до 8,5 см), узкие, обоюдоострые орудия из крупных ножевидных пластин, с гладким брюшком и сплошной крутой ретушью по обоим краям со спинки (рис. 3, ф.15,16,17). Обработка концов свидетельствует об употреблении их как узких долотовидных орудий (рис. 3, ф.17). Один конец наиболее крупного орудия имеет ретушь и с брюшка, что говорит об использовании его как сверла (рис. 3, ф.16) и подтверждается сглаженностью и смятостью граней. Явный нож-резак сделан из очень тонкой, широкой плитки (рис. 3, ф.18), рабочая сторона которой тщательно обработана очень плоской заостряющей ретушью.

Один из сломанных ножей (рис. 3, ф.19) имеет короткий резцовый скол - единственный в коллекции. Проколки оформлены небрежно, за исключением одной, колющий конец которой тщательно отретушировал (рис.3, ф. 20). Вогнутая сторона могла быть скобелем.

Скребки, включая отщепы со скребковой ретушью, образуют наиболее многочисленную группу орудий. Почти все они сделаны на отщепах различных размеров. Более половины изготовлены на удлинен-

ных отщепах - концевые скребки. Ретушь есть и на одном из длинных боковых краев (рис. 4, ф.1-12). У некоторых рабочий край скошен влево или вправо (рис. 4, ф.6). Есть скребки на коротких отщепах (рис. 4, ф.7, 9) угловатые и округлые, а также миниатюрный высокий скребочек с подретушированным брюшком (рис. 4, ф.10). Часть скребков оформлена очень крутой и высокой ретушью (рис. 4, ф.1,10,11), другая пологой и даже приострающей ретушью (рис. 4, ф.2,8 и др.), что обусловлено функциональной дифференциацией.

Среди шлифованных преобладают маленькие тесла, из хлоритокремнистого сланца, зеленоватых тонов. Они часто ломались: лезвия слабо закругленные (рис. 4, ф.13,14), хорошо, под разными углами наискось зашлифованные. Более крупное удлиненное тесло сделано из плоской гальки (рис. 4, ф.17). Шлифованный вытянутый трапецевидный (длиною 6,7 см) топорик с подпрямоугольным сечением и разбитым лезвием сделан из серого окремнелого сланца (рис. 4, ф.16). Единственное слабо вогнутое долото (длиною 5,3 см) имеет округлое лезвие, одну плоскую, другую выпуклую и полукруглую в сечении сторону (рис. 4, ф.15), сделано из легкой окремнелой известняковой опоки.

Каменное грузило сделано из гальки.

III

Выделены разновременные комплексы керамики: неолитическая; эпохи раннего металла - "флажковая" и ольховского типа; ананьинская; несколько фрагментов принадлежат поздним сосудам же-

комплекс керамики глубина залегания	эпоха неолита	эпоха бронзы		ананьинская культура	эпоха позднего железа
	100%	ольховская	фляжковая	100%	100%
1 горизонт 0,0-0,20 м	2,5	8,4	10,6	—	9,5
2 горизонт 0,20-0,40	14,2	21,5	30,4	64,5	—
3 горизонт 0,40-0,60	45,4	24,3	30,4	33,4	90,5
4 горизонт 0,60-0,80	24,3	28,0	24,4	1,6	—
5 горизонт 0,80-1,00	13,3	15,0	4,2	0,5	—
6 горизонт 1,00-1,20	0,3	2,8	—	—	—
всего: 100%	55,0	27,6		15,6	1,8
		9,1	18,5		

Рис. 5. Диаграмма глубины залегания

лезного века (рис. 5).

Неолитический комплекс составляет 57,8% (1966 фр. от 200 сосудов). Фрагменты, образуя скопления, равномерно распространялись по площади раскопов и залегали преимущественно на глубине 0,40-0,80 м от поверхности.

Примесь шамота обильная, зерна иногда более 2 мм. Механическая прочность керамики высокая. Расслаивающихся фрагментов менее 6%, Незначительная примесь мелкого песка фиксируется редко. Небольшие кусочки охры, видимо, объясняются природным составом глин. Сосуды изготовлены ленточным способом. Ширина лент - 5,5-

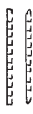
7,5 см. Подлеп внахлест (ширина подлепа 1,0-2,0 см, прослежено на четырех сосудах), либо встык (желобок прослежен на лентах 16 сосудов). На внутренней поверхности сосудов иногда присутствуют неглубокие царапины и бороздки - следы первоначального выравнивания поверхности пучком травы или щепкой. На нескольких венчиках отмечены следы орудия типа клепика, применяемого современными гончарами для срезания бугорков со стенок. Следы первоначальной обработки сохраняются редко и только на внутренней поверхности, так как они уничтожались последующим заглаживанием, для чего, вероятно, использовался кусок мокрой кожи. На фрагментах изредка наблюдается отставание тонкого (1,5 мм) слоя глины [Воеводский 1936].

У 20% сосудов внешняя, у 6% также и внутренняя поверхности заглажены до блеска, по-видимому, окатанной галькой. На внешней поверхности 15 заглаженных до блеска венчиков следы закрашивания охрой.

Преобладают фрагменты серо-желтого цвета, 38,4% имеют красноватый оттенок. Внутренняя поверхность чаще более темных, серых тонов. Причину красновато-желтой окраски А.И.Августиник видит в окислительном обжиге, обычном для кострищ и печей [Августиник

диаметры (см)	10-20	21-30	31-40	более 40	всего
количество во сосудов	8	9	2	1	20
в %	40,0	45,0	10,0	5,0	100

Таблица II. Диаметры неолитических сосудов

Гребенчатые отпечатки 38,0%					Ямчатые вдавления 2,7 %								Насечки 57,3%					
																		
I	2	3	4	5	I	2	3	4	5	6	7	8	I	2	3	4	5	6
68,0%	7,6%	5,3%	13,0%	6,1%	9,1%	13,6%	18,1%	9,1%	22,8%	4,6%	18,1%	4,6%	18,6%	8,7%	1,4%	59,1%	10,8%	1,4%
100%					100%								100%					

2,0% приходится на долю прочерка

Таблица III. Отпечатки штампов. Их процентное соотношение.

1956, с.152], Э.В.Сайко в соединениях железа [Сайко 1966, с.17]. Спектральный анализ образца (по коллекционной описи № 3413), произведенный Л.Прозоркевичем в 1957 г., показал наличие Fe > 3% (Fe > 3%, Mg - 0,3%, Cr - 0,1%, P - 0,3%, Ti - 0,1%, Pl - 0,02%, Sn - 0,001%, Ni - 0,02%, Zn - 0,3%, W - следы).

Вероятно, обжиг сосудов производился на костре, о чем свидетельствует и неравномерная, пятнистая окраска. Большинство черепков в изломе однородны по цвету. Реже встречаются двуслойные (темный слой ближе внутренней поверхности), либо трехслойные (темный слой в середине).

Судя по крупным фрагментам и двум реконструкциям, было две группы сосудов: полуяйцевидные, более или менее закрытые, с наибольшим диаметром несколько ниже обреза, венчика. И сосуды с уплощенными, слегка вогнутыми днищами. Преобладают одинаковой со стенками толщины - 59,7%; венчиков с "наплывами" - 26,2% (рис. 6-5,7,8); приостренных венчиков - 14,1%. Обрезы венчиков округлые или плоские, симметричные - центральная часть среза перпендикулярна, и асимметричные - центральная часть среза под углом к стен-

кам (табл. VII).

Диаметры сосудов измерены по внутреннему краю венчиков (табл. II). Высота определена у одного сосуда (17 см при диаметре в 22 см). Толщина стенок 0,6-1,3 см.

У 46,7% сосудов на внутренней поверхности прослежены остатки нагара и накипи, очень редкие на внешней поверхности. Иногда встречаются сквозные, конические сверлины, с внешним диаметром 0,5-1,3 см и внутренним 0,2-0,6 см (рис. 6, ф.5,8). Высверливались они уже на обожженном сосуде для вентиляции, необходимой при хранении растительных продуктов (63% сверлин на туловах, 37% - на венчиках). Отверстия группировались по два-три с расстоянием между ними от 1,0 до 4,5 см. 25% сосудов со сверлинами имеют нагар с внутренней стороны.

Сосуды сплошь орнаментированы гребенчатыми или гладкими штампами. Отпечатки гребенчатого штампа четкие, с узкими промежутками между зубцами. Длина их от 2,0 до 6,0 мм. Ширина от 1,5 до 2,0 мм (шире 2,5 мм - 4%, уже 1,0 мм - 18%).

Наряду с длинными прямыми гребенчатыми штампами, которые чаще всего отпечатывались не на всю длину (5 - 20 зубцов), исполь-

формы отпечатков (соответствуют табл. III)		зубчатый				ямчатый					насечки				прочерк
		2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	4	5	6	
гребенчатый	1	1	1	10	7	1	2	2	1	2	1	3	2		
	2			1											
	4					1									
ямчатый	6												1		
	7														3
	8														1
насечки	1										2	4			
	2										7				
	4														3

Таблица IV. Комбинации разных форм отпечатков штампов на сосудах

зовались длинные изогнутые, короткие изогнутые, овальные, двузубые (табл. III). На сосудах встречаются комбинации из оттисков разных гребенчатых штампов (табл. IV).

Преобладают оттиски с прямоугольными зубчиками, вытянутыми вдоль длинной оси - 32,9%, квадратные - 23,7%, вытянутые поперек - 18,4%, сегментовидные - 23,7%, округлые - 1,3%.

Также различны по форме отпечатки гладких штампов (табл. III).

Ямчатые вдавления составляют 2,7%. Они разнообразны по форме (табл. III), неглубокие, наносились углом штампа или концом палочки. Несколько крупных фрагментов орнаментированы только рядами ямок (рис. 6, ф.1,6). Но, как правило, ямчатые вдавления входят в гребенчатые композиции. Совместно с насечками они отмечены только раз (табл. IV), встречаются и в сочетании с прочерченными линиями, образуя композиции, где горизонтальные ряды ямок чередуются

с прочерченными широкой палочкой вертикальными линиями, а ряды насечек разделяют пояса, сетки, с крупными ромбическими ячейками выполненными прочерком. В целом же прочерки для орнаментации не характерны (2,0%).

Таким образом, преобладают сосуды: орнаментированные либо гребенкой, либо насечками. Для первых характерно разделение орнаментируемого поля на горизонтальные пояса, с выделением широких (основных) и узких (разделительных) зон, чередующихся на сосудах (рис. 6, ф.2,3,5,8,9).

У 48% сосудов выделена особая (бордюрная) зона, шириной от 0,6 до 1,6 см (в одном случае - 2,7 см). У 10% сосудов бордюрная зона одинакова с разделительной, у 42% сосудов она совпадает с основной.

Орнаментальные зоны располагаются вплотную. Неорнаментированные пояса, шириной до 1,0 см, выполняющие роль разделительной зоны, имеются только на 6 сосудах (табл. У). У 74% сосудов орнамен-

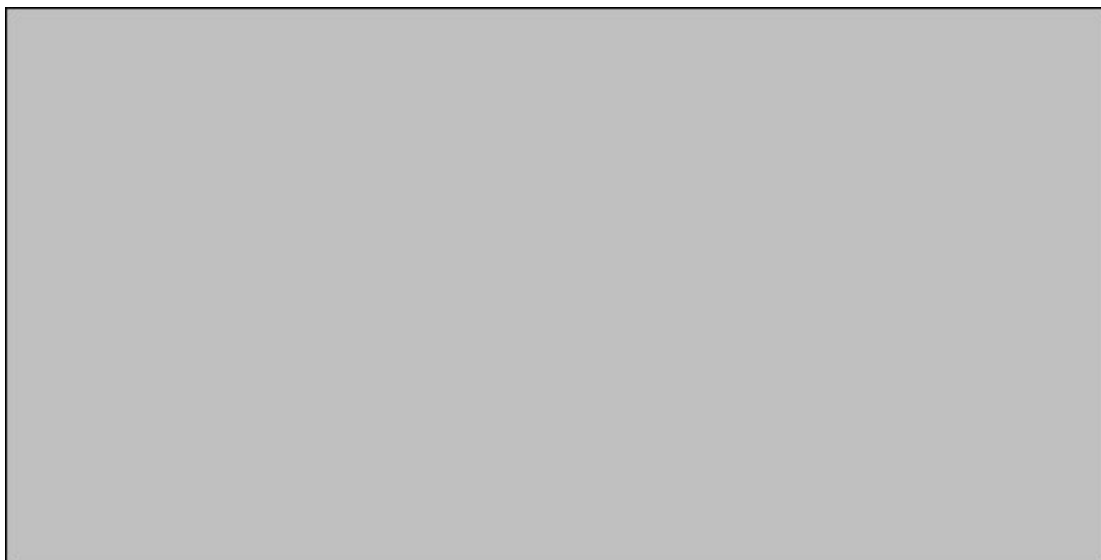

Таблица V. Ширина неорнаментированных поясов на туловах сосудов

тация начинается от внешнего края венчика, у остальных - через 1 см от края, и только у одного сосуда неорнаментированный пояс составляет 2,0 см. Еще больше плотность композиций при нанесении бордюрной (на 4 сосудах) и разделительной зоны поверх основной (на 1 сосуде).

На 79 сосудах были определены 24 разновидности гребенчатых орнаментальных композиций, объединенные в 6 групп. Первая - 22 сосуда. Основные зоны - длинные вертикально поставленные гребенчатые отпечатки. Разделительные - короткие овальные наклонные гребенчатые отпечатки (11 сосудов); ряды горизонтально расположенных длинных гребенчатых отпечатков (3 сосуда.); горизонтальный зигзаг (2 сосуда); один-два ряда ямчатых вдавлений (2 сосуда); отсутствуют (4 сосуда) (рис. 6, ф.2,3,8).

Вторая - 7 сосудов. Основные зоны - горизонтальные ряды косо расположенных длинных гребенчатых отпечатков. Разделительные зоны как в первой группе.

Третья - 39 сосудов. Основные

зоны - длинные гребенчатые отпечатки, имеющие в соседних зонах разный наклон. На 34 сосудах разделительных зон нет.

Четвертая - 1 сосуд. В основных зонах ряды взаимопроникающих заштрихованных треугольников, которые разделены рядами горизонтальных длинных гребенчатых отпечатков.

Пятая - 2 сосуда. На одном сосуде горизонтальные зоны "шагающей гребенки" чередуются с овальными ямками, на другом - с рядами длинных наклонных гребенчатых отпечатков.

Шестая - 8 сосудов. Орнамент из рядов коротких, овальных гребенчатых оттисков, которые на 7 сосудах разделены неорнаментированными поясами.

Перечисленные композиции комбинируются бордюрными зонами, для которых характерны косо расположенные короткие, овальные гребенчатые отпечатки. Бордюрные зоны из двух рядов горизонтального зигзага, выполненного длинными гребенчатыми отпечатками, присутствуют на сосудах, с композици-

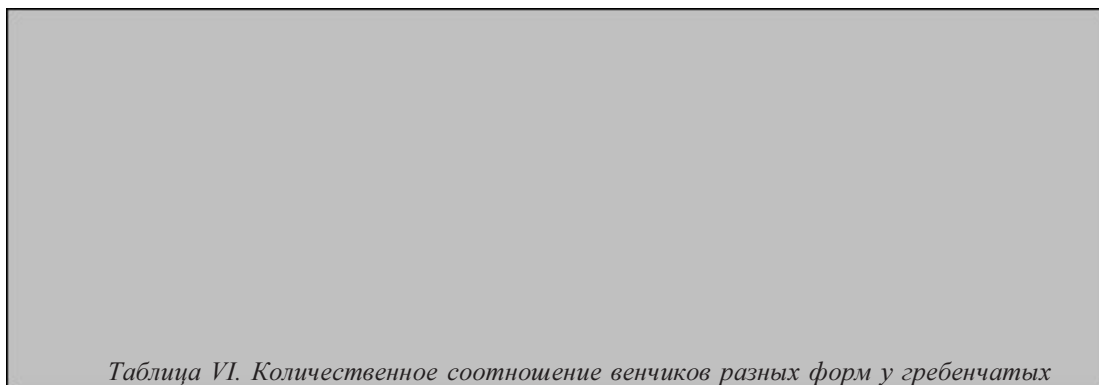

Таблица VI. Количественное соотношение венчиков разных форм у гребенчатых сосудов и сосудов с насечками

ями 3-й и 4-й групп; ряд ямчатых вдавлений и горизонтальный зигзаг из коротких изогнутых насечек - с композициями 2-й группы; ряд вертикально расположенных коротких насечек - с композициями 1-й и 2-й групп.

На сосудах, орнаментированных гладкими штампами, преобладают горизонтальные ряды оттисков, однако деление поля на основные и разделительные зоны встречается редко. Бордюрная зона, шириной до 3,0 см, имеется на 71% сосудов. Наблюдается большая разреженность орнамента: у 70% сосудов ниже края венчика оставлены чистые пояса, шириной до 2,0 см (в одном случае 3,2 см); частые пояса, более широкие, чем на гребенчатых, есть и на туловах (табл. V).

На 91 сосуде было выделено 9 орнаментальных композиций. Первая (29 сосудов) - горизонтальные ряды вертикально поставленных прямых или изогнутых насечек, обычно разделенные не орнаментированными поясами, реже смыкающиеся. Вторая (29 сосудов) - горизонтальные ряды косо поставленных длинных (2 сосуда) или коротких (27 сосудов) изогнутых насечек, наклоненных в соседних рядах в

разные стороны (рис.7, ф.5). Третья (7 сосудов) - горизонтальные ряды вертикально или косо поставленных насечек, разделенные зигзагом из коротких насечек (рис.7, ф.1). Четвертая (8 сосудов) - от горизонтальных рядов коротких насечек вниз отходят такие же диагональные ряды. Пятая (8 сосудов) - горизонтальные ряды длинных насечек, сгруппированных по 2-3 и поставленных под углом, чередуются с рядами длинных, косо поставленных насечек (1 сосуд), либо маленьких подтреугольных ямок (7 сосудов). Шестая (4 сосуда) - группы из 6-8 длинных насечек образуют горизонтальные ряды "елочки", чередующиеся с рядами косо поставленных коротких насечек (рис.7, ф.3). Седьмая (2 сосуда) - поле заполнено тонкими длинными наклонными гладкими отпечатками, поверх которых нанесены горизонтальные ряды коротких насечек (рис.7, ф.4). Восьмая (3 сосуда) - горизонтальные ряды косо поставленных коротких насечек чередуются с ромбической сеткой, выполненной тонкими длинными насечками. Девятая (1 сосуд) - горизонтальные ряды коротких насечек чередуются с "качалкой". В сочетании с разными бордюрными зонами они образуют:

Срезы венчиков	← К внутренней поверхности сосуда										
Количество гребенчатых сосудов	7	5	3	I	I	5	I7	I	2	I	3
Количество сосудов с насечками	23	I6	6	3	2	I	3	I	5	I	-

Таблица VII. Количественное соотношение разных срезов венчиков у гребенчатых

I-я композиция - с рядом сгруппированных по 3 коротких вертикально поставленных насечек и сгруппированными по 3 длинными отпечатками гребенчатого штампа, расположенными под углом; 2-я, 3-я, 5-я и 7-я композиции - с рядом вертикально поставленных коротких насечек, кроме того, пятая встречается вместе с зигзагом из длинных насечек и седьмая - со сдвоенным зигзагом из длинных насечек, 4-я композиция - с зигзагом из коротких изогнутых насечек, 6-я композиция - со своеобразным орнаментом из коротких насечек (рис.7, ф.3).

Группы неолитической керамики различаются не только орнаментацией, но и примесями (у гребенчатой шамот крупнее и почти нет песка, у насечковой чаще попадает мелкий песок), формой сосудов (все гребенчатые полуяйцевидные, а насечковые, кроме того, с уплощенным дном); стенки насечковых сосудов толще, гребенчатые сосуды заглаживались тщательнее (табл. VI, VII).

Гребенчатая керамика, по всем признакам (технологическим, морфологическим и, вероятно, функци-

ональным) имеет аналогии в керамике стоянок камского неолита [Бадер О.Н., 1951; Денисов В.П., 1960; Денисов В.П., 1961; Халиков А.Х., 1969].

Насечковая керамика есть в комплексах накольчатой керамики неолитических поселений Нижнего Прикамья.

На Саузовской I стоянке обнаружен обломок глиняного "утюжка" с орнаментом из насечек, который, вероятно, относится к комплексу керамики с насечками (рис.10). В Прикамье на памятниках с чисто гребенчатыми комплексами "утюжков" не обнаружено. По мнению А.П.Окладникова, "утюжки" - элемент степных и лесостепных культур [Окладников 1966, с.122]. Мы разделяем точку зрения В.П.Третьякова, который появление стоянок с такой керамикой в Нижнем Прикамье склонен рассматривать как "отзвуки проникновения степных культур" [Третьяков 1972, с.51]. Точку зрения о местном происхождении племен накольчатой керамики отстаивает А.Х.Халиков. Позиция Р.С.Габышева по этому вопросу противоречива [Габышев 1976, с.45,

46].

Не будучи связаны генетически, гребенчатая и насечковая керамика образуют на поселении Сауз I единый бытовой комплекс: есть орнаментированные насечками сосуды, близкие формой гребенчатым, отмечено сосуществование способов лепки и орнаментации (рис.7, ф.7).

Фрагменты гребенчатой керамики и насечковой керамики залегали на одинаковой глубине, той же площади, часто в одних скоплениях.

Наряду с неолитической везде в раскопах встречалась керамика эпохи бронзы (607 фрагментов от 44 сосудов - 26,9% всей керамики; рис.8, рис.9, ф.1,3,7,9). Она занимала более высокие горизонты (рис. 5). В одних преобладает примесь шамота (всего 30, в других - растительная (всего 14). Подобная обнаружена в Среднем Прикамье на ряде поселений эпохи бронзы (Ш Ново-Ильинское, Тюремка I, Бор IV, Усть-Падьское, Заюрчимское и др.) [Бадер 1961, с.63]. Первая получила название "флажковой" (этот орнамент встречается на сосудах далеко не всех стоянок с керамикой "флажкового" типа. Поэтому было предложено (О.Н. Бадер) еще два названия "флажковой" керамики: керамика гагарского типа или ноиильинского типа).

Отличие "флажковой" керамики от неолитической отчетливо. Для обоих этих комплексов характерно плотное тесто с примесью шамота, однако растительная примесь, имеющаяся в некоторых "флажковых" сосудах в неолитических отсутствует. Их сближает хорошо сглаженная поверхность, но, в отличие от неолитических, на внутренней по-

верхности "флажковых" заметны следы первоначальной обработки зубчатым орудием. "Флажковые" сосуды чаще и более тонкостенны. Открытая форма "флажковых" сосудов, прямые и отогнутые наружу венчики также не характерны для неолитических. Обрезы венчиков у неолитических сосудов разнообразнее. При орнаментации "флажковых" сосудов использовались более грубые зубчатые штампы, на неолитических нет широких округлых зубчатых оттисков, а среди длинных преобладают более узкие. Для неолитических штампов характерны прямоугольные зубчики, для "флажковой" штампы с косой нарезкой. Подобная композиция "флажковой" керамики есть и на неолитических сосудах, но преобладают на них иные. Для "флажковой" керамики характерна разреженность орнаментов, небрежность орнаментации.

Признаки, отличающие "флажковую" керамику от неолитической, аналогичны турбинской. К ольховскому этапу относится керамика с растительными примесями стоянки Сауз I (рис.9, ф.4,5-9).

Ананьинская керамика встречается только в юго-западной части раскопа 1956 г. - 173 фрагмента от 3-4 сосудов (рис.9, ф.10-12). Большинство фрагментов залегало на глубине 0,20-0,60 м.

Более поздняя керамика эпохи железа (28 фрагментов) обнаружена в самых верхних слоях и на глубине 0,40-0,60 м (залегала компактно на северном участке раскопа 1956 г.). Она тонкостенная (3,5 мм), плотная, с незначительной мелкой растительной примесью. Все фрагменты без орнамента.

IV

Своеобразие стоянки Сауз I заключается в совместном бытовании на неолитическом поселении двух разных по происхождению групп керамики. Гребенчатая по соотношению признаков наиболее близка поздненеолитической левшинской, относимой к концу III тыс. до н.э. (Дата эта, возможно, будет пересмотрена в дальнейшем, в связи с наметившейся тенденцией к удревнению культур эпохи неолита-энеолита рассматриваемого региона). Датировка керамики орнаментированной насечками концом III тыс. до н.э. определяется ее сосуществованием с гребенчатой.

Керамика с растительными примесями относится к Ольховскому этапу, датируемому первой половиной II тыс. до н.э. [Бадер О.Н., 1961а, с.188]. "Флажковая" керамика на основании стратиграфии и типологической близости керамике гаринско-ольховского этапа была датирована сер. II тыс. до н.э. Происхождение культуры поселений с "флажковой" керамикой не ясно. Сходство "флажковой" с керамикой поселений бронзового века Нижнего Прикамья свидетельствует о ее нижне-камском или даже волго-камском происхождении.

Материалы стоянки Сауз I позволяют предположить, что "флажковая" керамика происхождением связана с гибридной керамикой позднего неолита типа Саузовской, другими словами, что турбинская культура складывается на основе поздненеолитических левшинских поселений, а в основе культуры с "флажковой" керамикой два компонента, гребенчатый камский и накольчатый волго-камский. В этой

связи особое внимание следует обратить на энеолитические поселения Нижнего Прикамья типа Русско-Азибеевского [Габяшев 1978, с.22-39]. Габяшев Р.С. основной комплекс этого поселения датирует поздним неолитом.

Общий облик изделий из камня, форма наконечников стрел, присутствие резца и сравнительно большое число ножевидных пластин свидетельствуют о принадлежности основной его части поздненеолитическому комплексу с керамикой, орнаментированной гребенчатыми штампами и насечками.

Очень важно точное определение культурной и хронологической принадлежности остатков трех металлических предметов, найденных на стоянке. Основываясь на значительной глубине залегания двух из них, эти следы меди связывали с древнейшим периодом заселения стоянки. При обработке керамики, найденной в непосредственной близости от них, выяснилось, что миниатюрная медная пластинка найдена под пахотным слоем и рядом с ней по 3 обломка керамики с насечками и "флажковый"; что второй обломок медно-бронзового предмета найден на глубине 70 см и на том же горизонте того же квадрата 2 обломка, орнаментированных насечками и 1 "флажковый"; что третий, еле сохранившийся обломок, найден на максимальной глубине 80-100 см, на дне очажного углубления, под крупными фрагментами развалившегося неолитического сосуда.

Этот обзор ничего не решает, так как отдельные фрагменты любого комплекса находились на всех горизонтах культурного слоя до I

м глубины, а неолитическая и ольховская еще глубже. Можно допустить попадание металлических предметов эпохи бронзы также на любую глубину культурного слоя. Следовательно, стратиграфическое положение металлических обломков не позволяет судить о связи их с комплексами керамики. Ни на одном поселении с неолитической гребенчатой керамикой металлических изделий не обнаружено. Левшинс-

кий нож убедительнее связывать с гаринским поселением. Носителям культуры накольчатой керамики Нижнего Прикамья металл был известен [Габяшев 1978а, с.40-66.]. Поэтому обломки металлических предметов на поселении Сауз I вероятнее связывать с керамикой с насечками или "флажковой", а появления металлических изделий на древних поселениях Прикамья - с продвижением носителей накольчатой керамики.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ О.Н. БАДЕРА и И.В. КАЛИНИНОЙ

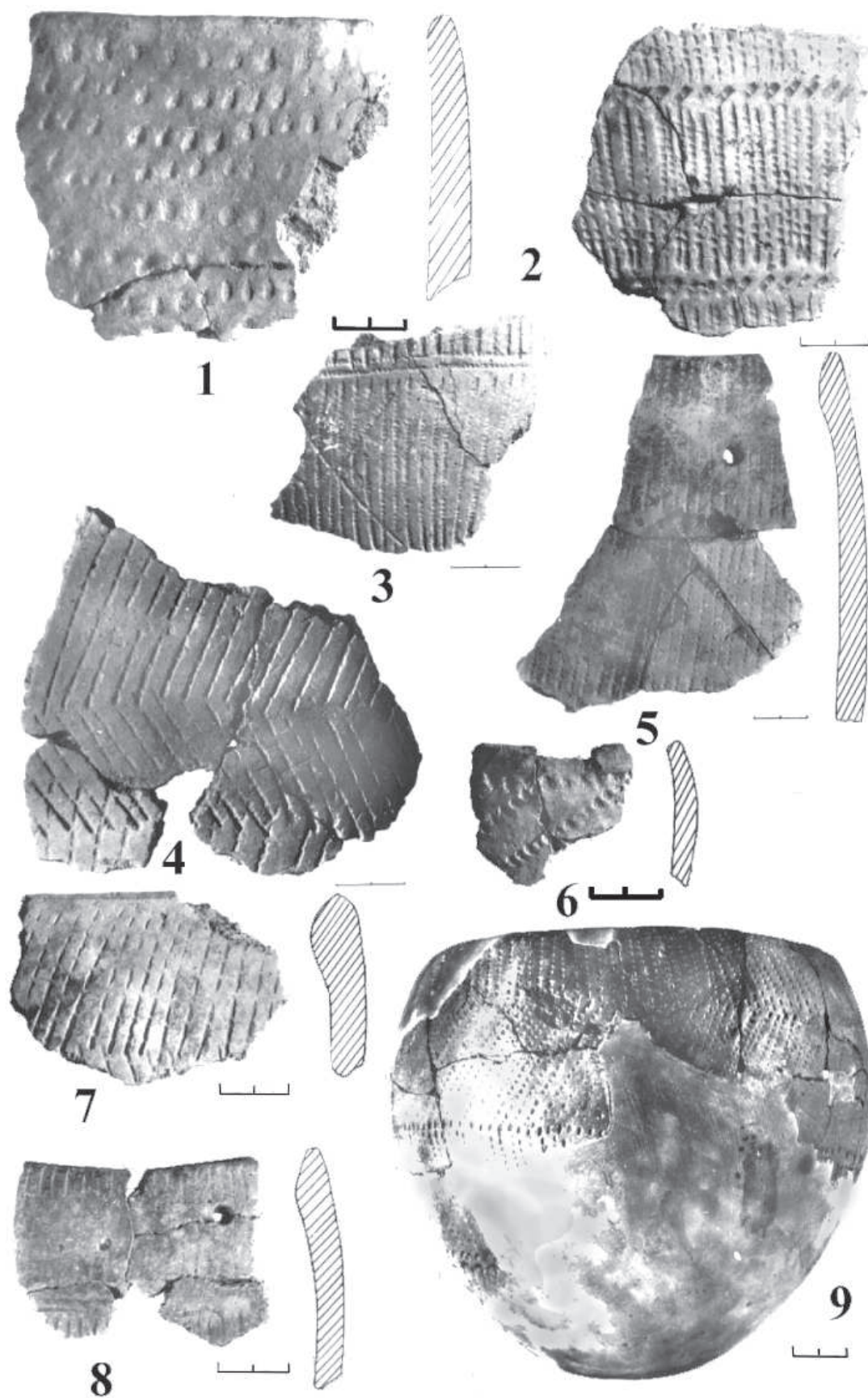

Рис. 6. Неолитическая керамика
-26-

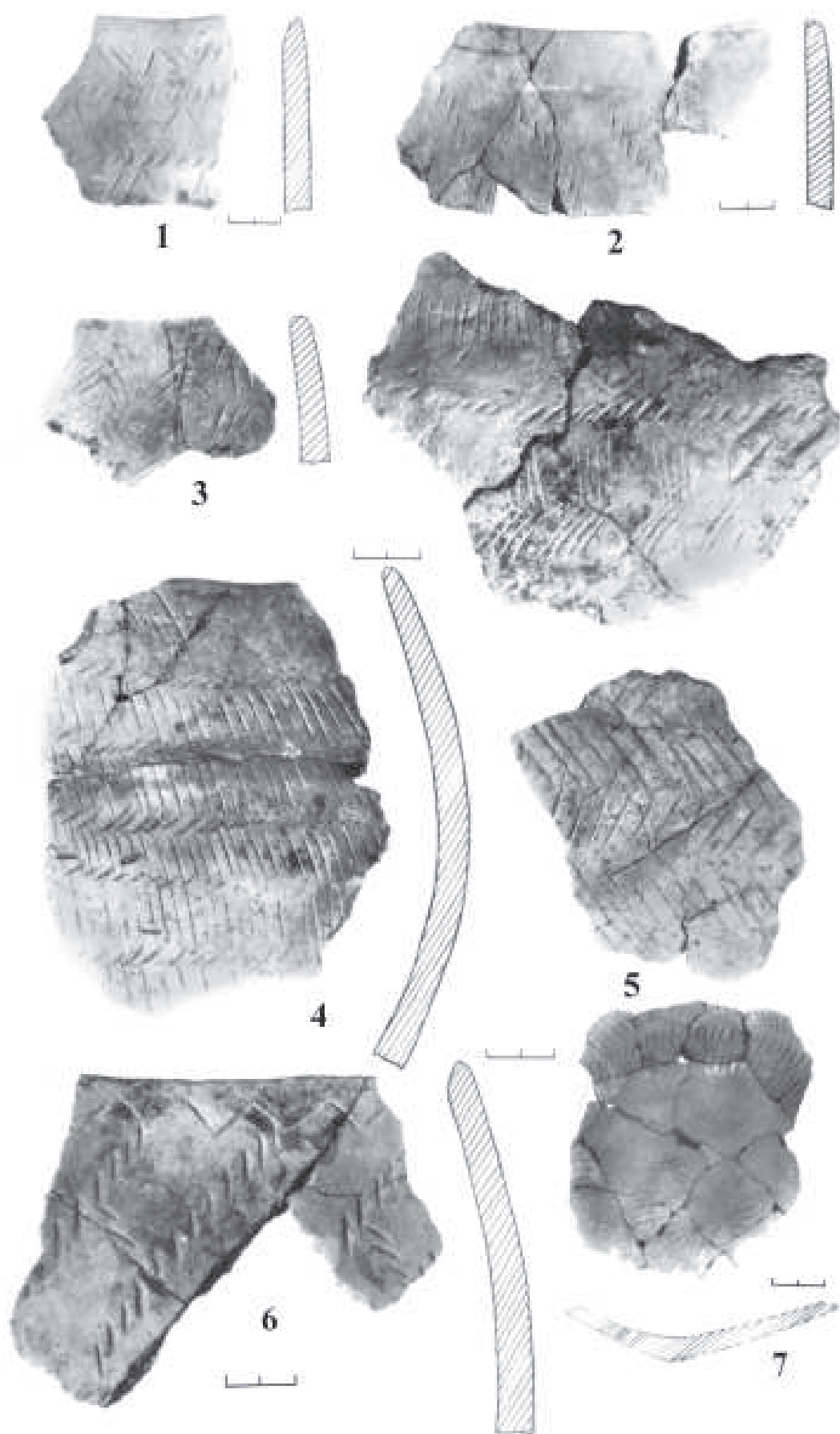

Рис. 7. Неолитическая керамика
-27-

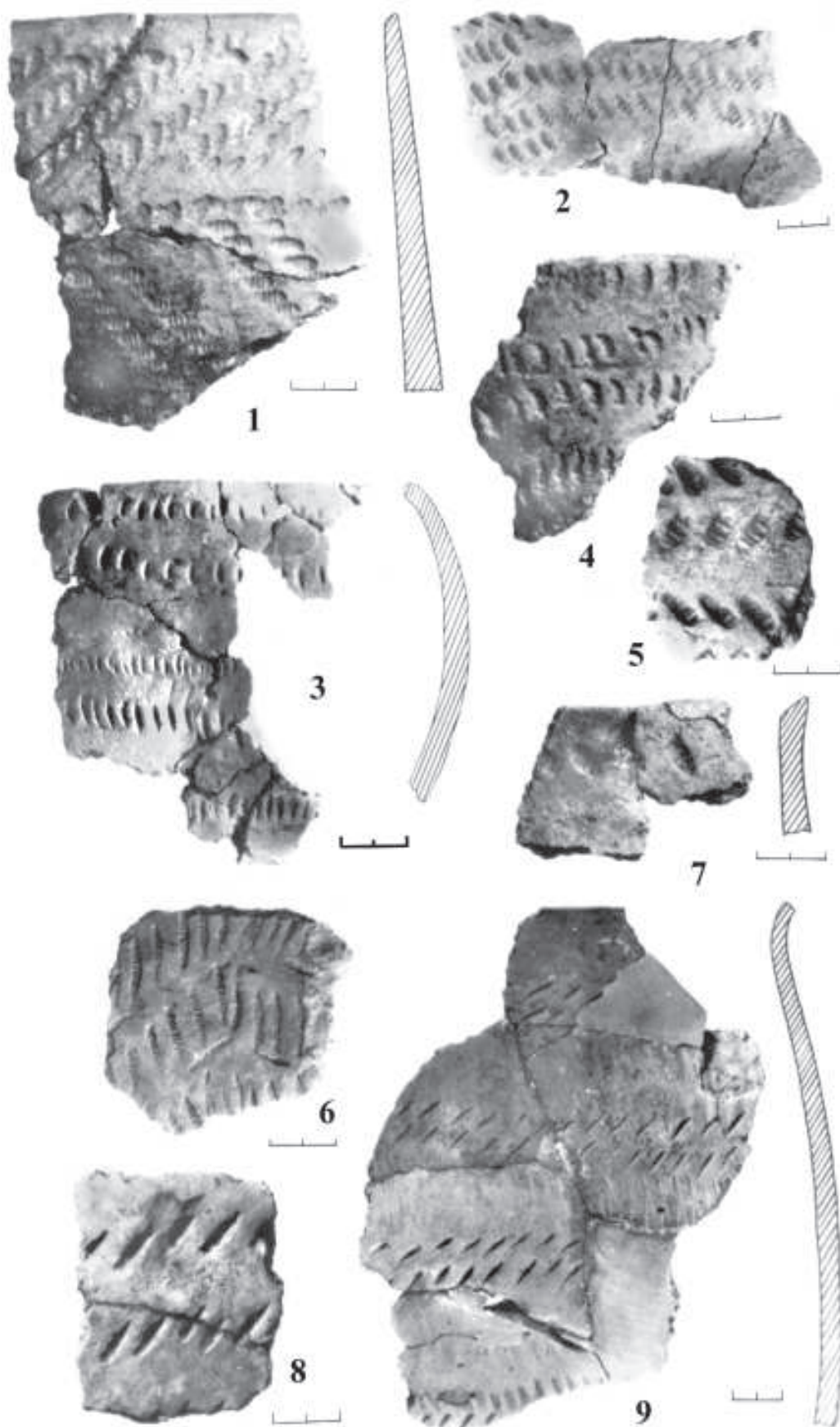

Рис. 8. "Флажковый" комплекс керамики

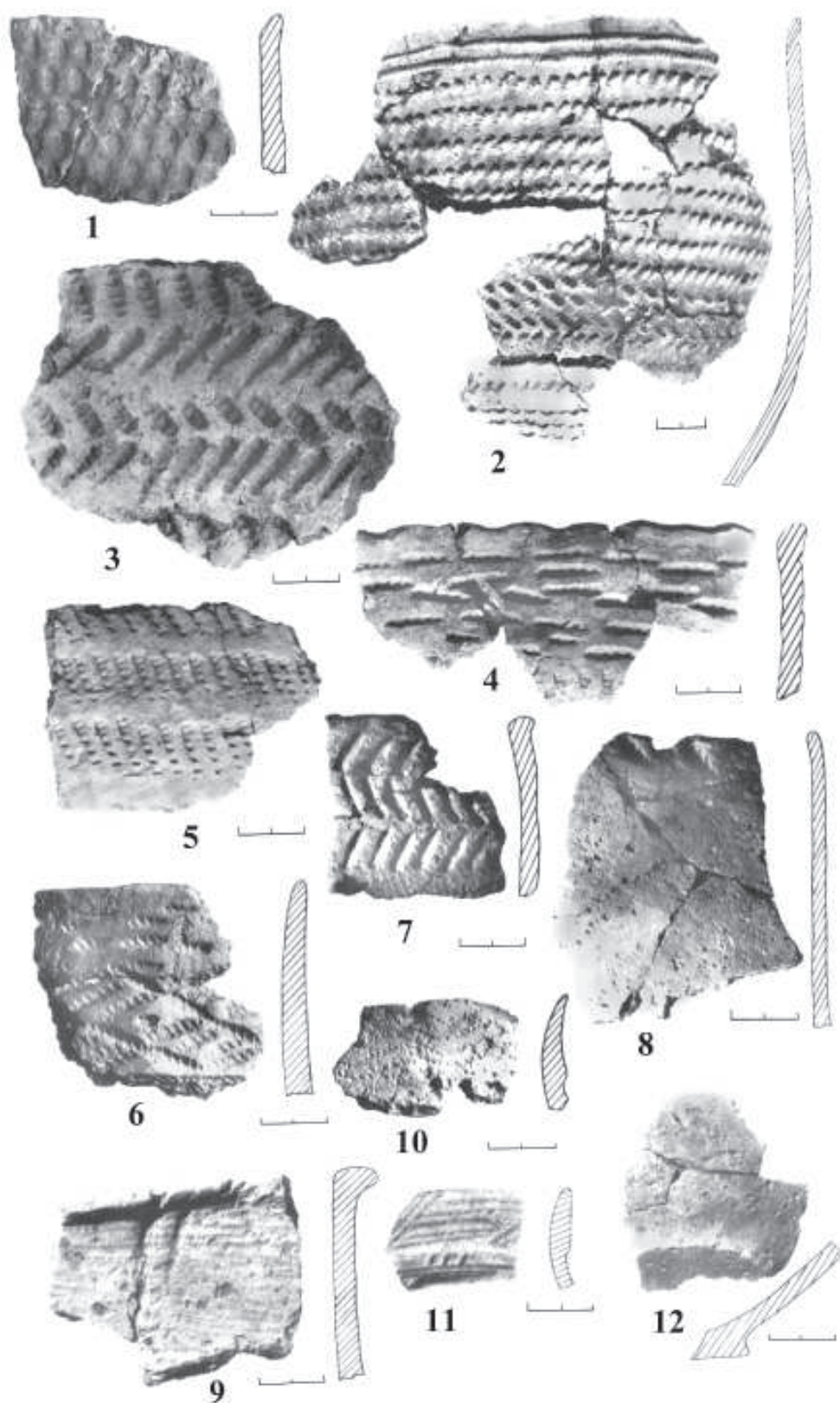

Рис. 9. Ольховская керамика турбинской культуры и ананьинская железной эпохи (ф. 9,11,12)

Рис.10. Глиняный "утюжок"

**В.П. Мокрушин,
Е. Л. Лычагина
НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСЕЛЕНИЯ
ЧЕРНУШКА**

В 1996 г. отрядом Камской археологической экспедиции были продолжены охранные раскопки поселения Чернушка, расположенного на территории одноименной деревни, в 7 км к западу от г. Чайковского. Памятник занимает край левобережной камской боровой террасы, ограниченный почти отвесным береговым обрывом высотой 10-14 м (рис.1).

Ровная, постепенно повышающаяся в западном направлении площадка памятника разделена глубокой узкой долиной ручья Студеный на две неравные части. Меньшая из частей, величина которой около 1500 кв. м, размещается на подтреугольном частично залесенном выступе. В 1954 г. В. А. Могильниковым зафиксированы тут три крупные овальные понижения глубиной до 20 см, воз-

никшие, по его мнению, на месте древних полуземлянок. В 1969-1971 гг. В. П. Денисов дополнительно обследовал археологический объект и вскрыл одну из предполагаемых построек, оказавшуюся естественной западиной.

Основная, северо-западная половина памятника, занимающая не менее 5,5га, находится под усадьбами жителей деревни, дачами и огородами, на которых изредка встречались мелкие неорнаментированные фрагменты стенок сосудов железного века. Незанятой оставалась лишь прилежавшая к устью ручья задернованная площадка (50х70м). Ее предполагалось отвести под застройку. По этой причине в 1996 г. на ней была заложена пробная траншея, в ходе работы

сильно расширенная к северу, вплоть до дороги, спускавшейся к реке. В результате возник раскоп величиной 170 кв. м, где общая мощность супесчаных культурных отло-

жений колебалась в пределах 40-100 см.

Поверхность восточных секторов оказалась перекрытой слоем мусора толщиной до 37 см, перемешанного с землей легкого серова-

Рис. 1. План стоянки Чернушка

того оттенка из-за примеси золы. Ниже повсеместно шла однородная очень рыхлая почти черная почва, мощностью 15-50 см, сформировавшаяся, судя по весьма неровной нижней кромке, при перекапывании огородов лопатами. Она изобиловала современными бытовыми отбросами. Помимо них тут встречался и археологический инвентарь, в своей массе сосредоточенный глубже, в относительно плотном не потревоженном оранжевом грунте, толщиной 10-42 см, содержащем отдельные крупные слабо гумусированные пятна, а также мелкие включения разных тонов.

После удаления дерна и мусора на глубине 30-45 см отчетливо проявились контуры многочисленных вкопов явно позднего происхождения. Среди них преобладали маленькие, квадратные либо прямоугольные, предназначенные для установки столбов, хотя встречались и большие, представлявшие собой ямы для отходов и заброшенные погребя (рис. 2).

Хорошо прослеживались также очертания обширной (габаритами не менее, чем 5,5 x 7,5 м) полуземлянки эпохи поздней бронзы с неоднородным мягким заполнением. Вверху залегал коричневатый нанос толщиной до 46 см, который изобиловал пятнами желтой, темной и пепельной окраски, а также немногочисленными осколками косточек и комочков обожженной глины. Северо-западный конец сооружения уходил за границы раскопа.

При зачистке на глубине 45 см, предположительно, были зафиксированы очертания двух плохо выраженных, очень нечетких, слабо углубленных жилых сооружений

поздненеолитического времени. Первая постройка представляла собой длинную аморфную в плане западину, шедшую почти вдоль всего северного края раскопа.

Южнее протянулось с запада на восток не менее чем на 6 м точно такое же по характеру своего заполнения бесформенное понижение. Его западный конец полностью уничтожен, а ширина достигала 3,9-4,5 м, уменьшившись на глубине 65 см до 3-3,8 м, особенно сильно с юго-восточной стороны (рис.2). Внутри этого сооружения отмечено несколько интересных деталей и среди них - овальное темное пятно 30x25 см. По соседству располагалась сильно вытянутая (160 см в поперечнике) аморфная в плане линза желтоватого однородного стерильного песка мощностью до 53 см. Она заполняла середину большой очень нечеткой ямы 2,4 x 2 м. Последняя вмещала многочисленные ортзандовые прожилки, местами превращавшиеся в комки величиной до 65 см, имела довольно крутые стенки и неправильно овальные в плане очертания. По северному краю в нее, до отметки 100 см, спускался язык сероватой почвы. Неровное бугристое уплощенное дно ямы, достигавшее отметки 115 см, было прикрыто блеклым оранжевым культурным слоем толщиной 15-28 см, в котором на глубине 1 м отмечены отдельные угольки (рис.2).

С отмеченными нами особенностями культурного слоя были, в основном, связаны культурные остатки эпохи неолита. На них нам бы хотелось остановиться поподробней.

Коллекция каменного инвентаря поселения Чернушка насчитывает 557 предметов. Большинство

каменных изделий изготовлено из широко распространенной по всему региону обычной русловой гальки. Она хорошо представлена и в культурных отложениях изучаемого памятника. В дело преимущественно шел материал среднего качества. Судя по мелким отщепам и чешуйкам, доминировал серый

кремнь (более 50% всей выборки), обычно темного оттенка, хотя широко использовались и его цветные разновидности.

Основную массу находок составили отходы производства. Они представлены: отщепами – 60 экз., чешуйками – 160 экз., бесформенными осколками и сколами – 124

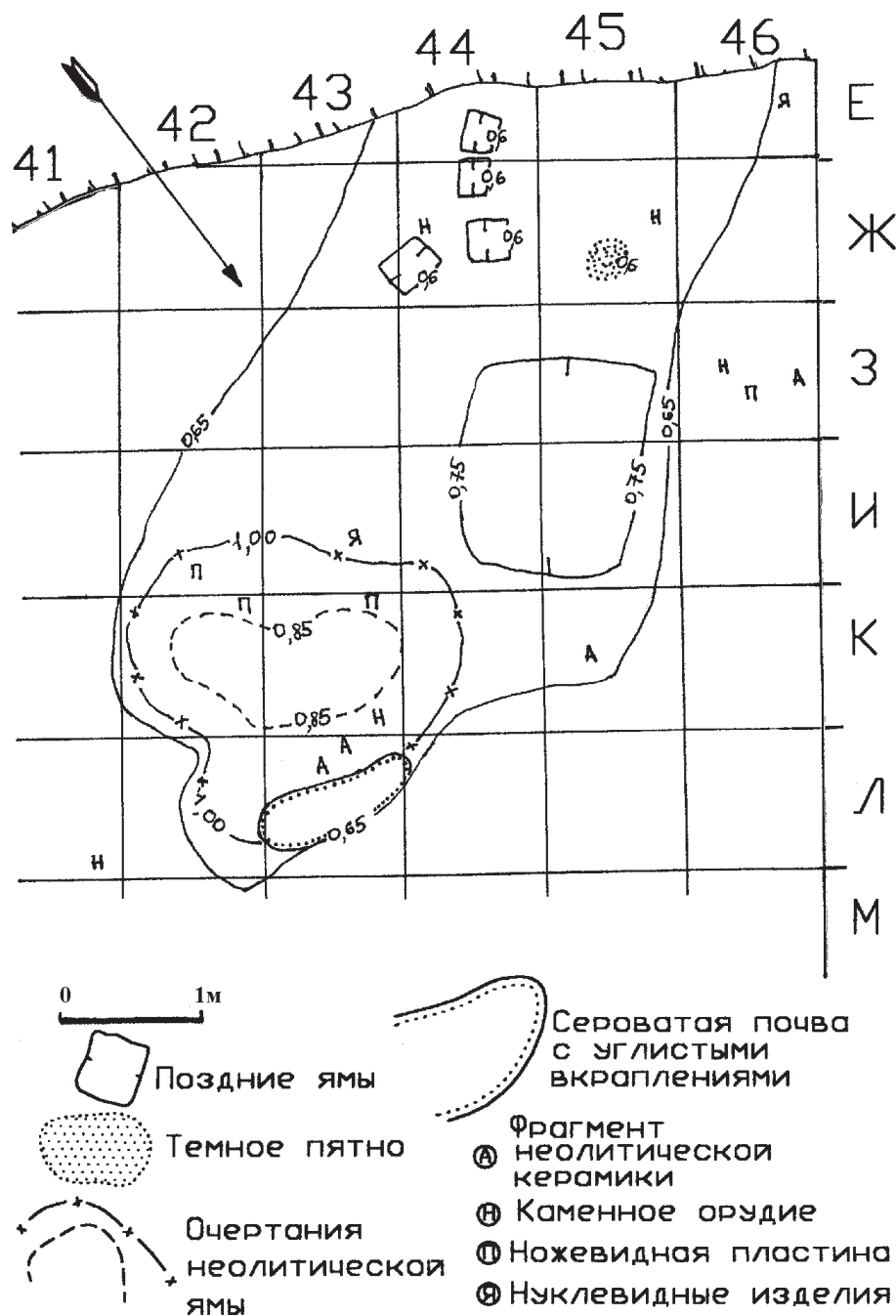

Рис.2. План раскопа на стоянке Чернушка

экз.

В коллекции много ядрищ (43 экз.). Есть нуклевидные куски, высотой 30-34 мм, с необработанной ударной площадкой, служившие для скалывания отщепов; отбракованные заготовки в виде поперечных сечений удлиненных галек; продольные и мелкие осколки. Имеются площадки ядрищ, поперечные и диагональные осколки их верхних частей.

Законченных нуклеусов 13 экз. Представлены нуклеусы средней величины — подпризматические (рис.3,ф.6), конические (рис. 3,ф.5); подклиновидные; торцовый, из качественного зеленоватого плотного хлоритового мелкозернистого сланца, расколовшийся в процессе работы на три примерно равных куска. Присутствуют и мелкие предельно сработанные нуклеусы высотой 19-25 мм. С описанных выше нуклеусов скалывались, в основном, узкие пластины и небольшие пластинчатые отщепы.

Пластин в коллекции 125 экз., из них около половины (60 экз.) имеют следы вторичной обработки. Среди пластин встречаются целые экземпляры, включая сюда пластину, тщательно фасетированную со стороны спинки (рис.3,ф.8) Однако доминировали сечения: дистальные, проксимальные и медиальные. Один из медиалов (от него сохранился лишь осколок), вероятно, принадлежал к категории вкладышей с краевой дорсальной ретушью (рис. 3,ф.14). На трех сечениях имелись резцовые сколы, в том числе во всю длину.

Есть ребристые пластины — 4 шт. Одну из них применяли в качестве развертки.

Всего же изделий с вторичной обработкой в коллекции памятника 99 экз. Из них основную массу, как уже отмечалось, составляют пластины с ретушью - 60 экз. Из других форм орудий следует отметить маленький наконечник стрелы с узким коротким черешком и треугольным пером, изготовленный из дистала пластины окремневшего известняка (рис.3,ф.9).

В коллекции имеются, помимо прочего, изделия с небольшими выемками — 5 экз., сколы и отщепы со следами сработанности — 7 экз. Следует упомянуть два отщепа. Первый - из зеленоватого сланца с фрагментом шлифованной поверхности, а второй — мелкий, с ретушированным углом, вероятно, использовавшийся в качестве резца.

Обращают на себя внимание долотовидные орудия с широкими лезвиями (2 экз.), а также предметы, напоминавшие их и имевшие крупную выемку (4 экз.).

Вызывают интерес ножи. Один из них, принадлежавший к категории «ложкарей», изготовлен из крупной широкой пластины светло-серого кремня (рис.3,ф.7), а три оставшиеся - из отщепов, в основном удлиненных.

Упомянем группу предметов с микроретушью по краю (6 экз.). Преимущественно это чешуйки, а также тонкие мелкие отщепы. Два резачка с нерегулярной двусторонней ретушью по режущим кромкам, возможно, относятся уже к более позднему времени.

Скребки — двух типов: а) концевые на отщепах и осколках темно-серого кремня (рис.3,ф.10,11); б) из рассеченного вдоль фрагмента нуклеуса.

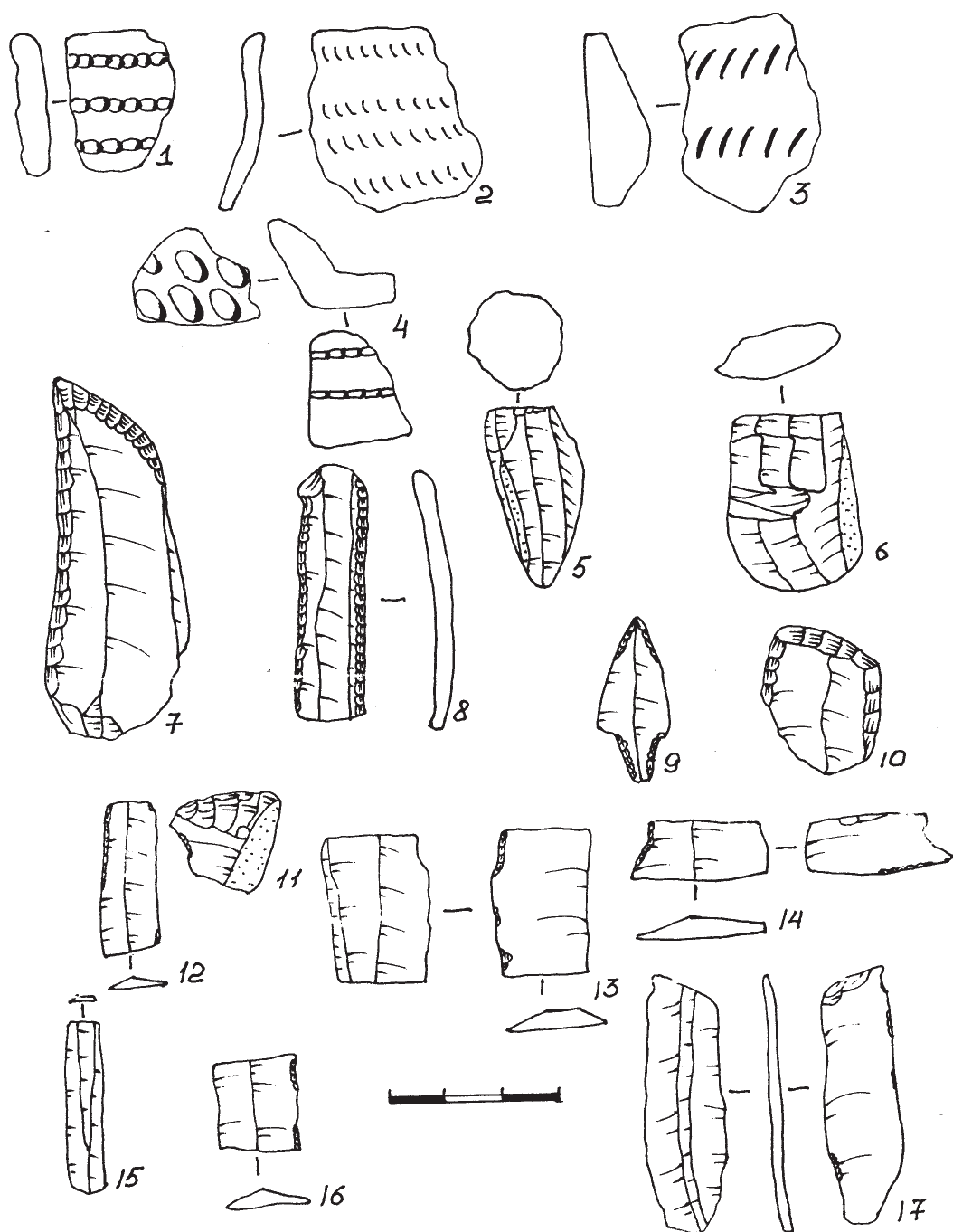

Рис.3. Керамика эпохи неолита и каменный инвентарь стоянки Чернушка

Значительная серия предметов (44 экз.) изготовлена из коричневатого полупрозрачного халцедона, добывавшегося в меловых отложениях, о чем свидетельствует белая известковая корка на двух издели-

ях. В числе находок ребристый скол, чешуйки — 8 шт. и целые пластины трапециевидного сечения (рис.3,ф.15) — 3 шт. Но больше всего обломков пластин, особенно медиальных (17 экз.), из которых

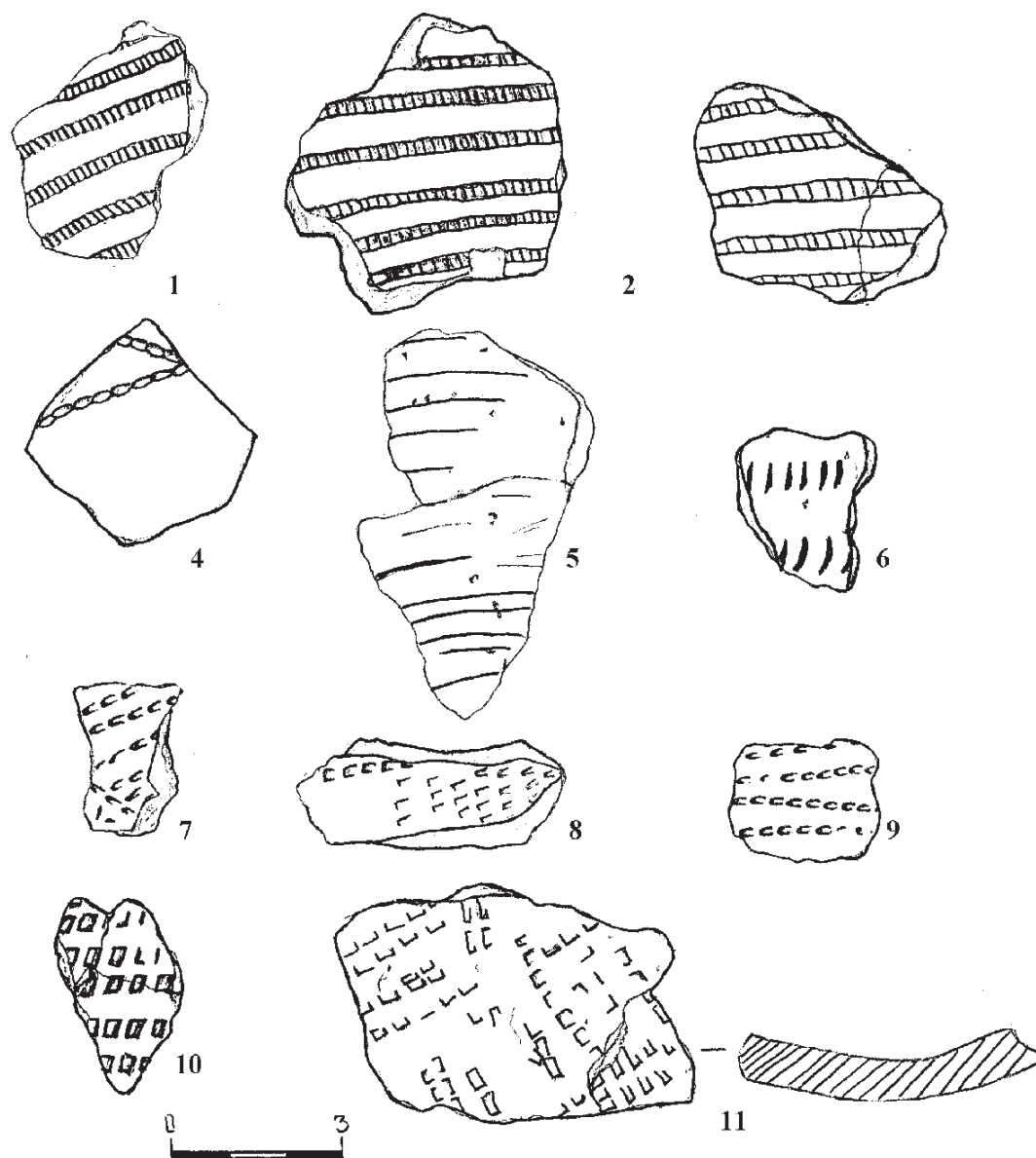

Рис. 4. Фрагмента неолитической керамики стоянки Чернушка

изготовлены 3 вкладыша (рис.3,ф.14), угловой ретушной резец (рис.3,ф.13) и 2 ножа. Проксимальные (8 экз.) и дистальные (3 экз.) концы пластин не столь многочисленны и лишь в одном случае несут слабые следы утилизации. Имеются и отщепы (4 экз.), в основном тонкие, причем два из них с микроретушью.

Таким образом, среди изделий из халцедона значительную часть составляют орудия — 9 экз.

(рис.3,ф.12-17), в то время как явные отходы производства — чешуйки и отщепы без ретуши — довольно немногочисленны — 10 экз. (соответственно 20 и 23% выборки). Оставшийся инвентарь можно условно рассматривать как неиспользованные заготовки. Совершенно очевидно, что на поселение полупрозрачный халцедон поступал уже либо в виде орудий, либо пластин-заготовок. Встреченные в процессе раскопок отдельные чешуйки и отще-

пики образовались, надо думать, в процессе повторной утилизации сломанных орудий.

Поздненеолитическая керамика представлена немногочисленными и, как правило, весьма мелкими обломками сосудов, вылепленных из теста с примесью шамота и песка. Все фрагменты плотные, некоторые относятся к категории толстостенных. Многие черепки без орнамента. На исследованном поселении представлено несколько групп керамики, различающихся по способу орнаментации тулова. Все орнаментированные фрагменты керамики можно разделить на две группы. В первую очередь это плоскодонные тонкостенные емкости, украшенные наколами — 67 экз. (рис. 3, ф. 1, 2, 4, рис. 4, ф. 4, 6-9). Вторая группа состоит из 22 фрагментов керамики, орнаментированных гребенчатым штампом двух типов: а) узкий, мелкозубый (рис. 4, ф. 5) и б) широкий (3-4 мм), длинный, с косыми зубцами (рис. 4, ф. 1-3, 10-11). Рассмотрим упомянутую нами керамику подробнее.

Как уже говорилось, для памятника были характерны плоскодонные сосуды баночных форм со слегка закрытым горлом. Один из венчиков имел наплыв с внутренней стороны толщиной 0,3 см и был покрыт рядами ногтевидных вдавлений (рис. 3, ф. 3). Остальные венчики имели либо округлый, либо уплощенный торцы и были орнаментированы насечками и округлыми наколами «отступающей палочки» (рис. 3, ф. 1-2). Один венчик имел насечки по срезу. Фрагменты днищ также были украшены овальными и округлыми наколами «отступающей палочки» (рис. 3, ф. 4).

В целом, орнаментация посуды осуществлялась как с помощью отдельных наколов, так и с помощью отступающей палочки. Наиболее популярен был узор из овальных наколов «отступающей палочки» — 70%. Также встречаются треугольные и прямоугольные наколы, насечка. Узор обычно состоял из горизонтальных рядов наколов. В двух случаях зафиксирован зигзаг, состоящий из овальных наколов «отступающей палочки».

Комплекс накольчатой керамики поселения Чернушка выглядит достаточно однородным. Ближайшие аналогии керамике данного памятника можно обнаружить на памятниках устья Камы типа поселения Щербеть [Габяшев 1976].

Как уже отмечалось, комплекс гребенчатой посуды состоял всего из 22 фрагментов. К сожалению, ни одного венчика, украшенного гребенчатым орнаментом, на памятнике обнаружено не было. Но находка двух фрагментов округлых днищ свидетельствует о том, что для памятника были характерны сосуды полуяйцевидной формы, распространенные в Камской неолитической культуре. Толщина фрагментов колебалась от 0,8 до 1 см. Орнамент был представлен горизонтальными и наклонными рядами штампа. В одном случае использован узкий штамп, и узор напоминал линейный. В целом, небольшая коллекция гребенчатой керамики поселения Чернушка имеет ближайшие аналогии в материалах стоянок Усть-Залазнушка и Левшино [Шмидт 1940].

Присутствие на изученном нами поселении нескольких групп керамики, вероятно, свидетельству-

ет о разном происхождении древних обитателей Предуралья. Видимо, с носителями накольчатой посуды связан комплекс изделий (преимущественно пластин) из полупрозрачного халцедона. Использо-

вание такого сырья характерно для Нижней Камы и Средней Волги и, судя по всему, в позднем неолите имело место продвижение населения с юга на север, вверх по Каме.

Осенью 2002г. в результате трагического стечения обстоятельств ушел из жизни известный пермский археолог, наш общий друг, сотрудник Пермского областного краеведческого музея Анатолий Николаевич Лепихин. Его археологическая жизнь началась еще в детстве, когда он пришел на занятия в Школу юных археологов. Будучи студентом исторического факультета Пермского государственного университета, он увлекся изучением памятников раннего железного века. Огромную роль в формировании А.Н. Лепихина как исследователя сыграла его работа в Ильинском краеведческом музее. Его основной исследовательской темой стало изучение святилищ Прикамья периода раннего железного века.

Вскоре после перехода на работу в Пермский областной краеведческий музей А.Н. Лепихин возглавляет сектор отдела археологии. В его ведении были многие коллекции отдела, в том числе и знаменитая коллекция Теплоуховых. А.Н. Лепихин вел большую популяризаторскую работу: проводил экскурсии, выездные лекции, участвовал в работе передвижного музея. Частым гостем был А.Н. Лепихин на занятиях Школы юных археологов Пермского Дворца творчества юных, многие выпускники этой Школы свои первые научные рефераты и доклады подготовили под его руководством. А.Н. Лепихин знал множество преданий, легенд, просто занимательных историй, был приятным и интересным собеседником, имел множество друзей.

А.Н. Лепихин автор нескольких десятков научных публикаций. В последние годы жизни им была подготовлена диссертация кандидата исторических наук, которая успешно прошла предварительную экспертизу в Диссертационном совете при историческим факультете Удмуртского университета. К сожалению, защищать её А.Н. Лепихину не пришлось.

Авторы сборника чтят светлую память А.Н. Лепихина, мы уверены, что он был бы рад прочитать публикуемые в этом сборнике материалы.

*А.М. Белавин,
Н.Б. Крыласова*

В.А. Сокол ТОЛЯ ЛЕПИХИН

Легко ли писать воспоминания о Толике? Трудно. Но надо.

Был, копал, писал, любил. Ужасно так (в прошедшем времени) говорить о человеке, который любил жизнь. А любила ли она его?

Познакомился я с ним в 1980 году. Вот как это было. Я тогда учился на 4 курсе исторического факультета Пермского государственного университета. Перед занятиями мы всегда собирались в кабинете археологии, делились новостями, о чём-то договаривались, решали свои тогдашние проблемы. Мы — это студенты разных курсов, интерес у которых был один — археология. И вот захожу я как-то в кабинет, а там за столом сидит какой-то лохматый школьник и перебирает коллекцию керамики. Сам я занимался тогда изучением ананьинской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье. Разговорились. Оказалось, что этот школьник тоже хочет изучать данный период, и уже успел прочитать много книг по этому вопросу. Эта тема нас и познакомила и сблизила.

Через год мы с ним уже были в одном отряде КАЭ и копали под руководством А.Д. Вечтомова Гляденовское костыще. Жили в одной палатке, поровну делили нехитрый экспедиционный быт.

Каким был Толик? Был он неприхотливым ни в еде ни в быту. Как сейчас он стоит перед глазами: на ногах кирзовые сапоги, старые джинсы, красная рубашка,

серо-зелёный свитер. Поверх всего штормовка, испещрённая разными надписями — была тогда такая мода в Камской археологической экспедиции. И вечно растрёпанные волосы.

«Ну, что-о? Покурим, что ли?» В ушах стоит его кряхтящий голос. «А я рыба, я рыба, а я рыба — селёдка иваси», — любил припевать он, переделав известную то ли испанскую, то ли мексиканскую песню. А его смех!? Свистяще-кряхтяще-булькающий. «Смех беременного птеродактиля» — называли мы его.

Толик был абсолютно грамотен, знаки препинания всегда стояли на своём месте, а вот само написание букв...! «Ты в школе, что ли, не учился в первом классе?» — всегда спрашивали его те, кто впервые видел эти каракули. Но сколько интересного можно было прочитать, разбирая их, как на семинаре по палеографии.

Звали Анатолия по-разному: Лип, Пых, Монополь, Толик. А я его звал часто «Сынок», сам же бывал для него «Батяня». «Ну, что-о, батяня, может, по-маленькой?» А потом сидим, курим, глядим в огонь костра. И каждый думает о своём.

А какой он был рассказчик! Прибаутки и поговорки так и сыпались из него. Столько интересного от него узнавали школьники на его лекциях и экскурсиях на выставках в отделе археологии краеведческого музея. Много знал он легенд и преданий Прикамского края. Надо было видеть глаза слушающих его детей, когда Толик пересказывал эти легенды, когда быль и небыль тесно переплетались в его рассказе, и невозможно было отли-

читать выдумку от правды.

Помню его руки, бережно перебирающие коллекции. И о каждой находке он мог рассказывать подолгу.

И была у него ЛЮБОВЬ. Света, Светик. Влюбился он в неё ещё на первом курсе и пронёс это светлое чувство через всю жизнь. Но судьба распорядилась иначе — она вышла замуж за другого и уехала из Перми, родила детей, а он всё любил её. На последней встрече выпускников их курса эти два человека просидели рядом весь вечер и говорили, говорили, говорили. Толик потом ходил несколько дней сам не свой. Очень сильно переживал, вспоминая эту встречу. «Бросила бы мужа, взяла детей и переехала бы ко мне в Пермь!» — говорил он мне потом. Так и пролюбил её одну всю свою недолгую, заполненную археологией жизнь. «Только! У тебя всегда так много девчонок в отряде, неужели не можешь выбрать себе подругу?» — спрашивал я его. «Не нужен мне никто, кроме Светки!» — отвечал он мне.

Отдельный разговор — это его бабушка Александра. Помню, как она заботилась о нём, переживала по поводу его неудач, душевных страданий, радовалась вместе с ним успехам. «Вы же знаете, Володя, как Толик переживает, страдает. Ведь он никому ничего не говорит, но я ведь вижу. Вы хоть с ним поговорите», — говорила она мне иногда. И помню, как Толик ухаживал за ней — больной парализованной старушкой. И помню его слёзы: «Ну, вот один и остался...»

И опять всплывает в памяти его холостяцкая однокомнатная «хрущёвка» около Цирка, до предела заполненная книгами и одиночеством. Много перебывало там друзей-товарищей, знакомых. Частенько и я оставался у него, когда разговоры заходили далеко за полночь и трамваи уже не ходили. Разговоры были обо всём — о жизни личной и общественной, о женщинах, о книгах, об археологии, просто ни о чём и обо всём сразу.

Но так и жил Толик в одиночестве. И когда он уходил от всех нас, то тоже оставался один.

О.Б.Подвинцев ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО

Толика Лепихина я впервые увидел, когда мы оба были абитуриентами исторического факультета ПГУ. И хотя у меня была возможность убедиться, что многое в отечественной истории он знает гораздо лучше меня, узнав, что мы оба зачислены, подумал: «Неужели придется пять лет учиться в университете вместе с этим типом?». Все пять лет мы просидели за одной партой. И после он оставался моим самым близким и доверительным другом.

Его жизнь оказалась короткой, а смерть страшной, одновременно и нелепой, и загадочной. Ему постоянно не везло — и в мелочах, и в вещах важных. Даже похороны прошли как-то бестолково — и не по вине их организаторов. Но он оставил по себе удивительно светлую память — наверное, у всех, кто его знал.

А знали его многие. На похоронах я в этом лишний раз убедился, встретив многих людей, о которых даже не подозревал, что они имеют какое-то отношение к Толику. Он не вел занятий в университете, не руководил археологическими кружками. С «юными археологами» и студентами знакомился в основном в экспедициях. Кого-то начинал называть своими учениками. Многие потом переставали заниматься археологией. Однако сохраняли друж-

бу с Толиком. У него были друзья, приятели, знакомые на каждом курсе. Жизнь сводила его с самыми разными людьми. Но проблем в общении он, как правило, не испытывал. Люди сами тянулись к нему. Потому, что со всеми он держался на равных и бесхитростно. Потому, что был он человеком обаятельным. Потому, что был он человеком очень интересным.

Одним из слагаемых обаяния Толика был его профессионализм. Он любил свою науку без пафоса, но предан был ей абсолютно. Археология часто вызывает досужее любопытство. Толик мог говорить о ней часами, доступно и просто, но так, что любому собеседнику сразу становилось ясно — он имеет дело с настоящим специалистом. К тому же Толик был очень эрудированным человеком. И готов был делиться своими знаниями с каждым, кто проявлял к ним интерес. Это располагало настолько, что выпущенный из тюрьмы карманник, с которым Толик познакомился, коротая время на станции, потом признался ему, что собирался его обворовать, но не сделал это «из любви к археологии».

Толик не чурался никакой черновой работы — ни в повседневной жизни, ни в науке. Тосковал, если во время полевого сезона какое-то время не мог выезжать в экспедиции. Он был человеком очень мягким, но в науке отстаивал свои суждения и взгляды, имел свою позицию, и, если был с кем-то не согласен, прямо говорил об этом.

Пермский археолог Анатолий Николаевич Лепихин оставил после себя десятки опубликованных и неопубликованных работ, подготов-

ленную, но не защищенную кандидатскую диссертацию, множество добытого им в экспедициях и разведках материала. О научной значимости сделанного им должны судить специалисты. Конечно, он не был лидером среди своих коллег, он

вообще нигде и никогда не стремился быть лидером. Наверное, его нельзя назвать создателем нового направления в науке или новой научной школы. Но он был душой пермской археологии, которая с его уходом потеряла очень много.

**А.Н. Лепихин,
А.Ф. Мельничук,
Р.Ф. Вильданов,
Е.В. Чуйкина
КУЛЬТУРНЫЕ
ОПОСРЕДОВАННЫЕ
СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ
С ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И
АНТИЧНЫМ МИРОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ГЛЯДЕНОВСКОГО
КОСТИЩА)**

Гляденовское костыще самый значительный древний культый памятник Среднего Приуралья, наиболее полно характеризующий материальную и духовную культуру первобытного населения этого обширного региона во второй половине I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. Вещественный материал поселений и могильников гляденовской культуры в сравнении с пьяноборскими и кара-абызскими древностями крайне скуден и представлен стандартными предметами (костяные наконечники стрел, невыразительные железные изделия и т.д.), которые являются продуктами местного производства. Однако вместо могильников аккумуляция престижных импортных изделий происходила на своеобразных жертвенных местах — костыщах, где

собраны материалы, свидетельствующие о культурных связях гляденовского населения с сарматским миром евразийских степей и опосредованно через них с античными и среднеазиатскими государствами.

Активные южные культурные связи таежного Прикамья отмечаются уже с эпохи бронзы, что хорошо отражено в материалах некрополей турбино-сейминского типа, где появляются редкие бронзовые изделия алтайского происхождения. Особенно они проявляются в ананьинскую эпоху (первая половина I тыс. до н.э.), когда население Среднего Приуралья испытывало сильнейшее культурное воздействие скифского евразийского мира. Вместе с предметами скифо-сакского происхождения на территории Среднего Приуралья проникают и редкие изделия, связанные с древними государствами Востока — Ахеменидский Иран, Древний Египет [Иессен. 1952]. В Среднем Приуралье на памятниках ананьинского времени найдены бронзовый иранский котел (Чердынский район), изображение бога Амона (поселение Конецгор), восточные синие глазчатые бусы (Першинский могильник).

Материалы Гляденовского костыща характеризуют продолжение южных культурных связей в пьяноборскую эпоху (конец I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). Важнейшим источником, определяющим эти процессы, является самый ранний нумизматический материал, когда-либо выявленный в Приуралье, который представлен чрезвычайно редкими для таежных областей Евразии медными монетами древних государств Средней Азии

и Китая (начало I тыс. н.э.). В 1896г. в ходе археологических работ на Гляденовском костыще Н.Н.Новокрещенных было обнаружено 3 медных монеты среднеазиатского происхождения, что подробно отметил в своем дневнике Ф.А.Теплоухов: “Видел в Перми у Н.Н.Новокрещенных определение монет, найденных на Гляденовском костыще. С.И.Сергеев возил....в Петербург две монеты, определил Марков и сделал следующие надписи: а). Две толстые медные монеты ... Царь Бактрии (Индо—скифский) Кадфиз I (царств. С 29 г. до Р.Х. по 10 год после Р.Х ... Со слов Маркова, это царь династии “Турушки”... б). Другая медная монета ...принадлежащая Санабару царю Сакастана. Конца I-го века по Р.Х.” (Теплоухов Л. 663). Таким образом, в 1896 г на Гляденовском костыще найдены две монеты основателя государства Великих кушан Куджулы Кадфиза (около 20г. до н.э.- 30г.н.э.), который, согласно хронике “Младшей династии Хань” (князь Кио—цзюкю), объединив территорию бывшего Греко-Бактрийского царства, совершал набеги на Афганистан, северную Индию и воевал с парфянской державой [Фрай 1972. С. 275-276]. Другая редкая монета с легендой “царь Санабар” связана с именем индо-парфянского правителя второй половины I в. н.э., власть которого распространялась на Сеистан (Сакастан), Герат и Мерв [Усманова, Филанович, Кошеленко 1985.С.227; Фрай 1972. С.252-253]. По данным Е.В.Зеймалю, Санабар был одним из наместников кушанского царя в Трансоксианы, который имел на монетах чеканку арамейской идеограммы “Герай”

или “Миай” (князь Герай). На монетах Санабара производилась чеканка изображения всадника [Зеймаль 1978. С.207. Таб.IV, 12-13].

Новейшие исследования Гляденовского костыща (1990, 1995 гг.) дали еще две медные монеты древних восточных государств, которые являются пока уникальными для таежных областей Евразии [Лепихин, Мельничук 1997. С.43-44. Рис. 13,13; Они же. 1999. С.44. Рис. 16,2]. Первая монета принадлежит к государству Великих кушан и имеет чекан царя Хувишки. Ее размеры 28 x 24 мм. Она наиболее близка к монете № 48 по каталогу Е.В.Зеймалю из собрания монет Великих Кушан Государственного Эрмитажа [Зеймаль 1967. С.83. Рис.10]. На лицевой стороне монеты изображен царь, сидящий скрестив ноги, с повернутой вправо головой в высоком головном уборе с развевающимися лентами. Правая рука у изображения находится на поясе, а левая опирается на копье. Сохранились остатки легенды “НАО”. На аверсе монеты чеканено изображение бога луны Маха, обращенное лицом влево. Его правая рука вытянута вперед, а левая расположена у пояса. Справа от изображения отмечается бактрийская надпись “МАО” (МАХ), а слева тамга. По типологии Д. Мак-Доуэлла монета, скорее всего, относится к третьей самой поздней хронологической группе [Зеймаль 1967. С.83]. К сожалению, сложность датировки кушанских монет вызвана крайней неопределенностью в хронологии государства Великих Кушан. Дата начала правления наиболее выдающегося кушанского правителя Канишки I оспаривается исследо-

вателями в пределах от 78 г. н.э. до 278 г. н.э. (т.н. “эра Канишки”). Е.В.Зеймаль, поддерживая мнение о поздней дате начала правления царя Канишки I, датирует соответственно монеты царя Хувишки временем его правления в пределах 306-333 гг. н.э. [Зеймаль 1967.С.74]. Однако ряд исследователей, в первую очередь археологи, занимающиеся проблемами изучения хронологии памятников древних государств Средней Азии, склоняются к помещению начала эры Канишки в первую четверть II в.н. [Массон 1985.С.257]. Если следовать мнению ученых, которые полагают, что эра канишки представляет собой сакскую эру (индийская историческая эра “Шака”), то монету чекана Хувишки, найденную на Гляденовском костыще, следует отнести к 106 – 133 гг. н.э. [Фрай, 1972.С. 276]. Нам кажется предпочтительней последняя точка зрения, обусловленная не только находками монет Великих Кушан, но и другим датирующим материалом святилища.

Вторая монета, обнаруженная на Гляденовском костыще, изготовлена из бронзы. Она имеет диаметр 25мм. В центре у нее отмечается квадратное отверстие (9 x 9 мм). Эта монета достоинством 5 шу отчеканена в Древнем Китае в годы правления основателя династии Младшая Хань императора Гуан Уди (принц Лю Сю) – 27-57 гг.н.э. (определение В.А.Калинина – Государственный Эрмитаж).

Появление восточно-парфянских, кушанских и древнекитайских монет в таежной полосе Среднего Прикамья, видимо, знаменует собой наличие определенного хронологического пласта в гляденовской куль-

туре, связанного с активным поступлением восточного импорта в этот регион, который по времени совпадал с наиболее ярким вторым периодом существования Гляденовского костыща по А.П.Смирнову [Смирнов 1952.С.91]. Не исключено, что поступление монет древних восточных государств в Среднее Приуралье связано с функционированием Великого Шелкового пути, протянувшегося из столицы Ханьского Китая через территорию государства Великих Кушан и парфянской державы к берегам римского Средиземноморья, и который, несомненно, оказывал сильнейшее воздействие на ближний кочевой мир. Именно в области этой мировой торговой магистрали древности наблюдаются многочисленные находки ханьских ушу, зеркал и шелковых тканей в некрополях полукочевого населения (Ферганская долина, Восточный Туркестан) [Горбунова, Ивочкина 1988. С.45; Заднепровский 1992. С.94]. К портам Западной Индии, принадлежавших империи Великих Кушан, пролегал водный и торговый путь из Египта, покоренного Октавианом Августом, откуда на территорию Средней Азии поступали изделия восточных римских провинций (Египет, Сирия), в частности, значительное количество стеклянных и фаянсовых бус [Ставиский 1977. С. 74-75], которые впоследствии оседали в ареале ближнего кочевого мира, а затем попадали при обменных операциях в области таежной периферии Приуралья.

Бусы на гляденовских костыщах являются одной из самых массовых категорий находок. Они выявлены на всех святилищах гляденовской

культуры. Самая значительная коллекция импортных бус собрана на Гляденовском костыще (13893 экз).

Наиболее всего на гляденовских культовых памятниках распространены стеклянные бусы с внутренней позолотой, которые в процентном отношении от всех видов бус составляют от 55 (Слепушка) до 92,6%. На гляденовских святилищах значительно преобладают округлые бусы типа 1 по Е.М.Алексеевой. Многочастные бусы встречаются значительно реже. Бусы с внутренней позолотой появились в античных полисах Северного Причерноморья в III в. до н.э. и широко распространились в Прикамье на памятниках пьяноборского культурного круга. Они являются своеобразным хронологическим репером существования гляденовских культовых памятников, так как с V в. н.э. эти изделия с внутренней позолотой сменяются украшениями, изготовленными по новой технологии — бусами с золоченым стеклом [Алексеева 1982].

Меньшую группу в комплексах гляденовских святилищ составляют бусы из египетского фаянса с бирюзовой, синей и зеленой глазурью. Они имеют разнообразную форму, но среди них преобладают округло-гладкие, округло — ребристые и округло-бугристые. Встречены отдельные находки подвесок в виде амфорки и фаллоса, датируемые первыми веками 1 тыс. н.э. [Алексеева 1975. С. 31 —47].

Следующую группу импортных изделий составляют бусы из одноцветного стекла. Они многочисленны, но разнообразны (янтарно-желтые, желтые, синие, бирюзовые, оранжевые). Аналогии им известны

в Северном Причерноморье. Обращают внимание две фигурные бусины — пронизи в виде птиц, которые были наиболее популярны в античных городах Северного Причерноморья во II—I вв. н.э. и бытовали до первых веков нашей эры [Алексеева 1978. С.64].

Более значительный комплекс представляют мелкие бусинки из непрозрачного или полупрозрачного стекла в виде бисера синего, зеленого, желтых цветов. Отмечаются также полихромные разнообразные стеклянные бусы. Среди них в количественном отношении преобладают крупные (до 22мм) округлые бусы из темно — синего непрозрачного стекла с синими глазками в белой кайме, значительно реже выявлены бусы с синими глазками в желтом ободке, с черными глазками в узкой белой или широкой синей кайме, с сине-бело-желтыми глазками. Глазчатые бусы появляются в среднем Прикамье еще в раннеананьинскую эпоху (Першинский могильник VIII-VI вв. до н.э.). Они имеют бирюзовую окраску и косые ряды глазков и производились в мастерских Египта. В эпоху эллинизма появляется новая технология изготовления глазчатых бус, которая в разных вариациях их декора существовала до первых веков нашей эры.

Исключительный интерес представляют крупные бусы из редкой разновидности голубовато-серого или молочного халцедона-сапфирина (Гляденово, Слепушка, Ильинское), которые связаны с финальным этапом функционирования костыщ (III-IV вв. н.э.). Очевидно, что эти крупные бусы редкого минерала, следуя А.М.Хазанову, исполь-

зовались у древних сармат для украшения темляков мечей [Хазанов 1971.С.25] и попали в Среднее Приуралье к позднегладеновскому населению от мазунинских и азелинских общин, где изделия из халцедона-сапфирина были достаточно распространены.

Изучение бус гладеновских костышек показывает, что основные аналогии им обнаруживаются на античных памятниках Среднего Причерноморья. Однако это не значит, что основной поток этих изделий шел в таежное Прикамье именно из этого региона, так как почти все археологи для датировок бусинного материала раннего железного века используют капитальные труды Е.М.Алексеевой, хотя бусы этих типов были распространены и в других регионах, в частности, в Средней Азии. Юго-восточное направление поступления античных бус в ареал гладеновской культуры хорошо иллюстрируют монеты древневосточных цивилизаций. Возможно, с направлением этих культурных связей хронологически сопрягается находка фрагмента серебряной чаши греко-бактрийского происхождения (II в. до н.э.) с изображением богини Нано [Тревер. 1958.С.138.Рис. 12].

Несмотря на то, что в полисах Среднего Причерноморья происходила длительная чеканка разнообразных монет вплоть до нашествия гуннов, мы не знаем ни одной находки античных монет в таежной области Среднего Приуралья, за исключением каких-то непроверенных дореволюционных данных о монете Марка Аврелия, нумизматическое обследование которой не проводилось.

Интересно отметить, что хронологически близкое по характеру поступление предметов среднеазиатского происхождения наблюдается в Приобье (ареал распространения кулайской культуры), где в кладах и на жертвенных местах найдены серебряный медальон бактрийской работы с изображением богини Артемиды или амазонки, а также две серебряные эмблематиды с изображением портрета парфянского царя Готарза I. Характерно, что этим находкам сопутствовали бронзовые китайские зеркала [Полосьмак, Шумакова 1991. С. 61-62]. Кстати, фрагменты бронзовых зеркал выявлены и на Гладеновском костышке, но чьею они производства, античного и китайского, пока не установлено. Мы склоняемся ко второму варианту. По мнению Н.В.Полосьмак и Е.В.Шумаковой, связи первобытного населения таежных областей Приобья с восточно-иранским миром способствовали "проникновению митраистского влияния" в их среду, вызвавшее появление в искусстве кулайской культуры иконографии всадника как солярного символа [Полосьмак, Шумакова 1991. С.63]. На наш взгляд, это мнение заслуживает пристального внимания, так как именно с поступлением среднеазиатского импорта в Среднем Приуралье в искусстве древнего населения этого региона впервые появляются изображения бронзовых всадников (I-III вв. н.э.), которые, несомненно, первоначально копировались с каких-то импортных образцов восточного происхождения (изображение охотящегося Митры, монеты с всадником кушанского правителя Санаба - князя Герая и

т.д.) [Мельничук 1999; Мельничук, Лепихин 2002]. Появление традиции гравировок в центре в центре округлых медных бляшек, как в кулайских, так и в гляденовских древностях не могло произойти без влияния монетного материала. Характерно, что на втором после Гляденовского костыща по богатству материала Юго-Камском костыще, где не найдено ни одной монеты, антропоморфных граффити на бляшках не зафиксировано.

Появление среднеазиатских монет в таежном Среднем Приура-

лье в первых веках нашей эры является своеобразной предтечей дальнейшего активного поступления драгоценной утвари и нумизматического материала юго-восточного происхождения в эпоху раннего средневековья [Сасанидское 1987; Маршак 1971]. С появлением торгового соперничества Волжской Болгарии и Древнерусского государства в области Среднего Приуралья начинает намечаться более равный баланс как восточного, так и западного импорта.

Список научных трудов А.Н. Лепихина

1. Культовые комплексы позднеананьинской и гляденовской эпох в Среднем Прикамье //Перестройка и актуальные вопросы общественных и психолого-педагогических наук. Тезисы докладов. Пермь, 1988. С.27-29.
2. Новые памятники эпохи железа в бассейне В. Мулянки //Тезисы докладов конференции молодых ученых ПГУ. IX октябрьские чтения. Пермь, 1990. С. 33-34
3. Исследования святилищ раннего железного века в Пермском Приуралье //АО Урала и Поволжья. 1990, Ижевск. С.40-41. (соавторы А. В Голдобин. А.Ф. Мельничук)
4. Человеческие жертвоприношения на памятниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье //Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т.3. Красноярск, 1991. С. 40-41 (соавтор А.Ф. Мельничук).
5. Костища гляденовской культуры //Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С.41 (соавтор А.Ф. Мельничук).
6. Исследования культовых памятников раннего железного века в Среднем Прикамье //АО Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1993. С.67-70 (соавтор А.Ф. Мельничук).
7. Раскопки костища Слепушка на р. Сылве //АО 1993 года. М. 1994. С. 137-138.
8. Костище Слепушка – новый культовый памятник гляденовской культуры //Проблемные вопросы истории, культуры, образования и экономики Северного Прикамья. Березники, 1994. С. 22-23.
9. К вопросу о назначении костищ гляденовской культуры //Проблемные вопросы историко-культурного наследия Урала. Соликамск, 1996. С.96.
10. Гляденовское костище. Каталог коллекций. Пермь, 1997. 66 с., (соавтор А.Ф. Мельничук).
11. Исследования костищ гляденовского времени в Прикамье //АО 1995 года. М. 1996. С. 271-273.
12. Новое в исследованиях Гляденовского костища //Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров. 1996.С. 135-139 (соавтор А.Ф. Мельничук).
13. К проблеме хронологии костищ гляденовской культуры //Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь. 1996. С. 48-53 (соавтор А.Ф. Мельничук).
14. Археологические памятники Ильинского района Пермской области //Сторонушка Ильинская. Ильинский. 1997. С.11-12 (соавтор А.Ф. Мельничук).
15. Исследования жертвенных мест в Пермском Приуралье //АО 1996 года. М. 1997. С.250-252 (соавторы Р.С. Казанцев, А.Ф. Мельничук).

16. Костище Слепушка – жертвенное место поздней стадии развития гляденовской культуры // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. 1998. С.48-70 (соавтор А.Ф. Мельничук).
17. Космологические представления населения гляденовской культуры (по материалам Гляденовского костыща) // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России. Березники. 1998. С. 17-19 (соавтор С.Э. Лифшиц).
18. Современные исследования гляденовских костыщ // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов конференции, посвященной столетию А.П. Смирнова. М. 1999. С. 49-50 (соавтор А.Ф. Мельничук).
19. Исследования костыщ гляденовской культуры: некоторые итоги // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь. 1999. С. 119-123.
20. Новые данные для датировки гляденовских костыщ // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск. 1999. С. 127-128.
21. Гляденовское костыще. Раскопки 1995-1998гг. Каталог коллекции. Пермь. 1999. 76 с. (соавтор А.Ф. Мельничук).
22. Изучение жертвенных мест в Среднем Приуралье // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники. 1999. С.27-30. (соавтор А.Ф. Мельничук).
23. Труды В.Ф. Генинга, посвященные изучению гляденовской культуры и современные проблемы её исследования // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга». Ижевск. 2000. С. 215-216. (соавтор А.Ф. Мельничук).
24. Религиозная обрядность костыщ гляденовской культуры и этнографические параллели // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции: «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга». Ижевск. 2000. С.281-283.
25. Новый жертвенный комплекс Гляденовского костыща // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Выпуск 1. Пермь. 2000. С. 15-17.
26. Новые исследования Юго-Камского костыща // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Выпуск 1. Пермь. 2000. С. 17-20.
27. Предварительное сообщение о местонахождении ископаемого слона // Геология и полезные ископаемые Прикамья. Тезисы научно-практической конференции. Пермь. 2000. С. 141-142. (Соавторы А.А. Болотов, Т.В. Фадеева).
28. Символика жертвенных вещей с костыщ гляденовской культуры // Труды ГИМ. Выпуск 113. М., 2000. С. 61-64.
29. Памятники археологии в современном фольклоре // Пермское Прикамье в истории Урала и России (Материалы Всероссийской научной конференции). Березники. 2000. С. 58-62.

30. Хтонические персонажи в уральской мифологии //Пермское Прикамье в истории Урала и России (Материалы Всероссийской научной конференции). Березники. 2000. С. 65-69. (Соавтор С.В. Рязанов).

31. Гляденовские костыща в трудах А.П. Смирнова и новейшее их изучение //Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Выпуск 122. М., 2000. С. 93-98. (соавтор А.Ф. Мельничук).

32. К вопросу о датировке и назначении костыщ гляденовской культуры //Музеи и краеведение. Труды национального музея республики Коми. Выпуск 2. Сыктывкар. 2000. С. 69-78.

33. Материалы Ильинского костыща в фондах Пермского музея // Археология и этнография Среднего Приуралья. Выпуск 1. Березники. 2001. С. 94-97.

34. Ильинское костыще — жертвенное место населения гляденовской культуры в бассейне р. Обва //Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники. 2001. С. 20-28. (соавтор А.Ф. Мельничук).

35. Охранные исследования памятника гляденовской культуры — селища Полуденково в бассейне р. Юг //Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники. 2001. С. 59-64.

36. Новейшие исследования костыщ гляденовской культуры: итоги и перспективы //XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург. 2001. С. 163-164. (соавтор А.Ф. Мельничук).

37. Исследования Югокамского костыща //Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 191.

38. Ранние костыща гляденовской культуры //Оборинские чтения. Выпуск 2. Пермь. 2002. С. 22-28.

39. Бусы костыщ гляденовской культуры как индикатор культурных опосредованных связей населения Среднего Приуралья с цивилизациями Востока и античного мира //Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола. 2002. (соавторы А.Ф. Мельничук, С.С. Овчинников, Е.В. Чуйкина).

40. Культовое литье гляденовских костыщ и проблемы соотношения гляденовских и кулайских древностей в археологии раннего железного века Евразии //Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск. 2002. (соавтор А.Ф. Мельничук).

**К.И. Куликов
ЧЕЛОВЕК,
УСТРЕМЛЕННЫЙ В
НЕБО. (Тайна скульптуры
бронзового века)**

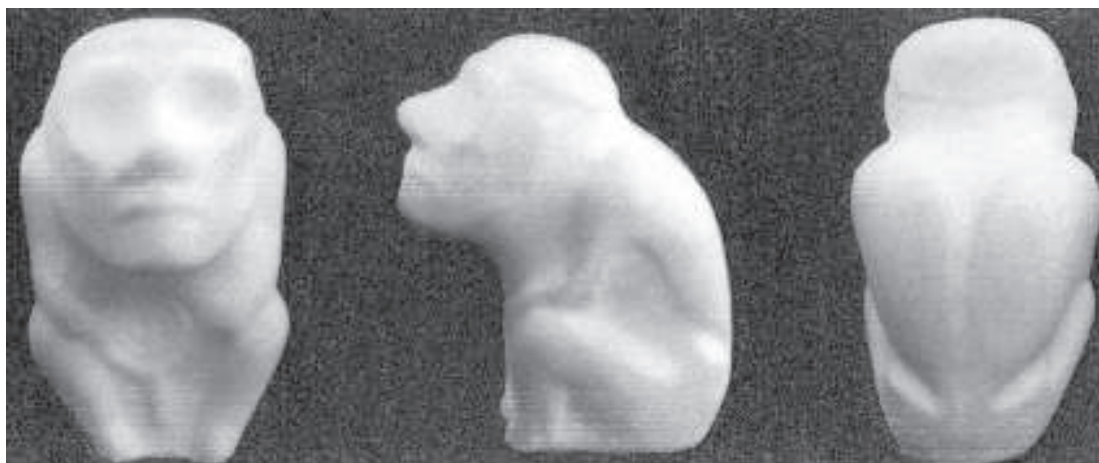
У тех, кто читал «Историю Урала с древнейших времен до 1861 г. (М. Наука, 1989 г. 605 с.), наверняка вызвала особый интерес фото-иллюстрация антропоморфной скульптуры на странице 87, названная «Человек, смотрящий в небо. Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья». Подробное описание скульптуры было опубликовано Здановичем Г.Б. и Плешаковым А.А. в журнале «Советская археология» (№3, 1981, с.258-261). Авторы восторженно, но вполне справедливо отмечали, что каменное изваяние принадлежит к лучшим образцам первобытного искусства, которое свидетельствует о том, «что мы стоим на пороге открытия еще одной замечательной страницы человеческой культуры».

С тех пор прошло уже более 20 лет. Иллюстрация «тобольского божка» недавно появилась на обложке одного солидного академического издания. И не более. Пророческая надежда пока не сбылась. Может быть, все дело в том, что авторы в своем описании обратили внимание прежде всего на эмоциональные характеристики внешних физических данных древней скульптуры, но упустили ряд весьма существенных символических при-

знаков, которые, на наш взгляд, могут помочь разгадке семантики этого художественно - мифологического произведения.

Первое, на что обращаешь внимание - это то, что изображенный человек обращен лицом к небу, но смотреть в него ввиду отсутствия глаз, он не может. Допустим, что первобытный скульптор специально выбрал такой лаконичный художественный прием, чтобы не заниматься детальной обработкой глаз. В пользу этого, как бы говорит и то, что рот человека так же обозначен стилистически. Но может быть он хотел подчеркнуть органическую незрячесть и немоту того, кого изобразил. Другими словами, таким образом хотел подчеркнуть, что человек этот уже мертв.

Второе. Особенно привлекает взгляд ярко выраженная шапочка на голове, похожая на еврейскую кипу. У евреев, согласно Книге Бытия (первой книги Пятикнижия или Торы), авторство которой приписывают Моисею, кипу носит Правитель. Но даже у самого праведного Правителя возможны несправедные или греховные мысли, которые могут проникать сквозь черепную коробку и улетать в Поднебесное пространство. И чтобы они не доходили до Бога, не гневил его, не оскверняли святость (иначе боги, некогда жившие вместе с людьми, все дальше и дальше уходят от них), в древности надевали меховую кипу, через которую якобы эти мысли не могли улететь. Теперь ее шьют и носят из других материалов. Как известно, подобный головной убор, называемый тиарой, был одним из атрибутов одеяния у древних персидских и ассирийских царей, а

Человек, смотрящий в небо. Притоболье. Эпоха бронзы. Камень.

ныне является тройной короной папы римского. Тиара олицетворяет нимб (nimbus - облако, лат.), стилизованное изображение сияния вокруг головы - символ божественности и святости. Подобное изображение характерно для христианского, иудейского и буддийского средневековых искусств. Скульптор, очевидно, хотел подчеркнуть особое положение умершего в обществе. Возможно, при жизни он был светским и духовным правителем, а после смерти канонизирован и стал святым.

Третье. Обращают на себя внимание совершенно не сочетающиеся хилые атрофированные руки, беспомощно лежащие на коленях, и мощный торс с выдающимися спинными мышцами, похожими на сложенные крылья. Древний художник здесь не просто стилизовал скульптуру, а вполне преднамеренно подчеркнул эту крыловидность, как будто хотел показать ее одухотворенность, окрыленность. Не говорит ли этот признак о том, что тело человека теперь, когда он умер, брэнно и тленно, а душа его готова к полету?

И, наконец, четвертое, на наш

взгляд, самое главное. На груди антропоморфной фигуры совершенно четко выделяется великолепная графема, состоящая из трех концентрических кругов, средний из которых прерывается и, загнувшись в полузавитке, проникает во внутренний круг. Внешний круг с выпуклым ободком не прерывается, но в нижней части имеет своеобразную «ручку».

Если мы три предыдущих символа могли еще отнести к области метафорических художественных приемов, скажем, «тиару» для изображения волос на голове, а «крылья» - как выражение сильно развитых мышц на спине, а незрячие глаза как вечное противоречие между желанием человека познать мир и неспособностью его дойти до конечной Истины, то грудная графема никак не может быть интерпретирована иначе, как вполне осознанно и с глубоким смыслом изображенный древний, но и общеизвестный мифологический символ.

Что же обозначает эта графема? Без сомнения это лабиринтообразные очертания, имеющие круговой контур и вход с одной стороны. Еще в эпоху неолита сложилось

семантическое представление о потустороннем мире как о стране безвыходных путей, о небе и жизни в нем душ умерших. На этой почве происходило совмещение графических изображений неба в виде концентрических кругов с запутанными взаимопроникающими линиями. Здесь мы явно видим рисунок, имеющий круговой контур и взаимопроникающие линии, а также орнамент в виде кривой линии с завитками. Это меандр, широко применявшийся в древней Греции, или троя, т.е. крепость из лабиринта. Две линии, отходящие вниз и соединяющиеся полукругом, создают видимость ручки. Уверен, что вышеназванные уважаемые авторы, увидевшие в этом символе фаллос, допустили явную ошибку. Овал или круги с отростком или двумя отходящими от круга параллельными линиями - это также изображение неба. (См. Голан Ариель, Миф и символ. М. 1992, с.129). Таким образом, эта многозначительная графема, так тщательно изображенная на груди загадочного существа, изображает таинственную страну безвыходных путей, т.е. загробный мир, расположенный на небе.

Если мы воспринимаем вышеописанный символ таким образом, нам многое становится ясно. Вполне объяснимо устремленное в небо страстное лицо с закрытыми глазами. Мы понимаем и беспомощность отмерших его рук, и скрюченность его фигуры, и бессильную согбенность некогда мощного существа с выдающимися скулами, бульдогоподобным лицом, и сомкнутость губ его беззвучного рта. Он

умер и потерял былое земное величие, но стал святым! Именно поэтому эта незаурядная личность (или собирательный образ) приобрела такие признаки величия и святости, как тиару на голове, крылья на спине и знак места его обитания - на небе. Он будущий небожитель. Он устремлен в небо, но не может смотреть в него. Он почитаем соплеменниками и потомками, он будет принят богами. В этом теперь его величие, слава и недоступность.

Мы не можем претендовать на то, что это единственная интерпретация данного образа, и сказанное не может быть принято как бесспорная истина в последней инстанции. Но этот методологический прием выдвигается как основа для дальнейшего научного поиска.

Нам думается, что разгадку «тобольского божка» из бронзового века необходимо искать, исходя из этих мифологических предпосылок и установок. Изучить, каким народам более всего были присущи такие воззрения, верования и мифологическая культура. Тогда сей славный образ нам действительно поможет раскрыть головокружительные перспективы в познании истории, культуры, межатнических взаимосвязей тех людей, которые оставили нам этот выдающийся памятник и, кажется, с туманной глубины веков сочувственно посмеиваются над нами, что мы не можем разгадать совершенно простые и предельно ясные для них истины. Они приглашают нас к символично-мифологическому мышлению, утраченному, но, слава богу, еще не совсем нас покинувшему.

Н.Б. Крыласова,
А.М. Белавин, Г.Т. Ленц
**МУСУЛЬМАНСКИЙ
НЕКРОПОЛЬ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА НА р.ОБВА
И ПРОБЛЕМА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
МУСУЛЬМАНСКИХ
КЛАДБИЩ В
ПРЕДУРАЛЬЕ***

Среди прочих археологических объектов, связанных с эпохой средневековья в пермском Предуралье, особое место занимает Рождественский археологический комплекс, принадлежащий к числу самых крупных памятников этого времени в Верхнем Прикамье. Этот интереснейший комплекс расположен на высоком левом берегу р. Обва, правого притока р. Кама в 1,5 км юго-западнее с. Рождественск Карагайского района Пермской области (рис. 1, А,Б). К сожалению он интенсивно разрушается в силу дей-

ствия природных стихий и хозяйственной эксплуатации (единственное в широкой округе место с черномземным перегноем). Так за последние 80 лет было утрачено порядка 30 метров в ширину береговой полосы на городище, часть некрополя смыта Обвой, часть его распахана, Филиповское городище лишено культурного слоя в результате ссыпки его в находившиеся на площадке городища силосные траншеи. Раскопки данного комплекса, произведенные Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПИ-ПГПУ в 1985 и в 1990-1993 гг., являются одними из наиболее масштабных спасательных работ на средневековых памятниках Прикамья. Наиболее значительным памятником в данном комплексе является Рождественское городище, первое упоминание о котором имеется в записках капитана Рычкова, посетившего городище в 1769 г. Этот памятник датируется (IX)X-XIV вв. На протяжении ряда лет городище исследовалось Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского госпедуниверситета под руководством А.М.Белавина. По мнению автора раскопок городища, оно может отождествляться с городом

** Данная статья была подготовлена для публикации в сборнике, посвященном памяти видной исследовательницы Волго-Камских древностей Е.А. Халиковой, который собирались издать в Казани в 2001 г. Однако, в результате передвижек, она оказалась опубликованной в сборнике материалов международной конференции «Великий Волжский путь» [Великий Волжский путь. История формирования и развития. Часть II. Казань. 2002, с.106-125], который вышел относительно небольшим тиражом и разошелся среди участников конференции и круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Болгария». Таким образом, статья осталась практически не известной среди археологов-средневековщиков Волго-Камья и Урала. Поскольку поднятая в ней проблема представляет важность для понимания целого ряда вопросов этнокультурного и межконфессионального контактирования в регионе, мы сочли нужным опубликовать её повторно, сделав, таким образом, доступной для большинства заинтересованных специалистов. Тем более, что вокруг материалов мусульманских домонгольских захоронений в Приуралье в последнее время завязалась дискуссия, связанная, по нашему мнению, со слабым знакомством большинства специалистов региона с особенностями исламского обряда погребения.*

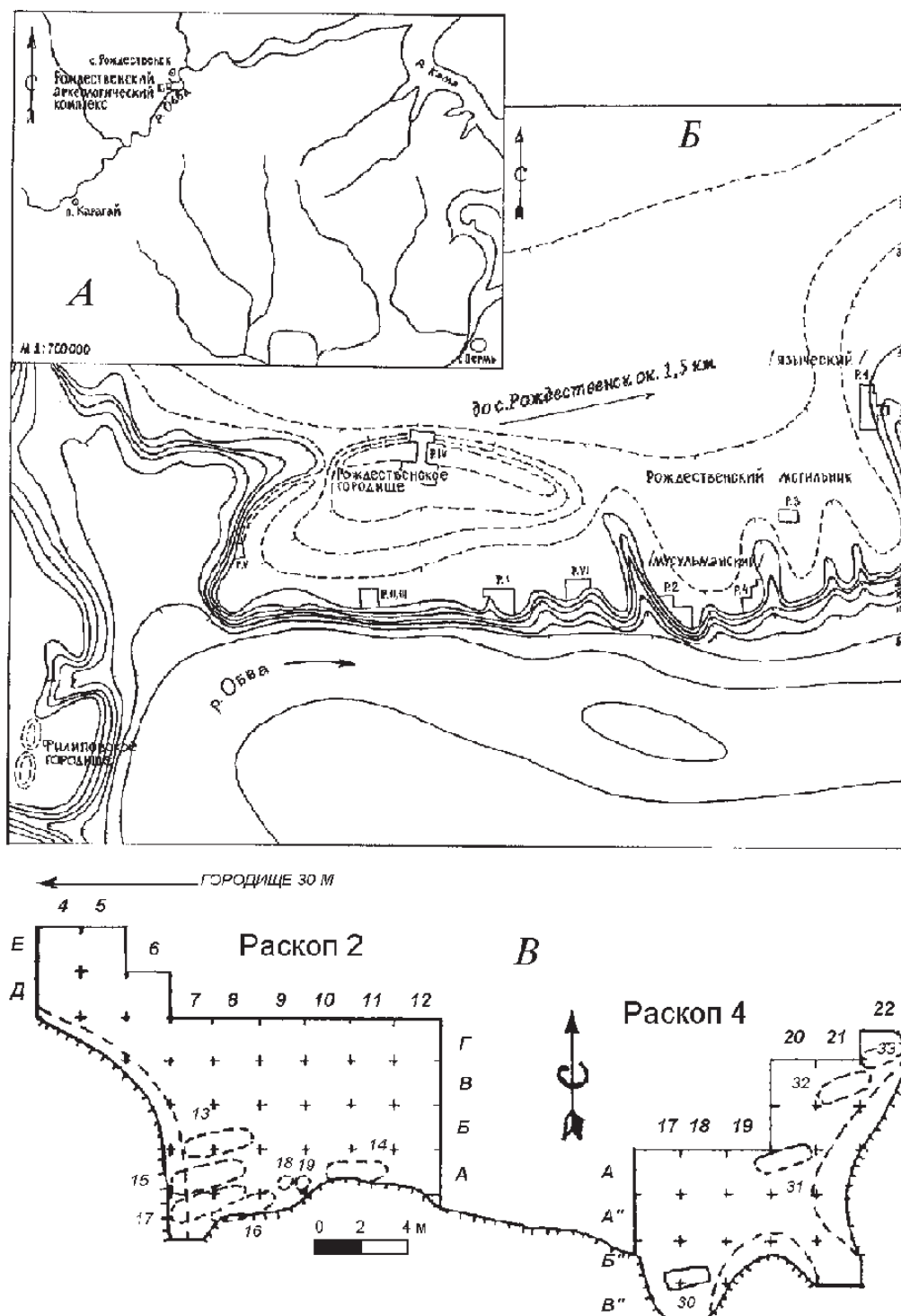

Рис.1. А- местонахождение Рождественского археологического комплекса; Б- план Рождественского археологического комплекса; В- План раскопов на мусульманской части Рождественского могильника.

Афкулем, известным по арабским источникам XII-XIV вв. [Белавин 2000]. Западнее Рождественского городища за глубоким Шиловским логом находится еще одно неболь-

шое, но хорошо укрепленное Филиповское городище, которое, вероятно, было цитаделью данного города. Восточнее Рождественского городища расположен некрополь, ко-

торый, как показали раскопки нескольких лет, состоит из мусульманской и языческой частей. Могильник представляет большой интерес в силу ряда причин: во-первых, он свидетельствует о двукомпонентности населения Рождественского городища, что подтверждается и материалами раскопок городища; во-вторых, в языческой части некрополя собран богатый материал, который четко датируется многочисленными монетами; в-третьих, в погребальном обряде могильника прослеживаются некоторые своеобразные черты, которые наблюдаются и на других, вновь исследованных, памятниках южной (юго-восточной) группы родановской культуры, таких как Антыбарский могильник и могильник Телячий Брод в Чусовском районе, Огурдинский могильник в Усольском районе Пермской области. Материалы могильника и городищ, входящих в комплекс, в той или иной степени уже были частично опубликованы [Белавин, Крыласова, 1995; Крыласова, Бочарова Бочаров, 1997, с.102-106; Крыласова, Белавин 2000, с.325-328]. Эти публикации вызвали большой интерес и, одновременно, критику за их предварительный и ограниченный характер. В настоящее время готовится объемная полная публикация материалов раскопок комплекса, однако мы посчитали необходимым дать дополнительную публикацию мусульманской части некрополя, так как именно такое толкование этих погребений вызывает наибольшее количество возражений со стороны отдельных коллег, привыкших иметь дело с языческими либо с христианскими погребениями и в штыки воспринимающими

идею о наличии среди домонгольского населения Пермского Предуралья (Верхнего Прикамья) болгарского этнического компонента, в конфессиональном отношении принадлежавшего исламу [Мельничук, Коренюк 1996, с.167-168; Макаров 2000, с. 18; а так же статья А.Ф. Мельничука и С.Н.Коренюка в настоящем сборнике]. Подобные причины (неправильное толкование мусульманских некрополей, отнесение их к разным вариантам языческого погребального обряда и пр.) заставили в свое время Е.А.Халикову готовить к публикации сводные материалы по мусульманским некрополям Волжской Болгарии [Халикова 1986, с. 43]. Эта публикация, увидевшая свет и ставшая своеобразным археологическим бестселлером, к сожалению, после смерти автора, помогла разрешить споры относительно многих могильников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Однако она осталась мало знакомой для большинства археологов Предуралья, редко сталкивающихся с погребениями, которые можно соотносить с какими-либо иными, нежели языческие, погребальными традициями. Прежде чем обратиться к характеристике мусульманских погребений Рождественского некрополя, резонно четко определить признаки, которые мы, вслед за Е.А.Халиковой, Ф.Ш.Хузиным, Р.Ф.Шарифуллиным и другими исследователями мусульманских захоронений Волго-Камья, считаем типичными для погребений по мусульманскому погребальному ритуалу. В Волжской Болгарии этот ритуал имел некоторые особенности, связанные с разным уровнем усвоения каноничес-

лама на разных этапах существования государства и с притоком населения из других частей исламского мира. Археологически наиболее четко улавливаются такие черты мусульманского обряда, как конструкция могилы, наличие или отсутствие гроба, положение тела покойного, погребальный инвентарь. Судя по выводам Е.А.Халиковой, для Волжской Болгарии домонгольского времени наиболее выраженными (археологически) чертами мусульманского погребального ритуала были следующие. Во-первых, положение покойного лицом к кыбле (к Мекке), что в широтных характеристиках Волго-Камья и Предуралья выражается в ориентации погребенного головой на запад с отклонениями на С или Ю, положением туловища с поворотом на правый бок и разворотом головы лицом вправо к югу. Отклонения от такой ориентации могут достигать 20-30 градусов, что вызывалось несовершенством географических измерений или погрешностями астрономического инструментария. Поворот туловища, по наблюдению Е.А.Халиковой, может быть явным или весьма легким [Халикова 1986, с.45-46], при этом он определяется общим положением костяка "на спине", слегка согнутыми ногами (иногда согнута одна левая), стопы, как правило, в разной степени повернуты вправо, правая рука вытянута вдоль тела, её кисть может лежать на тазовой области или рука может быть согнута в локте и лежать на груди, левая рука смещена вправо, её предплечье может лежать на ребрах грудины, а кисть на тазовой области, в области живота, либо на

кисти правой руки, рука может быть согнута в локте, руки могут быть перекрещены на груди или в области таза. Положение рук не зависит от пола, возраста и принадлежности погребенного к какому-либо течению ислама. Разнообразие из положений особенно характерно для мусульманских кладбищ Волжской Болгарии первой половины и середины домонгольского периода (X-XII вв.). Именно легкий поворот на правый бок стал обычной позой в мусульманских некрополях Болгарии домонгольского времени [Халикова 1986, с.58]. Положение покойного на правом боку, таким образом, предусмотрено канонами ислама и должно рассматриваться археологами Волго-Камья, анализирующими аборигенные могильники X-XV вв., как возможное влияние исламских канонов, а не как черта, присущая языческому ритуалу или его пережиткам. Вообще соблюдение кыблы в большинстве погребений является самым типичным признаком мусульманских некрополей. Во-вторых, по канону запрещается класть с покойным какие-либо сопровождающие вещи, кроме савана. Однако и это требование ислама имело в Болгарии свои особенности. В соответствии с канонем без савана в своей одежде могли быть погребены воины ("меч освобождает от омовения"), мученики за веру, в том числе путешественники в дороге и погибшие на чужбине, когда нет возможности провести каноническое омовение и закутывание в саван. Но даже в этих случаях в могилах не должно быть ничего кроме одежды, заменившей саван, с которой срезаны (по возможности) все украше-

ния. Однако такие отступления привели к тому, что в ряде мусульманских погребений Болгарии домонгольского времени встречены одиночные пряжки, застёжки, привески и другие детали костюма. Кроме того, определенные отступления могла позволить себе знать, в первую очередь недавно мусульманизированная и, в силу этого, еще позволяющая себе отступать от ортодоксальных норм. Примером такого рода могут служить ранние погребения знати IV мусульманского Билярского могильника, в которых встречены отдельные парадные золотые вещи [Шарифуллин, 1984, рис.6, с.81]. Детали костюма и украшения встречаются на мусульманских кладбищах домонгольской Болгарии и в насыпях погребений. Еще одной особенностью является общая волжско-болгарская традиция хоронить в относительно неглубоких ямах, что особенно характерно для конца X-XII вв. Примечательна и топография могильников. Как правило, они располагались либо на территории поселений (городов), где находились между валами оборонительных укреплений, либо примыкали к внешним стенам укрепленных поселений. Наличие других признаков мусульманского обряда, по мнению большинства исследователей, для Волго-Камья не обязательно, хотя и встречается. К числу этих признаков относятся: глубокая могила с ляхдом-подбоем, обращенным в сторону кыблы; стенки из сырцового кирпича, отделяющие ляхд от могильной ямы; наличие гроба (в случае отсутствия ляхда); при отсутствии ляхда и гроба в могиле могут иметься заплечики для укладки помоста, отделяюще-

го покойника от земляной насыпи. Приведенные здесь описания волжско-болгарского мусульманского погребального обряда могут служить маркером для определения не только собственно мусульманских погребений Волго-Камья, но и определителем мусульманского влияния на языческий ритуал аборигенных племен. Ограничившись этими замечаниями и зная признаки мусульманского погребального обряда, перейдем к рассмотрению тех погребений Рождественского могильника, которые считаем мусульманскими.

* * *

Сведения о наличии в д. Поставного могильника имеются в описании починка-деревеньки Сискар (Сикыскар, Сысикор, Сисикор), которая позже стала именоваться Поставного, в переписях и хозяйственных документах конца XVII в. Первое упоминание о том, что "...на Сискаре городище и могильник на р.Обве", по сведениям Е.Н.Шумилова, содержится в документах ГАПО под 1678 годом. "Сысикар" может быть переведен с коми как "гнилое, заброшенное жилье". В археологическом дневнике Теплоухова описаны находки костей и черепов, сопровождавшихся медными и железными изделиями. О многочисленных находках черепов сообщает Ф.Теплоухову К.Н.Чернов [Чернов 1880]. В коллекции Теплоуховых имеется серебряная маска из д. Поставного [Теплоухов 1893, с.30]. Большая часть предметов, отложившихся в коллекции XIX в., происходила с языческой родановской части могильника. В июне 1897г. Г.А.Вологодин обнаружил в обрыве над Обвой у городища челове-

ческие кости. Первые раскопки на территории могильника были произведены в августе 1897г. Н.Н.Новокрещенных, основателем Пермского научно-промышленного (краеведческого) музея. Во время этих работ было изучено 12 погребений у гумна д.Постаногово непосредственно у Постаноговского лога, отделяющего данную площадку, покатую к р.Обве, от Рождественского городища [Новокрещенных 1901, с.115-116]. Погребения, вскрытые Новокрещенных Н.Н., представляли собой неглубокие (40-50 см) узкие могилы, в которых зафиксированы костяки, “лежащие на спине” слегка повернутые на правый бок. Костяки ориентированы головой на запад. Левая рука в 8 случаях согнута в локте и “лежит на бедре”, правая - вдоль костяка или слегка согнута (“удалена вправо” по Новокрещенных), три костяка Новокрещенных назвал “скорченными” с подогнутыми ногами [Новокрещенных 1901, с.115] — все это соответствует положению погребенного “на правом боку”, черепа развернуты вправо, т.е. на юг в сторону Мекки. В четырех погребениях найдены железные изделия, которые Новокрещенных назвал крючками, вероятно, это гвозди от гробовищ. Эти погребения вскоре получили точную оценку. А.А.Спицын в “Сводке сведений о древностях Пермской губернии” оставляет такую запись: “...12 таких же (мусульманских) погребений вскрыл Н.Н.Новокрещенных у Рождественского городища: лежат головой на З, на правом боку, в головах у каждого по гвоздю” [Спицын 1901, л.77]. В 1949 г. могильник был осмотрен В.А.Обориным и В.П.Дени-

совым и сочтен полностью разрушенным. Позже материалы могильника, собранные в разные годы, были опубликованы В.А.Обориным, который датировал могильник VII - XIV в., отнес его к ломоватовской и родановской культурам, а погребения, вскрытые Н.Н.Новокрещенных, определил как безинвентарные погребения бедных общинников [Оборин 1953, с.168-180]. При этом Оборин упомянул, что во время обследования могильника в 1949 г. ему не удалось обнаружить погребения. Позднее В.А.Оборин признал, что на Рождественском могильнике ряд погребений совершен по болгарскому мусульманскому обряду [Оборин 1999, с. 291]. С 1949г. могильник считался полностью разрушенным. Однако в 1990г. экспедицией ПГПУ под руководством Н.Б.Крыласовой могильник был вновь обнаружен, и в 1990-1993 и 1997 гг. проводились его раскопки. Как выяснилось в ходе этих исследований, могильник занимал три мыса коренной террасы, примыкающих с востока к Рождественскому городищу. Значительная часть могильника разрушена хозяйственной деятельностью жителей д. Постаногово. Сохранились лишь участки могильника, располагавшиеся на краю оврагов.

Мусульманская часть Рождественского могильника занимала первый мыс, непосредственно примыкавший к восточным оборонительным сооружением городища. Между площадкой городища и могильником находится глубокий овраг (Постаноговский лог) со следами искусственной подрезки. Расположение некрополей непосредственно у городских укреплений, как уже

указывалось, характерно для многих домонгольских мусульманских могильников Волжской Болгарии. Раскоп Н.Н.Новокрещенных находился у западного склона мыса возле гумна, площадка которого была зафиксирована в 1990 г. Здесь в 1990 и 1991 гг. Н.Б. Крыласовой было заложено два раскопа (рис.1,В) на краю мыса, обращенном к реке. На площади этих раскопов обнаружено 11 погребений. Всего, таким образом, в данной части могильника изучено 23 погребения. Часть вскрытых нами погребений оказались нарушенными в результате оползания склона. Все изученные здесь погребения можно классифицировать по двум группам: полные захоронения (69 %) и неполные захоронения (31%). Рассмотрим первую группу погребений (рис.2 и 4). Очертания могильных ям чаще всего не прослеживались, что объясняется распахкой территории могильника в период функционирования д.Постаногово. Костяки лежали на слое красной материковой глины, на глубине 45-75 см от поверхности. Ориентировались они головой на запад или западно-запад (в одном случае – погребение №30, на запад-северо-запад), черепа были развернуты лицевой частью к югу, т.е. вправо. Только в погребении № 32 костяк лежал лицом вверх, возможно, в результате того, что затылочная часть черепа была пробита - это обширное ранение, вероятно, и являлось причиной смерти погребенного. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного “лежащие на спине”, ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни развернуты вправо- №№13, 15, 16, 17, 31 (из 6 по-

гребений, где фиксируются эти кости), правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза (подробно см. Приложение №1). Такая поза погребенного соответствует описанной выше кыбле. Следов дерева от погребальных конструкций не зафиксировано. Однако в 3 погребениях (раскопки 1990-х гг.) встречены железные “Г-образные” гвозди, которые Н.Н.Новокрещенных в своем отчете именует «крючками». Гвозди представляли собой узкие длинные треугольные пластины длиной 5-7 см с загибом в 1-2 см у основания. Такой тип гвоздей широко применялся в Волжской Булгарии в середине-второй половине домонгольского периода конец XI-нач.XIII вв. для сколачивания гробовищ [Халикова 1986,рис.17]. Вторая группа погребений этой части могильника - это погребения черепов и захоронения костей черепа и нижних конечностей (рис.3). Первое из таких погребений описал Н.Н.Новокрещенных: на глубине 10-12 вершков (45-55 см) найден череп без каких-либо других частей скелета. Череп был повернут лицевым отделом к югу. В 1990 г. были обнаружены еще два аналогичных погребения (№№ 18 и 19). Они находились на расстоянии 20 см друг от друга и были ориентированы лицевым отделом к югу. Причем черепа располагались в вертикальном положении. Погребения №№ 30 и 33 (нумерация погребений на могильнике сплошная с учетом погребений родановской части) представлены костями черепа и фрагментами костей ног. Черепа в этих погребениях располагались, как и во всех

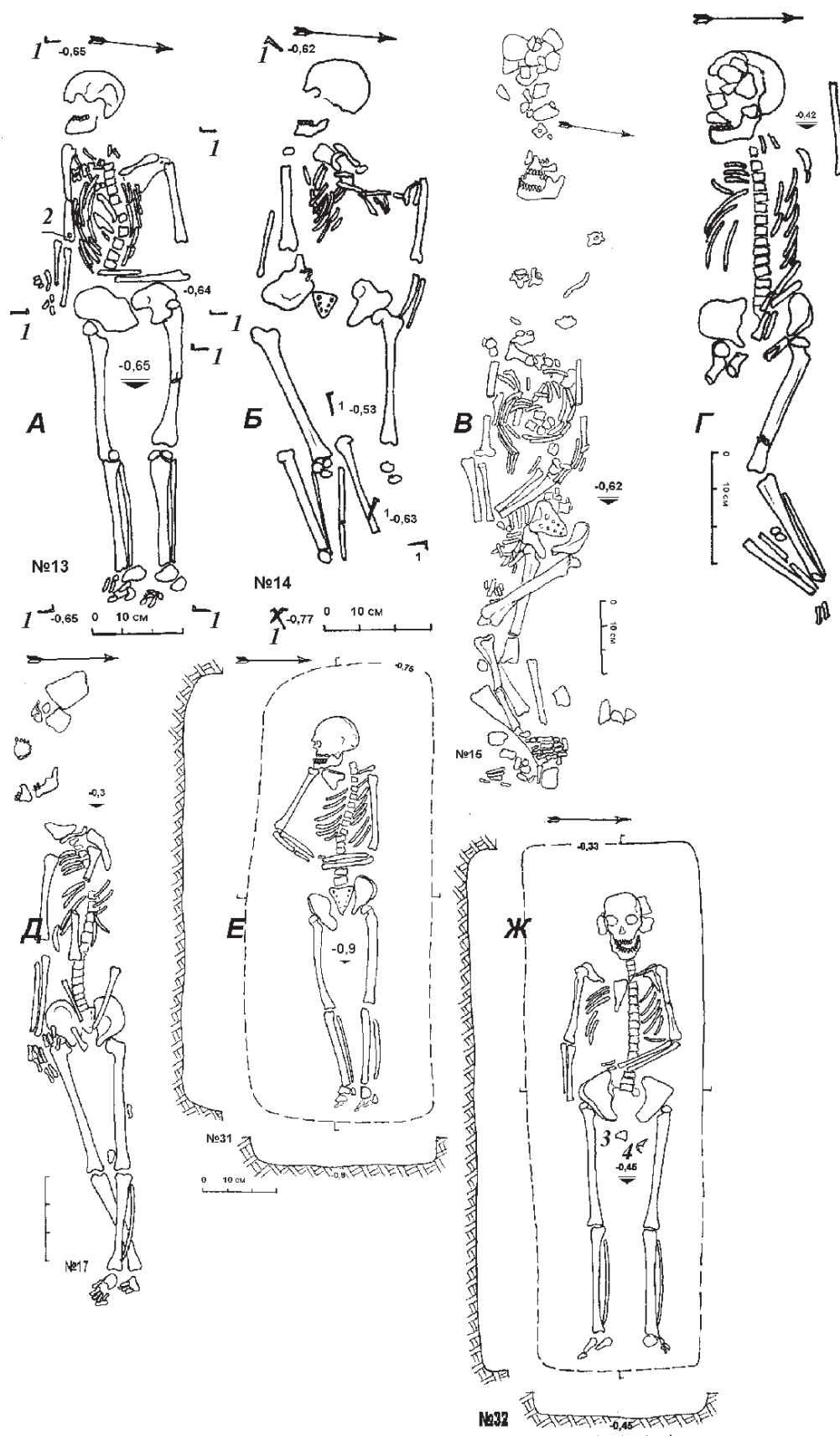

Рис.2. Мусульманские погребения Рождественского могильника. А- 13, Б-14, В-15, Г-16, Д-17, Е-31, Ж-32. 1- гвоздь, 2- заклепка бронзовая, 3- фрагмент лепной керамики, 4-наконечник стрелы.

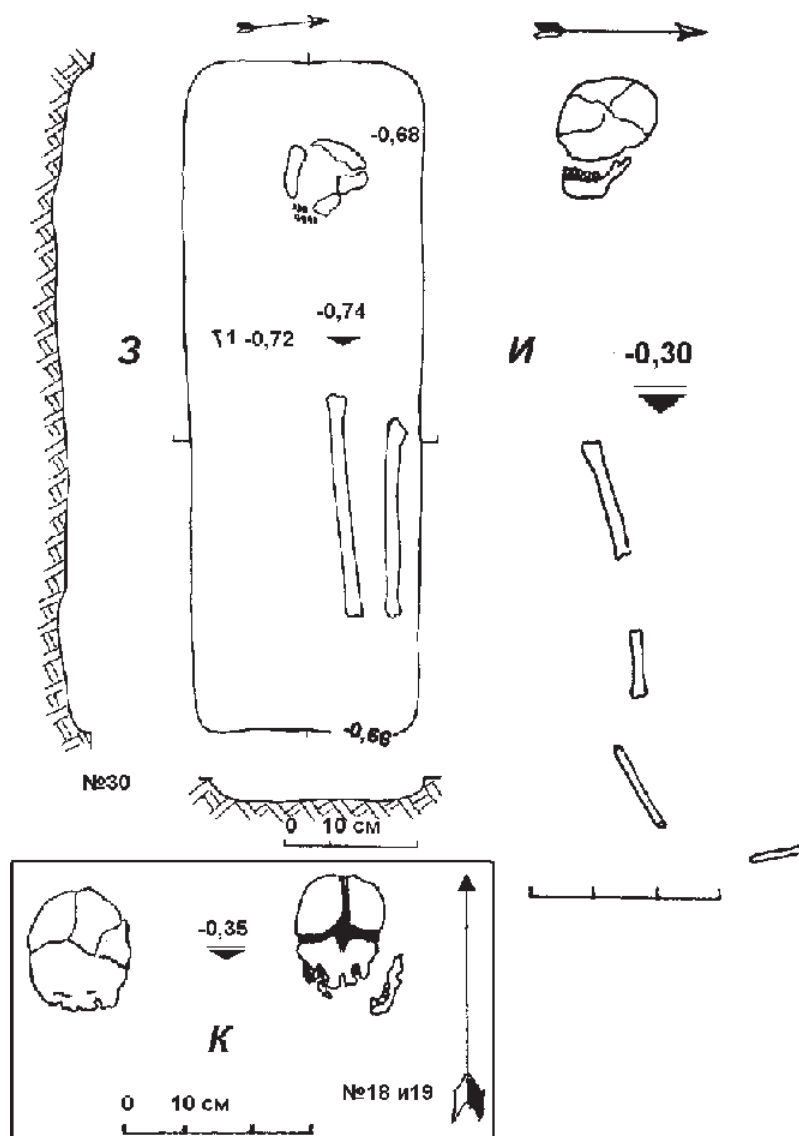
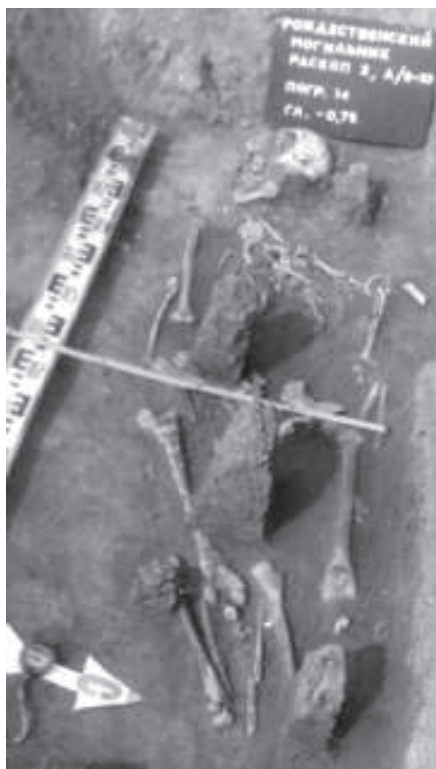

Рис.3. Неполные мусульманские погребения Рождественского могильника. 3-30, И-33, К-18 и 19. 1- железный гвоздь.

предыдущих случаях, с соблюдением кыблы. Сразу же к востоку от черепа находились кости ног. Погребение № 30 практически единственное, где наблюдаются четкие очертания могильной ямы в виде темного пятна правильной прямоугольной формы размерами 150 x 55 см - следов позднего перекопа нет. Обращают на себя внимание небольшие размеры погребения. Погребение № 33 также достигает в длину только 125 см. То есть, нет

никаких оснований предполагать, что остальные кости в погребении просто истлели. Такие неполные захоронения могли быть связаны с существовавшей у болгар традицией, о которой упоминал Ибн-Фадлан: «И если увидят они человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господину». Итак они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают на дерево, пока он не распа-

1

2

Рис.4. Мусульманские погребения
Рождественского могильника. 1-погр.14,
2- погр.15, 3-погр. 16.

дется на куски». Вероятно, после этого труп предавался земле, и не-³ полные погребения, обнаруженные на Рождественском могильнике, - результат подобного погребального обряда. Большая часть мусульманских погребений безинвентарные, за исключением погребений №№ 13, 14 и 32. В погребении № 13 на плечевой кости правой руки была обнаружены маленькая бронзовая заклепка (рис. 5, ф. 2); в засыпи погребения № 14 найдена бронзовая цепочка (рис. 5, ф. 3), а в засыпи погребения № 32 находился неорнаментированный фрагмент лепной керамики и в области нижних конечностей железный ромбовидный с упором наконечник стрелы XI - XIII вв. (рис. 5, ф. 6), который, видимо, находился в теле по-

койного в момент погребения. В междумогильном пространстве обнаружен фрагмент бронзовой пронизки с прорезными вздутиями (рис. 5, ф. 4). Этот материал и "Г-образные" гвозди (рис. 5, ф. 5), найденные нами и Н.Н.Новокрещенных в 7 погребениях, позволяют уверенно датировать данную часть могильника серединой - второй половиной домонгольского периода (конец XI-начало XIII вв.).

Приведенное выше описание погребального обряда не оставляет сомнения в том, что перед нами мусуль-

манское кладбище домонгольского времени с устойчивым соблюдением кыблы — в 82% всех исследованных погребений. В целом погребения имеют аналогии с мусульманскими кладбищами Волжской Бул-

гории, наиболее полные аналогии, в том числе по деталям обряда, топографии, характеру погребений, просматриваются с IV и II Билярскими некрополями. Отметим достаточно точное соблюдение кыблы, что, вероятно, связано с инструментальными измерениями, последнее подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в “касабу Афкуль” астрономов - измерителей времени из Болгарии. Полноформатного антропологического обследования имеющихся костяков не проводилось, однако предварительный краниологический анализ, проведенный кафедрой анатомии ПГМА, свидетельствует, что краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает её от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов и сближает с краниологией собственно болгарских серий (измерской, билярской и др.). Таким образом, принадлежность этого некрополя выходцам из коренного населения Волжской Болгарии не оставляет сомнений. В.А.Оборин первоначально считал погребения, открытые в 1897 г. Н.Н.Новокрещенных, безинвентарными «чуждскими могилами», из чего делался вывод об имущественной дифференциации членов родановской общины на Рождественском городище [Оборин 1953, с. 166]. Однако, как показывают исследования Н.Б. Крыласовой [Крыласова, Бочарова, Бочаров 1997], погребальный обряд в языческой части могильника не имеет ничего общего с вышеописанными мусульманскими захоронениями, а в том случае, если бы это

были погребения родановской “бедноты”, основные черты общепринятого родановского погребального обряда прослеживались бы и здесь. В последнее время в печати стали появляться высказывания исследователей, оценивающие мусульманские погребения Рождественского могильника как погребения христианизированных коми-пермяков XVI-XVIII вв [Мельничук, Кореньюк, 1996, с.167-168; Макаров, 2000, с. 18]. Такое мнение основано на поверхностном знакомстве с информацией о могильнике и неверной оценке его даты и аналогий. Так, по мнению А.Ф.Мельничука, топография Рождественского могильника близка к топографии христианского Кудымкарского могильника, однако в реальности Кудымкарский могильник находится на значительном удалении от укреплений одноименного городища (на усадьбе лесотехникума), и по своей топографии (пологий склон высокого мыса, отрезанного от городища несколькими оврагами) скорее близок к таким позднеродановским могильникам, как Плотниковский, Телячий Брод. О не христианской, а мусульманской принадлежности памятника свидетельствует соблюдение кыблы, чего, естественно, нет в Кудымкарском и иных православных могильниках Камы и Чепцы. Подчеркнем, что мусульманский могильник Рождественского комплекса имеет твердую домонгольскую дату. В связи с этим не понятно, почему А.Ф.Мельничук, оспаривая выводы авторов настоящей статьи, все время именует Рождественский мусульманский некрополь “поздним” (см. статью А.Ф.Мельничука и С.Н.Кореньюка в настоящем сборнике), он,

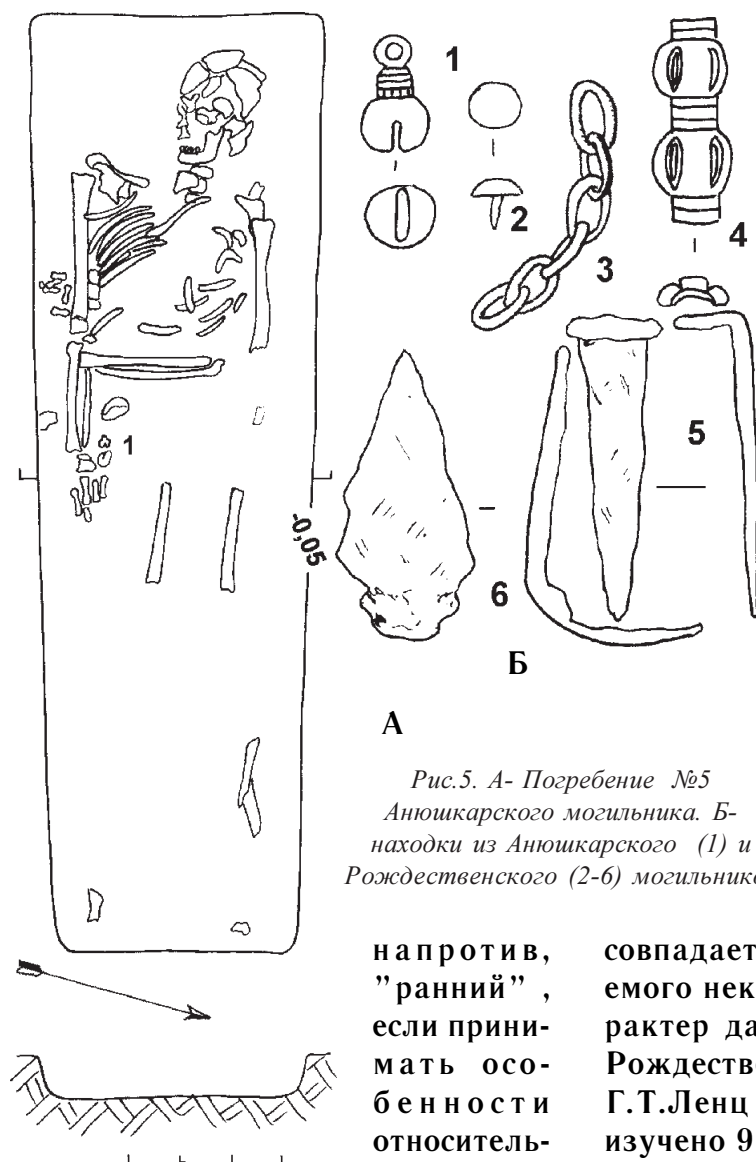

Рис.5. А- Погребение №5
Анюшкарского могильника. Б-
находки из Анюшкарского (1) и
Рождественского (2-6) могильников

логии Мельничука.

Безусловно, важным является и то, что мусульманские домонгольские захоронения в Пермском Предуралье сейчас известны не только в Рождественском могильнике, но и у внешнего тына на стрелке крупного родановского городища Анюшкар в устье р. Иньва. Описания мусульманских погребений Анюшкарского могильника дважды опубликованы [Ленц 1999; Ленц 2000], поэтому нам также непонятно, почему А.Ф.Мельничук считает, что о данных погребениях до сих пор нет

сведений в печати? Вероятно, эти публикации не известны только Мельничуку.

Кроме мусульманского могильника здесь, на соседнем с городищем Анюшкар мысу, зафиксирован родановский языческий могильник, занимавший площадь порядка 7-9 тыс. кв.м, к сожалению, он почти полностью уничтожен огородами с. Кыласово. Известны здесь и христианские кладбища XVII-XIX вв., находившиеся на ЮВ и З окраине с. Кыласово. Топография мусульманского некрополя Анюшкар, таким образом,

совпадает с топографией описываемого некрополя так же, как и характер данного поселения близок Рождественскому городищу. Всего Г.Т.Ленц и А.А.Терехиным здесь изучено 9 частично или полностью уцелевших погребений. Глубина узких подпрямоугольных могильных ям 10-24 см от современной поверхности, их плоское дно отмечено на материке. Все погребения совершены в слое глины и суглинка, образовавшегося в результате перестройки оборонительных сооружений городища, которая произошла, вероятно, в XII в. Часть слоя со стрелки мыса была смыта после затопления Камского водохранилища, в древности, вероятно, глубина погребений составляла 50-70 см. Костяки сохранились в той или иной степени в 8 погребениях, все они ле-

жат на спине, с поворотом на правый бок (погр. 2,3,4,5), головой на запад или запад-юго-запад, лицевым отделом черепа к югу (погр. 1,4,5 — все погребения, где сохранились остатки черепов), правая рука либо вытянута вдоль тела (погр. 1,4,5), либо согнута на таз (погр.2) или грудь (погр.6); левая подвернута, смещена вправо и лежит в области живота (погр. 2,5 — в других случаях её кости не сохранились); ноги вытянуты или перекрещены (погр. 2), кости стоп повернуты вправо (погр. 2,3,4,5). Кыбла, таким образом, фиксируется во всех погребениях с остатками черепов, поворот на правый бок, характерный для ортодоксального обряда, в 50%. В погребении №2 зафиксированы остатки деревянного гробовища. На дне 6 могил лежали кованые гвозди от гробовищ, расположенные по периметру (погр. 7), и скобки от гробов. Подобные им гвозди (Т- и Г-образные) и скобки хорошо известны на мусульманских кладбищах Волжской Болгарии второй половины домонгольского периода [Халикова 1986, рис. 15, 17]. В заполнении могильных ям и в слое между могилами собраны предметы, характеризующие материальную культуру родановцев XI-XIV вв. — бронзовые украшения, фрагменты лепной и болгарской керамики. Очевидно, что в большинстве случаев они попали в засыпи ям из культурного слоя, в котором совершены погребения. В погребении №5 (рис.5,ф.А) в области пояса найден бронзовый круглый бубенчик XII-XIII вв. (рис.5,ф.1), который, вероятно, служил застёжкой. Таким образом, здесь мы наблюдаем характерные для домонгольской

Болгарии отступления от обряда. Безусловно, что данный могильник может быть определен как мусульманское кладбище позднего этапа домонгольского периода.

Л.Д.Макаровым в порядке спора с авторами настоящей статьи [Макаров 2000] было опубликовано следующее замечание: “Кстати, по аналогичным признакам погребального обряда можно запросто назвать мусульманским могильник на городище Инднакар (единственное отличие - отсутствие гвоздей от гробовищ), предположительно отнесенные М.Г.Ивановой к удмуртскому населению XVIII-XIX вв.». Попробуем проанализировать опубликованный М.Г.Ивановой погребения [Иванова 1995, с.10-11, рис.3,7]. Всего на раскопе III, расположенном на малой площадке выше названного городища - крупнейшего центра чепецких племен - между внешним и внутренним валом, выявлено 11 погребений, расположенных в южной части раскопа, на свободном от древних сооружений краю площадки или даже практически на её склоне, ближе к южной оконечности внутреннего вала. Мощность культурного слоя в этой части раскопа не превышает 10-15 см, что вместе с дерновым слоем составляет пачку мощностью 30-45 см. По мнению автора раскопа в целом данный участок территории городища функционировал в XII-XIII вв. Погребения были зафиксированы сразу под дерновым слоем (глубина фиксации судя по рисунку в публикации от 20 до 40 см), глубина могильных ям от 27 (погр.4) до 65 см (погр.11) от поверхности. Могильные ямы подпрямоугольные, достаточно узкие (60-76 см). Стенки

более глубоких могил вертикальные без подбоев и заплечиков. 4 погребения детские, остальные взрослые. Все безинвентарные. Поза погребенного - "лежа на спине", ориентировка костяков - головой на запад с небольшими отклонениями к Ю. Можно отметить небольшой наклон на правый бок, судя по расположению стоп в погребениях 7, 10, 11; а также по смещению вправо ног в погребениях 5 и 8. В двух случаях ноги подогнуты в коленях и так же смещены вправо (погр. 7, 10). Все эти позы соответствуют позиции "слегка на правом боку". Правая рука вытянута вдоль тела (3 случая), согнута в локте и лежит на груди (2 случая), на поясе, перекрещиваясь с левой рукой (3 случая); левая рука в 5 случаях согнута, что так же соответствует позиции «слегка на правом боку». Череп в 6 случаях (из опубликованных 8) повернут вправо к югу. Таким образом, в 54% погребений на Иднакаре зафиксирована кыбла и перед нами безусловно мусульманский могильник. Отсутствие гвоздей в погребениях и относительно большое количество погребений с нарушениями кыблы указывает на то, что он мог принадлежать ранним мусульманам и функционировал в XI-XII вв. Ближайшие аналогии погребальному обряду этого могильника (от формы и размеров ям до особенностей соблюдения кыблы) можно видеть в раннемусульманских погребениях Танкеевского, Тетюшского, II Билярского, Донауровского могильников Волжской Болгарии [Халикова 1986, с. 43-99]. Показательно расположение этого кладбища поблизости от края площадки и оборонительных сооружений. Моги-

лы имели, видимо, какие-то обозначения, так как данная часть площадки городища не застраивалась хозяйственными сооружениями — ближайший комплекс ям XII-XIII вв. находится в 5-8 м от крайнего погребения (погр. 10) [Иванова 1995, рис.3]. Сравним данные погребения с погребениями удмуртов XVII-XIX вв., опубликованными Н.И.Шутовой [Шутова 1991, с.4-34]. Характеризуя погребальный обряд этих могильников, Н.И.Шутова указывает на их следующие характерные особенности: положение костяка "вытянуто на спине", череп лицевой частью вверх, ориентировка северная, значительно реже головой на запад или восток (с XVIII в. начинает преобладать западная ориентировка), руки уложены вдоль туловища погребенного, реже могут быть сложены на тазовых костях или поясе, ноги выпрямлены. У южных удмуртов в это же время положение рук в погребениях более варьирует, встречены руки, сложенные на груди или поясе, но Н.И.Шутова отмечает, что в этих погребениях фиксируются кресты, которые также распространены в погребениях северных удмуртов с XVIII в. Поворота на правый бок не наблюдается. Таким образом, разница между удмуртскими погребениями XVIII-XIX вв. и погребениями могильника на городище Иднакар явно видна. Безусловно, что нет кыблы и в погребениях Кудымкарского христианского могильника, как нет её и в древнерусских православных могильниках Вятской земли [Макаров, 1990, с. 65-67].

* * *

Подводя итоги, отметим, что нет ничего странного в возникновении

в Предуралье трех описанных в статье мусульманских кладбищ в домонгольский период. Все три городища, у оборонительных сооружений которых возникли эти болгаро-мусульманские некрополи, играли видную роль в системе болгарской торговли по Камскому торговому пути [Белавин 2000, с.45-63, 133-134 и др.]. Существование на этих трех городищах торговых факторий волжских болгар признается всеми их исследователями. Безусловно, что какие-то группы болгар-мусульман постоянно проживали на этих городищах в домонгольский период. Наивно было бы предполагать, что каждый раз умершего здесь мусульманина везли хоронить в Волжскую Болгарию. Вероятно, что дальнейшие исследования крупных средневековых поселений Предуралья, материалы которых заставляют предполагать наличие на них каких-либо болгарских групп населения, обнаружат новые мусульманские некрополи. Существование этой категории археологических объектов в Предуралье очевидно.

Приложение

Дневник раскопок мусульманской части Рождественского могильника.

Погребение № 13, кв. Б/6-7. Очертаний могильной ямы нет, глубина дна -0,65 м. Костяк хорошей сохранности, головой на запад с небольшим отклонением к югу, на спине, с небольшим поворотом на правый бок. Длина скелета - 1,80 м. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и уложена на живот. Ступни ног повернуты вправо. Череп развернут

лицевым отделом к югу. По периметру вокруг костяка находилось 7 железных гвоздей длиной 6-7 см, других остатков погребальных конструкций не обнаружено. На плечевой кости правой руки - небольшая бронзовая заклепочка.

Погребение № 14, кв. А/10-11. Очертаний могильной ямы нет, глубина дна -0,77 м. Костяк удовлетворительной сохранности лежал головой на запад с небольшим отклонением к югу, на спине, с небольшим поворотом на правый бок. Длина скелета - 1,40 м. Ноги слегка согнуты в коленях и подвернуты направо, руки вытянуты вдоль туловища. Череп лежит лицевой частью к югу. В погребении найдено 6 железных гвоздей, из них 4 по периметру. В засыпи могильной ямы обрывок бронзовой цепочки над тазовыми костями.

Погребение № 15, кв. А/6-7. Очертаний нет. Глубина дна -0,45 - -1,47 м, центральная часть -0,62 м. Погребение сильно растянуто на 3,10 м сползанием почвы в сторону оврага. Тем не менее, четко видно, что погребенный лежал головой на запад с небольшим отклонением к югу, лицом к югу; на спине с легким разворотом на правый бок, со слегка подогнутыми вправо ногами, левая согнута сильнее; ступни развернуты вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и уложена на область таза.

Погребение № 16, кв. А7. Очертаний нет. Глубина дна -0,42 м. Костяк частично нарушен обрывом. Длина костяка 1,50 м; ориентирован головой на запад, лицом к югу; был уложен на спину с легким разворотом на правый бок: ноги подогнуты направо, кости стоп повер-

нуты вправо. Кости рук не сохранились.

Погребение № 17, кв. А/6-7. Очертаний нет. Глубина дна - 0,30 м. Скелет удовлетворительной сохранности лежал головой на запад, лицом к югу, на правом боку. Череп сильно разрушен и разбросан к западу, за счет чего длина костяка составляла 2,30 м. Правая рука вытянута вдоль туловища, фаланги пальцев под тазовыми костями; кости левой руки располагались на ребрах и тазовых костях. Ноги скрещены - правая под левой, ступни развернуты вправо.

Погребения № 18, 19, кв. А9. Очертаний нет. Погребения представляют собой захоронения черепов, расположенных вертикально - теменной частью вверх, лицом к югу. Сохранность плохая.

Погребение № 30, кв. Б'-В'/17-18. Зафиксировано на гл. -0,66 м в виде четкого прямоугольного темно-коричневого пятна размерами 1,50х0,50 м. Глубина дна - 0,74 м. Ориентировано головой на запад с незначительным отклонением к северу. Череп плохой сохранности развернут лицевой частью к югу. В восточной части ямы находились уложенные параллельно две бедренные кости. Размеры скелета неопределимы, так как погребение представляет собой перезахороненный труп. В центральной части ямы, ближе к южной стенке, найден железный гвоздь.

Погребение № 31, кв. А-Б/19-20. Зафиксировано на глубине 0,75 м в виде подпрямоугольного темно-коричневого пятна нечетких очертаний. Размеры могильной ямы 1,87х0,85 м, глубина дна -0,9 м; дно ровное; длина скелета 1,60 м. Ске-

лет хорошей сохранности лежал головой на запад, лицом на юг, на спине с легким разворотом на правый бок. Ноги вытянуты, кости стоп повернуты вправо, руки согнуты в локтях и уложены на область живота.

Погребение № 32, кв. В/21-22. Зафиксировано на глубине 0,33 м в виде прямоугольного темно-коричневого пятна нечетких очертаний. Размеры могильной ямы 2,15х0,72 м, глубина дна -0,45 м; дно ровное; длина скелета 1,90 м. Костяк удовлетворительной сохранности располагался головой на запад, череп развернут анфас. Затылочная часть черепа разрушена ударом острого предмета, что, возможно, и стало причиной гибели. Правая рука вытянута вдоль туловища и слегка подогнута в локте, левая согнута и уложена на область живота. По расположению ребер можно предположить, что туловище было слегка повернуто на правый бок. Ноги вытянуты, ступни развернуты в противоположные стороны. Между бедренными костями на глубине -0,32 м найден неорнаментированный фрагмент стенки лепного сосуда, на глубине -0,35 м —железный ромбовидный наконечник стрелы с упором, согнутый, направленный острием в сторону кости левой ноги (возможно, находился в мягких тканях умершего).

Погребение № 33, кв. В-Г/22. Очертаний нет, глубина дна -0,3 м. Сохранность плохая. Ориентировано головой на запад, череп повернут лицевой частью на юг. Помимо черепа сохранились только отдельные кости нижних конечностей.

**А.М. Белавин
ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ И
ПЕРМСКОЕ
ПРЕДУРАЛЬЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА)**

Древнехакасское государство, объединившее в IX-XIII вв. народы Саяно-Алтайского нагорья от Иртыша до Байкала, оставило яркий след в истории Евразии. В археологии это государство представлено выразительным и легко различимым материальным комплексом аскизской археологической культуры, которая принадлежала прямым предкам современного хакасского народа [Кызласов 1983].

Отличительной особенностью аскизских древностей служит широкое распространение железных изделий характерной формы, часто украшенных инкрустацией и аппликацией из серебра, меди и, реже, золота. Эти изделия использовались как украшения сбруи коня и снаряжения воина-всадника и обычно объединены в наборы общим узором. Изделия эти настолько своеобразные, что легко опознаются среди комплекса традиционных украшений иных культур.

В последнее десятилетие XX столетия аскизские древности в силу своей выразительности и заметности, как это справедливо от-

мечает И.Л. Кызласов, выделены в материалах средневековых археологических культур на огромной территории Евразии – от Прииртышья до Подунавья. Аскизские древности представлены по меньшей мере в 10 древнерусских городах и селищах, практически во всех болгарских поселениях, на поселениях буртас, древней мордвы, в материалах чепецкой археологической культуры. Часть аскизских предметов попала на земли финно-угоров и славян в результате торговой деятельности самих алтайских тюрок или волжских болгар, часть попала вместе с отрядами аскизских всадников, которые могли выполнять торговые или военно-дипломатические функции.

Вероятно, в Волжской Булгарии имелись постоянные древнехакасские поселения – фактории, дипломатические представительства, торговые кварталы. Исследования К.А. Руденко убедительно демонстрируют влияние аскизских традиций на производство в Волжской Болгарии изделий поясной и упряжной гарнитуры [Руденко 2001]. Таким образом, аскизские изделия из Предуралья, вслед за Руденко, можно разделить на две сюжетно-стилистические группы – собственно аскизскую и камскую. Последняя связана с производством изделий аскизского типа и по аскизским мотивам мастерами Волжской Булгарии. При этом изделия камской группы могли воспроизводить аскизские предметы не только в железе, но и в бронзе и меди, так как такая традиция была более близка представлениям камских угров и финнов, для продажи которым ремесленники Булгарии изготавлива-

© Белавин А.М., 2003

*Работа написана при поддержке
Гранта РГНФ № 02-01-00521а/Т*

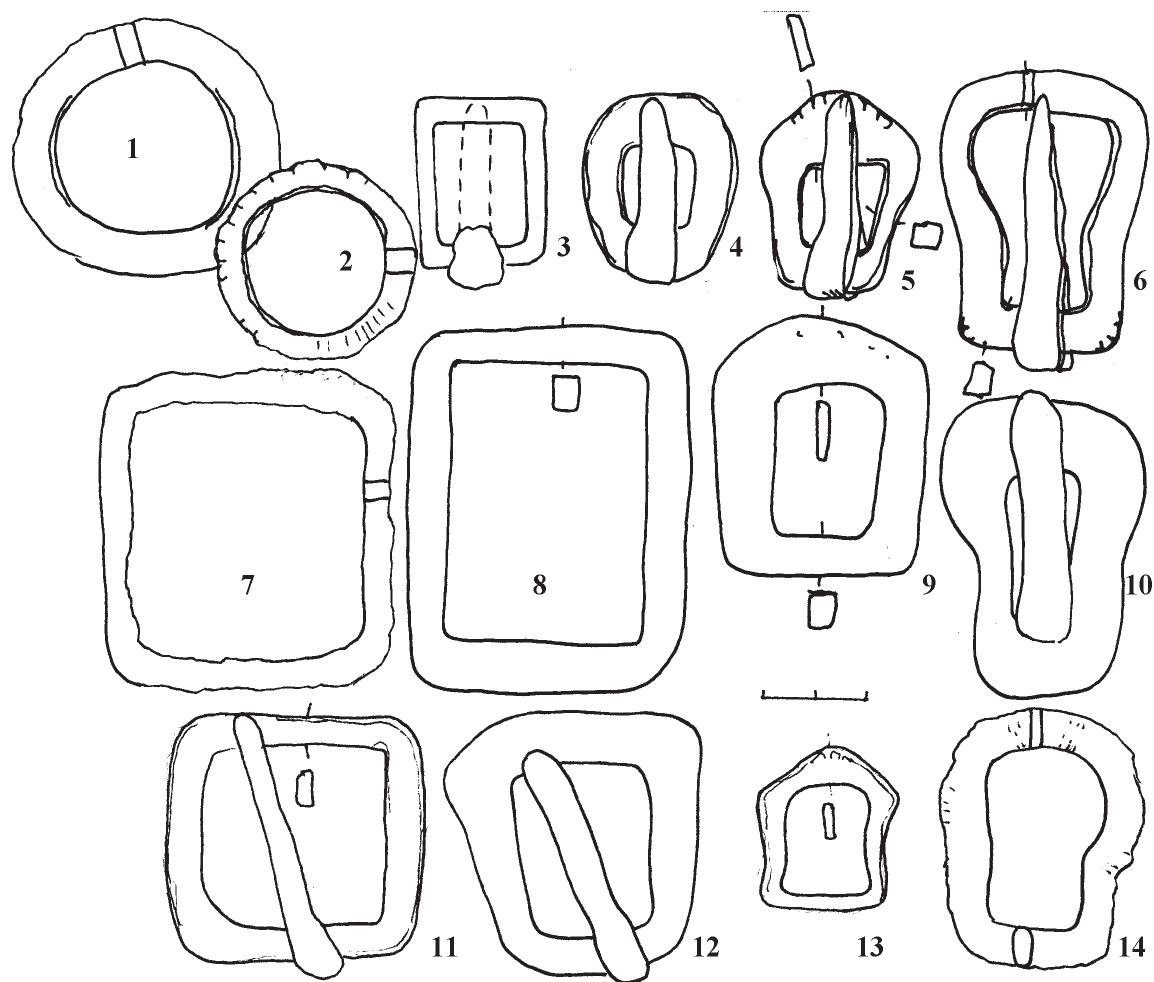

Рис.1. Пряжки и их детали.

ли в массовом количестве предметы поясной гарнитуры.

После выявления большого количества аскизских и подобных им изделий в материалах Волжской Булгарии и чепецкой археологической культуры возник вопрос о возможном наличии аскизских предметов и в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья. Даже беглый просмотр коллекции Теплоуховых, материалов селища Телячий Брод, городищ Рождественского, Кыласово, Городищенского и Саломатовского показал наличие в них предметов поясной и упряжной гарнитуры из

железа, выполненных в аскизской традиции. Таким образом, стало понятно, что проблема взаимодействия древних хакасов с Восточной Европой в полной мере касается и Пермского Предуралья. Настоящая работа рассматривает предметы аскизского типа из коллекции, полученной в результате многолетних работ и сборов на крупнейшем средневековом памятнике Пермского Предуралья — Рождественском археологическом комплексе, и открывает, таким образом, исследования аскизских древностей в материалах пермского Предуралья.

В материалах Рождественско-

го городища обнаружено 40 предметов, в коллекции Рождественского могильника 1 предмет, относящихся к аскизским. В коллекции частей поясной и упряжной гарнитуры Рождественского городища аскизские предметы составляют заметную часть - 11,4 %.

Аскизские предметы представлены обломками и целыми железными пряжками, накладками, крючком, привесом, деталями седла. Для систематизации материалов была принята классификация и типология, предложенная Руденко К.А. [Руденко 2000], это делает наши материалы полностью сопоставимыми с опубликованными аскизскими коллекциями из памятников Поволжья, Южного Урала и Удмуртского Предуралья.

Пряжки представлены рамчатыми пряжками (рис.1), фрагментами щитковых пряжек (рис.2, ф.4,5,7,8,16,17), рамкой (рис.2, ф.13) и щитками (рис.2, ф.2,3,20) от шарнирных пряжек.

Отдел А - рамчатые пряжки (рис.1).

Тип 1 прямоугольные и квадратные, варианты: а) — с расплющенной передней частью (рис.1, ф.9), б) с рамкой квадратного или прямоугольного сечения (рис.1, ф.3,7,11). Пряжки достаточно крупных размеров от 2,5х3 см до 6х5 см. Такие пряжки чаще всего использовались в качестве подпружных, особенно это касается крупных экземпляров и их ширина соответствует ширине подпружного ремня в 3-5 см. В то же время рамчатые пряжки небольших размеров (2,5х3 см) могли использоваться и как поясные, что видно из материалов Больше-Тарханского могильника в По-

волжье и чепецких могильников. Пряжки такого типа имеют широкую дату — VIII-XIII вв.

Тип 3 круглые, диаметром 2,3 — 7 см (рис.1, ф.1,2), такие пряжки использовались как стременные или подпружные [Кирпичников 1973, рис. 43-8]. Круглые железные пряжки имеют широкую дату бытования.

Тип 4 вытянутые, встречен вариант в) — подтрапецевидная с округлой передней частью (рис.1, ф.4, 12). Такие изделия имеют дату IX-XIII вв. и встречены в Среднем Поволжье, в Мрясимовских и Муракаевских курганах Южного Урала [Мажитов 1981, рис. 73-7; 74-12], в Качкашурском могильнике в Удмуртии. В курганах Южного Урала такие пряжки найдены в составе конских оголовий, однако чаще они использовались как подпружные или для крепления колчана.

Тип 5 вытянутые и сдавленные с боков, вариант а) — с округлой передней частью (рис.1, ф.6, 10, 14), вариант б) — с заостренной передней частью (рис.1, ф.5, 13). Подобные пряжки могли использоваться как пряжки из конской упряжи и как поясные в XI-XII вв., аналогии им имеются в материалах Волжской Болгарии [Руденко 2001, табл. III — 16,17,18,20].

Отдел Б — щитковые пряжки.

Тип 3 круглорамчатые с длинным прямоугольным щитком (рис.2, ф.4,5,7 и обломки рамок от этого типа-? рис. 2, ф. 16,17). На Рождественском городище встречен только подтип а) — с длинным узким щитком со шлемовидным завершением. Подобные пряжки датируются серединой XI — началом XII в. по аналогиям в Волжской Булгарии [Руденко 2001, табл. IV],

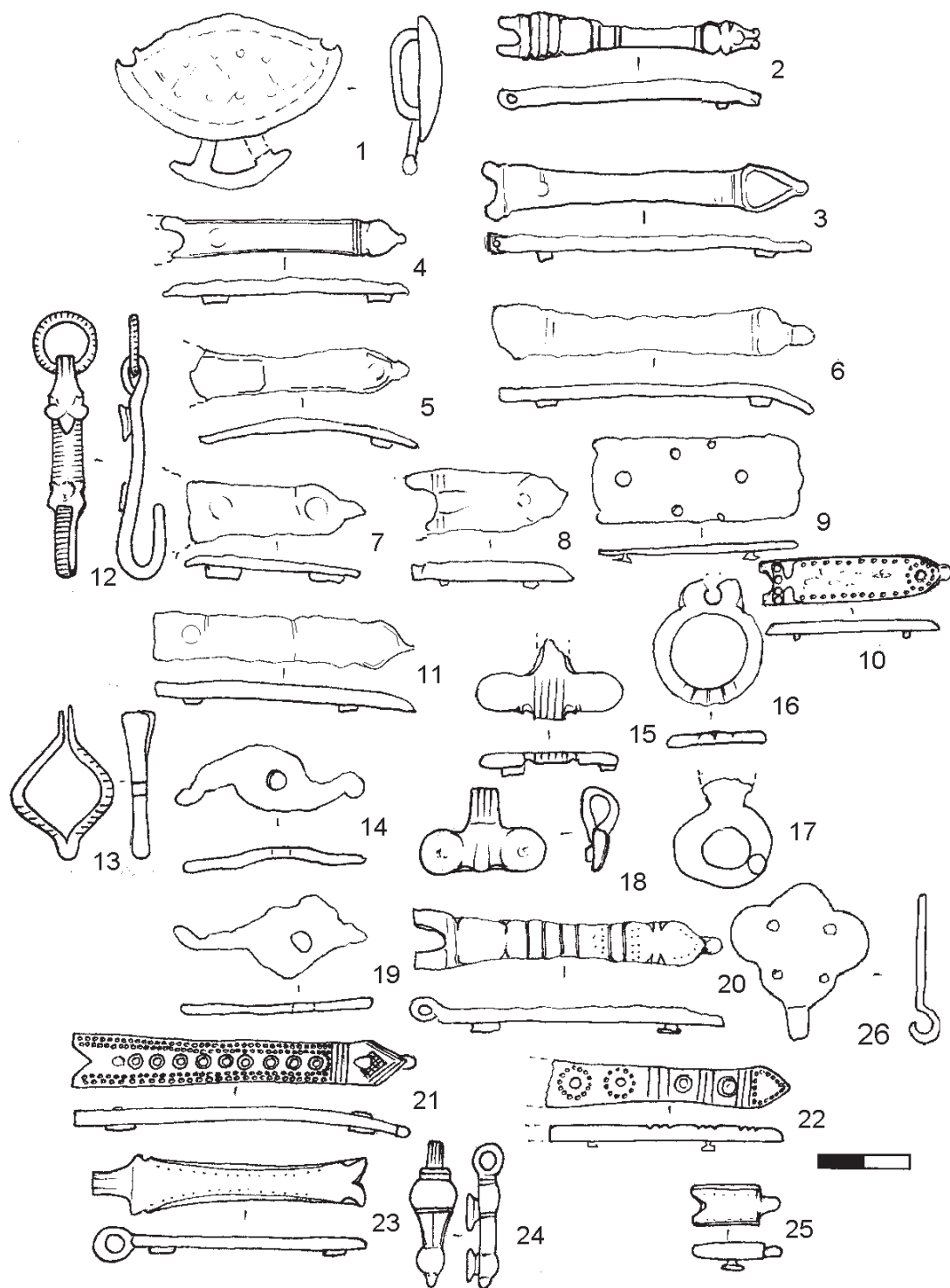

Рис. 2. Детали щитковых пряжек, накладки, крючок, шайбы, обойма.

в материалах памятников оглаhtинского этапа аскизской культуры [Кызласов 1983, табл. XII-23,24].

Тип 4 круглорамчатые с широким прямоугольным щитком и сер-

дцевидным завершением (рис.2, ф.8). Такие пряжки известны в Волжской Булгарии, где датируются домонгольским временем.

Пряжки отдела Б использова-

лись как в бытовом костюме, так и в конской упряжи, они наиболее характерны для древностей Южной Сибири и представляются изделием собственно аскизских мастеров.

Отдел В — щитковые шарнирные пряжки.

Тип 1 фигурнорамчатые с луковичевидной рамкой представлен находкой рамки (рис.2, ф.13). Луковичевидные рамки характерны для пряжек конца XI — XII вв. Аналогии им представлены в материалах Болгарии [Руденко 2001, табл.VI, VII], в Поветлужье, Пензенском крае. Имеются два щитка от таких пряжек с сердцевидным и шлемовидным завершением (рис.2, ф. 3,20).

Один щиток (рис.2, ф.2) может относиться к **типу 2** фигурнорамчатых пряжек с вильчатым завершением щитка. Пряжки отдела В использовались в костюме.

Наибольший интерес представляют щитки, украшенные декоративными деталями — перетяжками, поперченными насечками, вогнутой с боков средней частью. На щитке со шлемовидным завершением (рис.2, ф. 20) имеются следы инкрустации медью. Вильчатое окончание щитка (тип 2) характерно для ряда других изделий болгарского производства. По данным Руденко пряжки отдела В на южно-сибирских памятниках не встречаются, что выдает в них продукцию болгарских мастеров и изделия могут быть отнесены к предметом камско-болгарского “аскизоидного” типа. Мода на шарнирные пряжки закончилась к концу XII в.

Накладки на ремень представлены так же достаточно разнообразно. Все они имеют штифты, с

помощью которых крепились к ремню. В соответствии с типологией Руденко К.А. наши накладки делятся на отделы по форме щитка и на типы по деталям декора и оформлению.

Отдел А — плоские округло-овальные накладки.

Этот отдел представлен накладкой, которую можно отнести к **типу 3** в виде 4-лепестковой розетки со сквозными отверстиями и с ушком для кольцевой привески (рис.2, ф. 26). Такие накладки известны в Болгарии [Руденко 2001, табл.VI, VII], в составе находок из Золотарева комплекса пензенского края. Прямые аналогии им имеются в комплексах огластинского времени малиновского этапа аскизской культуры [Кызласов 1983, табл. XXXIII-8,9].

Отдел Б — прямоугольные и квадратные накладки.

Тип 2 — накладки с фигурным основанием представлены **подтипом б)** объемная, со шлемовидным концом, слегка сдавленная в середине и вильчатым основанием (рис.2, ф.2) и обломком накладки такого типа (рис.2, ф. 22). Обе накладки богато декорированы кружково-циркульным орнаментом, перетяжками, инкрустацией медью. К этому же типу может быть отнесена накладка с каплевидным окончанием (рис.2, ф.6) и накладка со шлемовидным окончанием (рис.2, ф. 11) со следами серебряной инкрустации. Близка к ним по виду богато декорированная кружковым орнаментом и гравировкой накладка с каплевидным концом и прямоугольной выемкой в основании, её можно отнести к **подтипу в).**

Аналогии накладкам типа 2

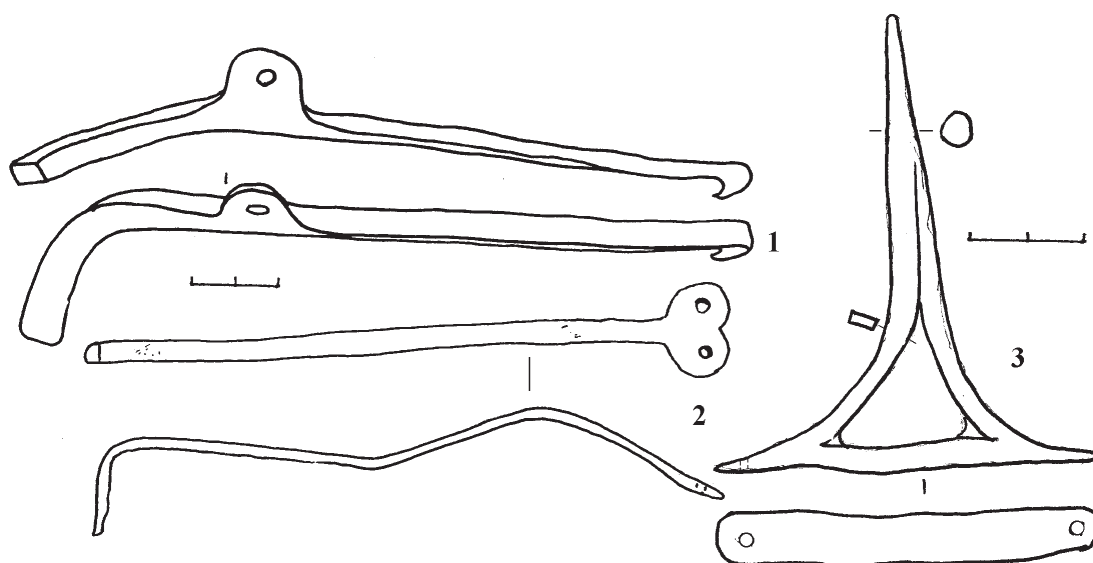

Рис.3. Крюк для продергивания седельных ремней (1), седельная накладка (2), основа для султанчика(3)

имеются в древностях мордвы и Булгарии XI-XII вв. Эти накладки использовались как ременное украшение, как наконечники поясного ремня или наконечники концевых ремешков упряжи.

Тип 9 (?) – накладка прямоугольного сечения, сдавленная с боков в середине, с вильчатым окончанием и кольцом в основании (рис.2, ф. 23). Такие накладки хорошо известны как распределители ремня конской упряжи. Аналогичные формы распределителей известны на памятниках аскизской культуры, аналогии имеются также и на памятниках Булгарии X-XII вв.

Тип 15 подтип в) – объемная широкая, с декоративной перетяжкой и четким делением декоративного поля (рис.2, ф. 24) и кольцом. Такие накладки служили, скорее всего, для тройного соединения ремня в легкой уздечке в X в. Аналогичные накладки существовали в аскизской культуре в конце X-XII вв. [Кызласов 1983, с.33], часто встречаются в аскизских материа-

лах из Волжской Булгарии [Руденко К.А 2001, табл.XVII – 14, 15].

Тип 19 “очковидные” (рис. 2, ф. 15, 18) **подтип б)** с круглыми концами, выделенным центром и петлей. По мнению большинства исследователей аскизских древностей накладки такого типа являются оригинальными для Волжской Булгарии, но распространены и в древностях аскизов, где, по мнению И.Л.Кызласова, считаются формой, “отражающей влияние запада” [Кызласов 1983, с.35]. В Сибири и в Булгарии распространены во второй половине XI – начале XII вв. Использовались в уздечном наборе в сочетании с крючками (рис.2, ф.12).

Отдел Г – треугольные накладки.

Представлены 3 экземплярами объемных накладок **типа 4 – с выемкой в основании и выступом на конце**, многочисленные аналогии имеются в Булгарии [Руденко 2001, табл.XXII – 23-30]. Такие накладки имели декоративные функции,

Е.П. Казаков предполагает их широкое применение в качестве поясных.

Отдел Д – фигурные накладки.

Представлен плоской прямоугольной накладкой с отверстиями, небольшим выступом в окончании и раздвоенно-выпуклым основанием (рис.2, ф.9). Накладки такого типа в Булгарии не отмечены, а плоские фигурные накладки в целом характерны для украшений упряжи в домонгольское время.

Крючки представлены **типом К-4** объемным, прямоугольным, с фигурными “перетяжками” и соединительным кольцом. Переход к отверстию для кольца декорирован в виде головки животного (рис. 2, ф. 12). Такие крючки могли использоваться в сочетании с накладками типа Б18 [Руденко 2001, рис. 31 – 14-18, 28].

Оригинальным предметом предстает железная **наременная обойма с фигурной петлей** (рис.2, ф.1), на наш взгляд, такая обойма могла служить для зацепления колчанного крюка или топора. На близость к аскизскому кругу указывают следы медной инкрустации на сложнофигурной выпуклой поверхности обоймы. Конструктивная близость имеется в предметах железной гарнитуры из погребения 28 Руткинского древнемарийского могильника [Архипов 1986].

Интерес представляют **С-видные железные шайбы** (рис. 2, ф.14,19), известные в конструкции колчанов у кочевников.

В коллекции имеется железный предмет треугольной формы: на пластине с 2 отверстиями для крепления расположена дротовая пласти-

на, сходящаяся на острый угол (рис. 3, ф.3). Возможно, что это некая **основа для султанчика** на головной убор, какие были распространены в Южной Сибири.

Близка к фигурным накладкам тонкая железная пластина с округло-раздвоенным концом (рис.3, ф.2). Размеры, однако, заставляют относить её к **оковкам седла**.

Весьма оригинальным предметом, впервые встреченным в Пермском Предуралье, является **крюк для продергивания седельных ремней и для шнуровки** (рис.3, ф.1). Абсолютные аналогии ему известны среди аскизских древностей и среди находок на Золотаревском комплексе, в Новгороде, Новогрудке, на городище Слободка [Руденко 2001, рис 26, ф.29-31; рис. 27; рис.30,ф.14], где они, по мнению И.Л.Кызласова, являются свидетельством пребывания аскизских всадников.

Таким образом, набор находок аскизского типа в материалах Рождественского археологического комплекса весьма разнообразен. Большая часть предметов относится к деталям и украшениям конской упряжи, и могла быть предметом торговли. На это указывает большое количество предметов аскизского облика, изготовленных в соответствии с этой модой мастерами Волжской Булгарии. Поэтому такие предметы можно смело относить к результату булгарской торговли. Однако наличие собственно аскизских предметов, украшенных инкрустацией, и крюка для шнуровки, который был неременной принадлежностью аскизского всадника, заставляет думать о том, что в XI-XII вв. аскизы могли бывать на

Рождественском городище в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями.

Наличие аскизских древностей в коллекции Рождественского комплекса в очередной раз подтверждает наше мнение о значении этого пункта в системе международной торговли по Камскому торговому пути. “Касаба Афкула” вполне могла быть местом, которое аскизские воины и торговцы посещали во время своих экспедиций по торговым путям Восточной Европы в домонгольское время. Сосредоточение большей части находок аскизского круга на раскопах 1, 2 и 5, находящихся на краю прибрежного обрыва площадки городища, указывает на возможное расположение “аскизского двора” на территории этого поселения.

Н.Б. Крыласова ЭЛЕМЕНТЫ ОГНИВА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Кресала (или огнива) — это приспособление для добывания огня, представляющее собой стальную пластинку, служившую для удара о кремь при высекании искры. Это одна из интереснейших категорий бытового инвентаря, распространенного повсеместно в период средневековья, как у оседлых, так и у кочевых народов.

С глубокой древности основным источником энергии был огонь. Уже для среднего, а тем более для позднего палеолита существует множество доказательств использования людьми огня. И вполне вероятно, что уже в это время люди умели его самостоятельно разжигать. Одним из наиболее распространенных способов добычи огня было высечение искры при ударах камня о камень. Больше всего для этой цели годились кремни, кварц, горный хрусталь. Наилучших результатов можно было достичь ударом камня по рудным материалам — пириту, халькопириту, марказиту, сфалериту. В этом случае искра получалась гораздо длиннее — от 4 до 10 см. Наиболее широко в природе распространен пирит — дисульфид железа FeS_2 . Если по куску пирита ударить кремнем, то от минерала отскакивают разогретые ударом частички, из которых выделяется сера, воспламеняющаяся на воздухе, отсюда и название этого

© Крыласова Н.Б., 2003

минерала. Разжигание огня требовало использования легковоспламеняющегося материала, например, зажигательного трута, получаемого из растущего на деревьях плодов гриба-трутовика копытообразного (*Fomes fomentarius*), представляющих собой сухую губчатую массу. В более позднее время для разжигания огня стали использовать кремь вместе со стальным кресалом, а вместо трута — фитиль, пропитанный для лучшего возгорания раствором селитры — нитрата калия KNO_3 . Принцип получения огня с помощью кремня и железа получил широкое распространение. У многих северных народов в эпоху средневековья кресало и кремь были единственным приспособлением для добывания огня [Савельева 1987, с.60]. Принцип высечения искры при ударе железа о кремь использовался в замках кремневых ружей, а в настоящее время применяется в зажигалках.

Кресала — одна из немногих разновидностей бытовых вещей, для изготовления которых использовалась качественная сталь. Ее применение объясняется практической необходимостью, так как эти предметы по техническим качествам должны иметь максимально твердую рабочую часть [Завьялов 1988, с.148]. Нередко при изготовлении кресал ограничивались наваркой узкой стальной полоски на ударную площадку. Таким образом, кресала принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, выполненных в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства [Гопак 1986, с.425,427].

К сожалению, кресала в основном рассматриваются в археологических публикациях попутно и достаточно поверхностно среди прочего инвентаря.

Специальных работ, посвященных огнивам, в отечественной литературе относительно немного. Прежде всего, следует назвать статьи Л.А.Голубевой [Голубева 1964, с.130-132; 1965, с.257-269; Голубева, Варенова 1993, с.94-107]. В них рассмотрены две разновидности кресал — железные пластинчатые и биметаллические. Семантике кресал с бронзовыми рукоятями Прикамья посвящена работа Г.Ф.Корзухиной [Корзухина 1977, с.156-161]. Происхождение и распространение кресал с бронзовыми рукоятями интересовало некоторых зарубежных исследователей [Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер 1979, с.81-90; Kivikowski 1937, s.244-245; Ksks 1969, s.155].

Среди специальных работ, посвященных кресалам, особое место занимают исследования, посвященные разработке типологии и хронологии этой категории инвентаря. Типологию пластинчатых пшеворских кресал разработал А.Коковский [Kokovski 1985, s.109-127]. В статье Н.А.Лобанова дана типология и хронология псковских кресал [Лобанов 1989, с.83-84]. Классификация и датировка дальневосточных кресал представлена в работах Л.П.Ходзевича и Э.В.Шавкунова [Ходзевич, Шавкунов 1990, с.109-121]. Типологии и хронологии железных кресал посвящена большая статья А.В.Евгалева и Тат.М.Потемкиной [Евгалевский, Потемкина 2000, с.181-208]. Первую разработку типологии и хронологии

древнерусских кресал на материалах Новгорода сделал Б.А.Колчин [Колчин 1959, с.98-102; Колчин 1982, с.161, рис.4]. И в настоящее время большинство исследователей опирается именно на классификацию и датировку кресал, предложенную Колчиным Б.А., причем, после появления его работы кресала стали широко применяться для датировки памятников, при этом многие прямо переносят новгородскую хронологию на публикуемые памятники. Хотя, как это отмечено некоторыми исследователями, далеко не всегда время бытования тех или иных типов кресал в Новгороде совпадает с их бытованием на других территориях [Лобанов 1989, с.83-84; Евгалевский, Потемкина 2000, с.182]. Многие авторы пользуются работой Г.А.Федорова-Давыдова, который разработал типологию и хронологию кресал поздних кочевников Восточной Европы [Федоров-Давыдов 1966, с.84, рис.12]. Ряд исследователей используют датировку кресал, предложенные для позднекочевнических погребений С.А.Плетневой [Плетнева 1958, с.159, 169]. Хотя, как отмечается в статье А.В.Евгалевского и Т.М.Потемкиной, Г.А.Федоров-Давыдов основывал свою хронологию на новгородских аналогиях, а что касается С.А.Плетневой, то она не дала в своей статье никакого обоснования хронологии кресал, да и предложенная ею терминология, на взгляд Евгалиевского и Потемкиной, крайне неудачна [Евгалевский, Потемкина 2000, с.181].

На территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья были широко распространены разнообразные формы кресал. В.И.За-

вьялов, исследовавший серию кресал родановской культуры, отметил, что лишь незначительная часть из них изготовлена по четкой рациональной технологии. Эти кресала можно признать импортными изделиями. Основная же масса кресал, изготовленная из неравномерно науглероженной стали, — продукция местных кузнецов. Исследователь отмечает, что на территории Прикамья очень быстро распространились древнерусские формы кресал, хотя для этой категории железных предметов форма не имеет столь важного значения, как для орудий труда. Он считает, что в данном случае имеет место влияние моды в кузнечном ремесле, когда кузнецы родановской культуры перенимали не только новые, более прогрессивные типы орудий труда, но и новые формы предметов быта [Завьялов 1988, с.148-150].

Для высечения огня требовалось железо, кремь и трут. Поэтому полный комплекс элементов огнива включал в себя железное или биметаллическое кресало, кремь и (иногда) трубочку для трута.

Предметом нашего исследования являются элементы огнива из Рождественского археологического комплекса, расположенного в Карагайском районе Пермской области на правом берегу р.Обва, в 1,5 км к ЮВ от с. Рождественск. Данный археологический комплекс состоит из рождественского городища с посадом, Филипповского городища-крепости, мусульманского и языческого могильников. На Рождественском археологическом комплексе собрано 47 кресал, 9 кремней и 5 трубочек для трута, которые происходят с Рождественского

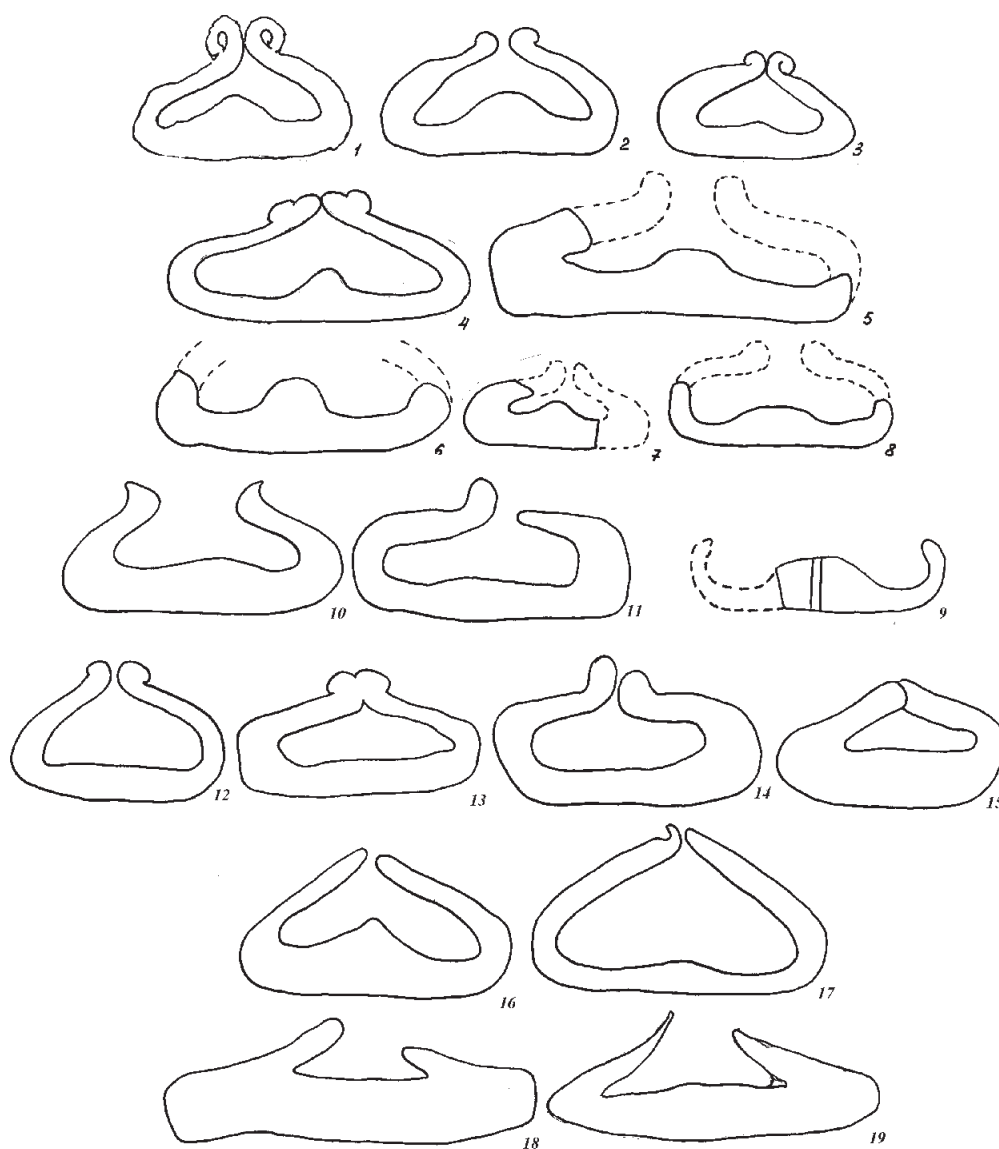

Рис.1 1-РГ; 2-РМ-I/мм; 3-РМ-I/мм(2 экз), n.221; 4-КТ; 5-РМ-I/n.127; 6-РМ-I/n.36, n.69; 7-РМ-I/n.103; 8-РМ-I/n.22,n.110; 9-РГ; 10-РМ-I/n.68, n.69; 11-РМ-I/n.37; 12-РМ-I/n.38; 13-РМ-I/мм; 14-РМ-I/n.43, n.90; 15-РМ-I/n.120; 16-РМ-V; 17-РМ-V; 18-РМ/мм; 19-КТ. 1-19-железо.

городища и языческого могильника. На могильнике элементы огня представлены в 18 погребениях, что составляет 17,3% от всех изученных языческих погребений. Для примера, у поздних кочевников Восточной Европы X-XIV вв. кресала обнаружены в 13 % погребений [Евгальевский, Потемкина 2000, с.183], а в древнерусских языческих подкурганых захоронениях Южной

Руси IX-XIII вв. они составляют всего 2% [Моця 1993, с.28].

Среди кресал выделяется 2 отдела — железные и биметаллические.

I отдел — железные кресала.

1 группа — однолезвийные калачевидные. Данные кресала получили свое название из-за наличия двух своеобразно изогнутых рукоятей, что делает изделие похожим на

калач. Кресала подобного вида были распространены чрезвычайно широко. В зависимости от времени и места их распространения они имели свои особенности. Общая форма их может напоминать треугольник, овал и даже прямоугольник, рукояти могут находиться на значительном расстоянии друг от друга или смыкаться, и иметь большую или меньшую степень изогнутости. Иногда концы так изогнуты, что примыкают к основанию, образуя подобие буквы "В".

Большинство исследователей основным признаком для классификации калачевидных кресал считает наличие или отсутствие выступа (язычка) на ударной части лезвия. Хотя отмечается, что среди калачевидных кресал можно также выделить группы с прямыми концами рукоятей и группы с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами [Евгальевский, Потемкина 2000, с.183].

Для коллекции Рождественского археологического комплекса наиболее целесообразным является выделение типов по форме концов рукоятей, так как эти типы, на наш взгляд, имеют различия в датировке.

1-й тип — овально-подтреугольные (рис.1/1-14; 21 экз.). Большинство кресал данного типа имеют сравнительно небольшие размеры — от 4,5 до 7,5 см в длину, лишь одно из них достигает в длину 9 см. Высота их разная в зависимости от угла наклона концов рукояти к рабочей части. Характерной особенностью предметов данного типа является то, что у их рукоятей концы имеют завитки или утолщения. В одном случае (рис.1/4) концы руко-

яти украшены парными утолщениями. В большинстве случаев концы рукоятей смыкаются или почти соприкасаются. Согласно общепринятой типологии предметы данного типа можно разделить на два подтипа — с язычком и без язычка.

Подтип 1а (16 экземпляров, рис. 1/1-11) — с язычком. Язычок у кресал имеет подтреугольную, иногда — плавную, дуговидную форму, он, как правило, небольшой, а у некоторых экземпляров (рис.1/10-11) едва прослеживается.

Подтип 1б (5 экземпляров, рис.1/12-15) — без язычка. Характерным для кресал данного подтипа является отсутствие язычка на лезвии, других существенных отличий от кресал подгруппы 1а не отмечено.

2-й тип — треугольные (4 экземпляра, рис.1/16-19). Кресала данного типа имеют в длину от 6,5 до 9 см. Характерной особенностью изделий данного типа является наличие прямых слегка приостренных концов рукоятей. Лишь в одном случае (рис.1/17) один из концов рукояти выполнен в виде небольшого заостренного крючка. Кресала данного типа также делятся на два подтипа:

подтип 2а — с язычком (рис.1/16,17; 2 экз.).

Подтип 2б — без язычка (рис.1/18,19; 2 экз.). Характерным для кресал данного подтипа является то, что они имеют более широкое лезвие и короткие концы рукояти.

По типологии Б.А.Колчина калачевидные кресала с язычком соответствуют 1-му типу, раннему варианту, по Г.А.Федорову-Давыдову — типам Б-I и Б-II; по Э.А.Савельевой типу 1, варианту I-A, по Евге-

левскому А.В.-Потемкиной Т.М. типу 1, варианту 1.

Калачевидные кресала с язычком имеют многочисленные аналогии. Они широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы и в Азии вплоть до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования довольно широкое. В древнерусских памятниках они представлены в основном в слоях X — третьей четверти XII в., хотя в небольшом количестве использовались вплоть до середины XIV в. У поздних кочевников Восточной Европы они также представлены в погребениях с X по XIV в. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.183, с.200, рис.6].

Калачевидные кресала без язычка распространены почти так же широко, как и кресала с язычком. Первые калачевидные кресала без язычка известны еще в VIII-IX вв., пик их бытования приходится на XIII-XIV вв., а на некоторых памятниках они встречаются даже в XVI в. У поздних кочевников Восточной Европы они функционировали с XII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.185, с.200, рис.6].

2-я группа — однолезвийные с одной рукоятью (рис.2/1, 1 экземпляр). Кресало представляет собой пластину длиной 8 см, с одной стороны загнутую петлей. Ширина пластины у петли 1,5 см, на конце — 2 см. Л.А.Голубева выделяет данный тип пластинчатых огнив в ареале финно-угорских и балтских древностей в период с VIII по XI-XII вв. [Голубева 1965, рис.1/5].

3-я группа — однолезвийные трапецевидные. Представлена 1 экземпляром (рис.2/2), представляющим собой пластинчатое кресало

трапецевидной формы (длина 5,3 см, ширина рабочего края — 1,8 см), верх которого оформлен в виде выступа.

Пластинчатые кресала широко известны в раннесредневековых древностях балтских и финских племен. В частности, значительная серия подобных изделий обнаружена в курганах второй половины IX — начала XI в. чудского населения Юго-Восточного Приладожья. Данное трапецевидное кресало относится к разновидности кресал, изредка встречающихся только “в бесспорных восточнославянских памятниках” [Голубева 1965, с.258-259]. Такие находки происходят с городища Хотомель (Брянская обл.), Новотроицкого городища (Сумская обл.), Гнездовского могильника (Смоленская обл.) и Стораладожского городища [Рябинин 1994, с.47-48, рис.24/12].

4-я группа — двулезвийные овальные.

Согласно общепринятой типологии двулезвийные кресала Рождественского археологического комплекса можно разделить на три типа.

1-й тип — удлинено-овальное (рис.2/3). К этому типу относится кресало, представляющее собой значительно вытянутый овал с короткой овальной прорезью в центре. Размеры кресала: длина 9,5 см, ширина 2,5 см.

По типологии Б.А.Колчина такие кресала относятся к типу 2 (овально-заостренные), по классификации Г.А.Федорова-Давыдова к типу А-III, по Э.А.Савельевой к типу 2, вариантам 1-А и 1-Б, по Евгалевскому А.В. - Потемкиной Т.М. к типу 3, варианту 2.

Аналогичные кресала были рас-

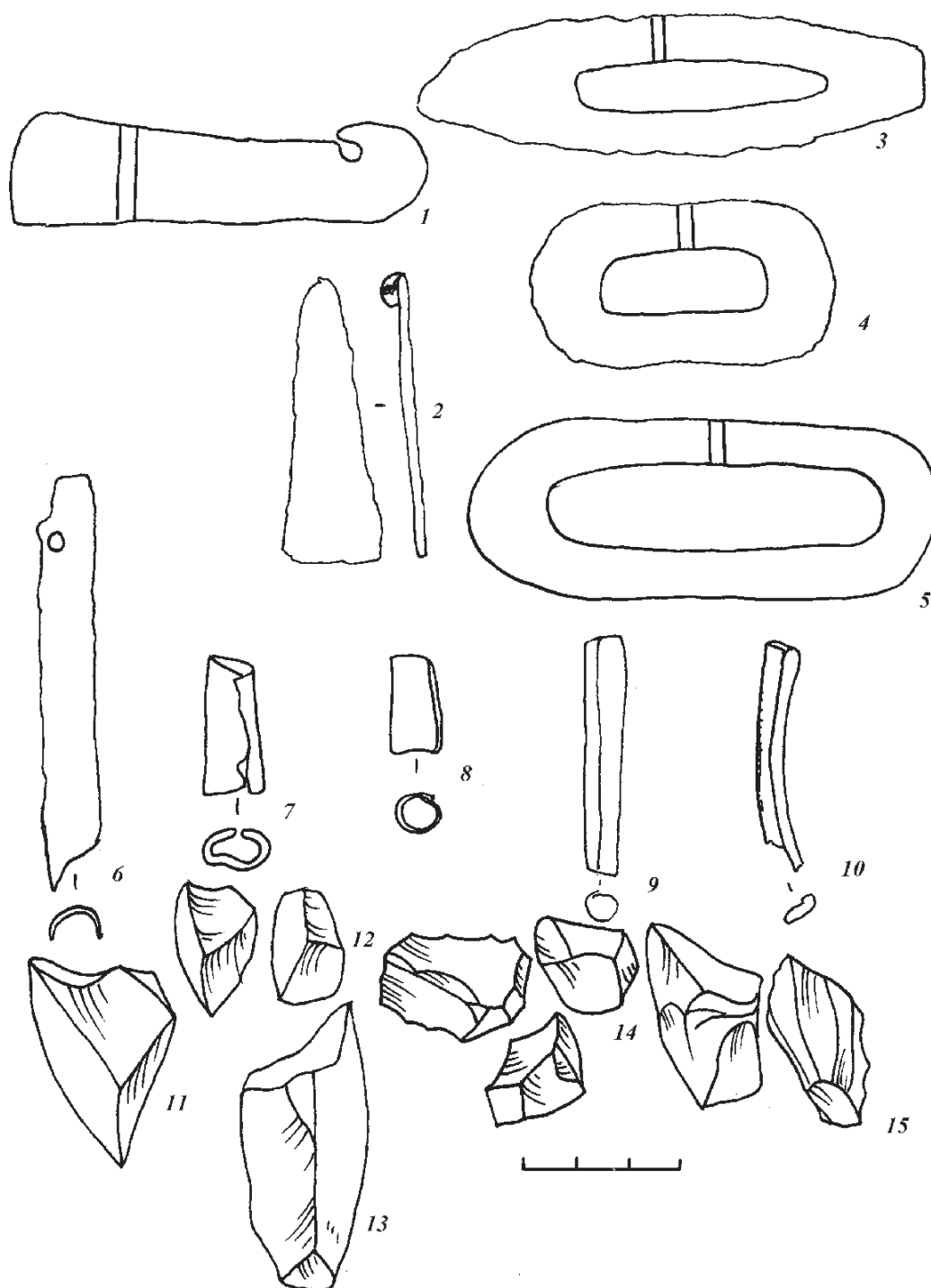

Рис.2 1- 4-ПГ; 5- ПМ-I/n.98; 6-ПГ; 7-8-ПМ-I/мм; 9-ПМ-I/n.98; 10-ПГ; 11- ПМ-I/n.43; 12- ПМ-I/n.98; 13- ПМ-I/n.47; 14- ПМ-I/n.104; 15- ПМ-I/n.122; 1-6-железо; 7-10-бронза; 11-14-кремь; 15-сердолик.

пространены практически по всей Северной и Восточной Европе [Евгальевский, Потемкина 2000, с.187].

В Кичилькоськом могильнике

Перми Вычегодской подобные кресала датируются X-XI вв. [Савельева 1971, табл.22/9]. Широкое распространение такие кресала полу-

чили в XII-XIII, а наиболее позднее из известных относится к XVI в. У поздних кочевников Восточной Европы они встречаются со второй половины XIII по XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.188, с.200, рис.6].

2 тип — овалльно-подпрямоугольное короткое (рис.2/4). К этому типу относится кресало длиной 6 шириной 3 см.

Кресала этого типа соответствуют по классификации Евгалевского А.В. - Потемкиной Т.М. типу 4, варианту 2.

Подобные кресала распространены в разных районах Руси, на Каме и Волге [Евгалевский, Потемкина 2000, с.189].

У поздних кочевников Восточной Европы такие кресала бытовали со второй половины XIII по XIV в. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.200, рис.6].

3-й тип — овалльно-подпрямоугольное длинное (рис.2/5). К этому типу относится кресало длиной 9 шириной 3,5 см.

Кресала этого типа соответствуют по классификации Б.А.Колчина типу 5, Э.А.Савельевой типу 4, Г.А.-Федорова-Давыдова типу А-1, Евгалевского А.В. - Потемкиной Т.М. типу 4, варианту 1.

Подобные кресала имеют многочисленные аналогии в Белоруссии, среди древнерусских памятников Северной и Южной Руси, у балтов, карелов, в вымской культуре.

Датируются кресала 2-го и 3-го типа с XII по XIV вв., а период их наибольшего распространения — XIII-XIV вв. [Евгалевский, Потемкина 2000, с.188-189, с.200, рис.6].

Наиболее ранние овалльно-подпрямоугольные кресала обнаруже-

ны в катакомбе 145 Дмитриевского археологического комплекса салтово-маяцкой культуры, который датируется VIII — началом X в. [Плетнева 1989, с.93, рис.45], а также в Каргаполье в комплексе с вещами конца X — начала XII вв. [Макаров 1982, с.85, рис.3/13], на памятнике, связанном, по мнению Н.А.Макарова, с финскими племенами, у которых прямоугольные кресала появились в период, предшествующий эпохе викингов.

II отдел — биметаллические кресала.

В X — первой половине XI в. в Прикамье были достаточно широко распространены стальные кресала с бронзовой рукоятью.

Кресала с бронзовыми рукоятями археологи относят к устойчивому этноопределяющему признаку финно-угорских культур эпохи раннего средневековья. Будучи предметом международной торговли, они известны по всему северу Европы. По мнению Л.А.Голубевой, одним из крупнейших центров их производства являлось Верхнее Прикамье [Голубева 1964, с.115-132]. Биметаллические кресала обычно сделаны в статуарной манере. Их рабочая часть постепенно переходит по вертикали в массивные фигуры животных и птиц. При внимательном рассмотрении можно прийти к выводу, что скульптурные фигурки не были декоративным дополнением изделия. Скорее наоборот, кресало с его функциональностью подчинено пластическому образу анималистического характера. Такого рода древние предметы, сделанные в виде животного или его части, можно охарактеризовать как изделия повышенной функциональ-

ности. Помимо утилитарного и эстетического назначения они считались, согласно представлениям первобытного анимизма, живыми помощниками и покровителями их владельцев, т.е. вместе с утилитарной и эстетической выполняли оберегательно-магическую функцию [Косменко 1984, с.21-23].

1-я группа — с зооморфными бронзовыми рукоятями.

1-й тип — с изображением одного животного (рис. 3/10-12, 3 экземпляра). Все рукояти кресал данного типа изображают некое фантастическое животное, в котором комбинируются отдельные части разных животных. Туловище, судя по пропорциям и оформлению лап с выделенными тремя когтями, принадлежит волку или хищнику из семейства кошачьих. На туловище косыми насечками обозначена шкура. У шеи в одном случае (рис.3/10) изображен пояс с насечками, в одном случае (рис. 3/11) — схематическое изображение стрелки или летящей птицы, напоминающее один из видов тамги, распространенной на территории Прикамья. Животное (рис.3/11) имеет длинный пушистый хвост. Морда на одном изделии (рис.3/11), судя по аналогиям в зооморфных изображениях, схожа с медведем, на втором (рис.3/12) — слишком стилизована, а на третьем отсутствует. Глаз оформлен в виде выпуклого кружка. Форма ушей (рис.3/11) схожа с изображением ушей лося. Судя по одному целому и двум фрагментам изделий можно предположить, что на всех трех кресалах животное было изображено в позе подготовки к прыжку. В одном случае вдоль основания рукояти расположена го-

ризонтальная полоса из выпуклых кружков (рис.3/10).

2-й тип — с изображением парных животных.

Подтип 2а — коньковые (рис.3/1-6; 10 экземпляров). На всех бронзовых рукоятях данного подтипа изображены стилизованные головки коней, повернутые мордами друг к другу, с длинными выгнутыми шеями, огибающими округлые отверстия. Исключение составляет кресало из погребения 119 (рис.3/6), в котором отверстия под мордами коньков имеют бобовидную форму. В большинстве случаев рты коней раскрыты и соприкасаются верхними и нижними челюстями, образуя отверстие для привешивания (рис.3/1,2,5,6), в одном случае (рис. 3/4) для привешивания служила специальная петля, помещенная над местом соединения конских голов, часть кресал сохранились фрагментарно, и способ их крепления не реконструируется (рис.3/3). В центре основания рукояти, как правило, имеется треугольное (рис.3/2,3,5,6) или ромбическое (рис.3/4) отверстие. В большинстве случаев рукояти кресал не украшены (рис. 3/1-3), лишь вдоль их основания имеется одна или две горизонтальные полосы. У одной рукояти под горизонтальной полосой в основании отмечается кося насечка (рис.3/4), у двух вместо этой полосы изображена линия их выпуклых кружков (рис.3/5,6). Из иных видов ornamentации отмечены полосы вдоль шеи (рис.3/4,6), оформление внутренней части шей коньков насечками (рис.3/5), обрамление треугольного отверстия в основании рукояти поясом из выпуклых кружков (рис.3/6). Характер-

Рис.3 1-2/КТ; 3-РМ-I/мм-3 экз., п.23, КТ; 4-РМ-I/мм; 5-РМ-I/п.100; 6-РМ-I/п.119; 7- РМ-I/п.102; 8- РМ-I/п.120; 9-10-КТ; 11- РМ-I/мм; 13-РГ. 1-13-железо, бронза.

но, что в отличие от коньковых подвесок, распространенного женского украшения Прикамья, имеющих

сходство с рукоятями кресал в пропорциях коньковых голов и общей пластике изображения, у последних

головы развернуты не в противоположные стороны, а навстречу друг другу, и отсутствуют даже намеки на изображение глаз и гривы.

Кресала этого подтипа по типологии Голубевой Л.А. входят во II группу огнив и датируются ею X в. [Голубева 1993, с.178-179]. Многочисленные аналогии коньковым биметаллическим кресалам известны у марийцев. Кресало, аналогичное находке из погр. 119 (рис.3/6), встречено на Вотчинском могильнике в республике Коми [Истомина 1999, с.84, рис.9/1].

Подтип 2б — кресало с рукоятью, изображающей двух животных на задних лапах, повернутых друг к другу. Фантастические животные аналогичны животным с рукоятьей кресал 1 типа (рис.3/11). Между мордами животных расположена овальная петля для подвешивания кресала. В центре основания рукояти — треугольное отверстие, обрамленное тремя орнаментальными полосами с выпуклыми кружками и овалами. Вдоль нижнего края основания — горизонтальная полоса из выпуклых кружков.

Подтип 2в — кресало с рукоятью, в центре которой помещена схематическая антропоморфная фигура, к которой склонились две хищные птицы (вторая птица отломлена) (рис.3/8). Фигура в центре имеет овальную голову без обозначения лица, длинные руки, похожие на крылья, с тремя пальцами. Птица имеет мощные лапы, большой клюв, у нее обозначен глаз и крыло, на котором косой штриховкой показаны перья, хвост соединяется с основанием рукояти. Вдоль основания расположена горизонтальная полоса из крупных выпуклых круж-

ков.

Сюжет рукояти подобных кресал истолковывается различно. Л.А.Голубевой он объясняется как сюжет вознесения на небо Александра Македонского двумя грифами [Голубева 1964, с.129,130]. Г.Ф.Корзухина увидела в этой композиции иллюстрацию к тексту “Младшей Эдды” о боге Одине и ручных воронах, сидящих у него на плечах [Корзухина 1977, с.156-162]. Наиболее раннее изображение Водана-Одина и воронов, согласно традиции приносивших повелителю вести о том, “что творится на свете”, относится к древностям франков второй половины V в. [Младшая Эдда, 1970, с.59]. Многие авторы полностью соглашались с выводами Г.Ф.Корзухиной, так, В.И.Кулаков, опираясь на них, рассматривает семантику различных изделий, выполненных в общегерманском зверином стиле — пряжки, “шкатулки Френкса” и др. [Кулаков 1995, с.66-81]. По его мнению, на протяжении V-XI вв. изображения Одина стали своеобразной “языческой иконой”. Проникновение данного канона на территорию Восточной Европы объясняется ломкой там родовых отношений и созданием полиэтнической дружины. Родовые орнаменты не представляли для представителей этой дружины интереса в новой ситуации. У них сформировался особый декоративный стиль, включавший изобразительные традиции разных народов, сплоченных дружиной. Поэтому у автора не вызывает удивления факт использования принципов композиции “Один и вороны” при изготовлении кресал у финноугров. Эта схема могла проникнуть в местную

среду в результате деятельности мастеров Волжской Булгарии. А проникновение в Скандинавии единичных украшений финноугорского происхождения вызвало появление там подражаний этим предметам. Это показывает, что скандинавам был близок сюжет “божество и пара животных”, схожий с каноном Одина [Кулаков 1995, с.74-75]. На мой взгляд, данная гипотеза кажется неправдоподобной, так как, вероятнее всего, эти кресала происходят с территории Пермского Предуралья, где их найдено более десятка [Белавин 2000, с.160-161]. Одно кресало найдено в дружинном кургане X в. в Киеве, одно — в мариинском Дубовском могильнике, одно в Приобье и т.д. Поэтому искать объяснение сюжета логичнее в местной финноугорской мифологии, а не в легендах дальних стран. Тем более что в Скандинавии или Финляндии ни одного кресала с подобным сюжетом не найдено [Голубева 1987, с.113].

Подтип 2г — кресало с рукоятью, содержащей схематичные изображения двух водоплавающих птиц, плывущих навстречу друг другу (рис.3/9). У одной птицы, которая наполовину обломлена, обозначено крыло с насечками, изображающими перья. Между птицами — арка, оформленная по верхнему краю в виде трилистника. В основании рукояти — четыре отверстия неправильной формы.

2-я группа — с пластинчатой бронзовой рукоятью (рис.3/13, 1 экземпляр). Данное кресало представляет собой прямоугольную стальную полосу длиной 7 см, шириной 1,4 см, обернутую бронзовой пластиной шириной 0,9 см, укра-

шенной четырьмя орнаментальными группами, состоящими из 7 вертикальных полос. Данное кресало происходит из верхнего слоя Рождественского городища, и относится, вероятно, к более позднему времени, чем остальные биметаллические кресала.

Трубицы для трута представляют собой металлические пластины, согнутые в трубочку. Они также разделяются на 2 отдела по материалу — железные и бронзовые.

1-й отдел — железные. Представлена 1 экземпляром (рис. 2/6) — трубочка длиной 8, диаметром 1 см. На одном конце — круглое отверстие.

2-й отдел — бронзовые (рис. 2/7-10, 4 экземпляра). Трубочки длиной 2-4,5 см, диаметром 0,6-1 см.

Кресальные кремни (рис.2/11-15; 9 экз.), как правило, имеют подтреугольную или нуклиевидную форму, размеры их в длину 2-5,5 см, в ширину — 2,5-1,3 см. Большинство из них изготовлены из серого кремня, за исключением двух из погребения № 122, которые сделаны из сердолика. Кресальные кремни встречены в 4 погребениях, причем только в одном случае (погр.98) кремень находился в комплексе с железным кресалом, а также трубочкой для трута и сумочкой. В остальных случаях кремни представлены без кресал, в погребениях № 104 и 122 их было 2-3. Это дает возможность предполагать, что, кроме способа высечения искры ударом камня о сталь, мог существовать и архаичный способ высечения искры ударом камня о камень.

Как и у многих других народов, у жителей Рождественского городища кресало является сугубо муж-

ким атрибутом. Большинство кресал этого типа происходит из погребений, которые по составу инвентаря можно отнести к мужским (кресала из погребений 36, 37, 38, 110, 120), два — из женских (погр. 100, 127), а у части погребений половую принадлежность по составу инвентаря определить невозможно. У поздних кочевников Восточной Европы наблюдается подобная картина - лишь в трех случаях (из 293) кресла встречены в погребениях с женским инвентарем; около 10 погребений имели смешанный инвентарь [Евгальевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000, с.201].

Элементом огнива в погребениях в подавляющем большинстве случаев сопутствовали предметы поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней) и поясных привесок (бронзовые бусы и пронизки), достаточно широко представлены также стеклянные и каменные бусы и различного рода подвески, что в целом для мужских погребений могильников Пермского Предуралья нехарактерно, и затрудняет определение половой принадлежности погребальных комплексов. Из железных предметов в большинстве из погребений с огнивами встречены ножи и наконечники стрел, достаточно часто присутствуют орудия труда. Как некую особенность следует отметить, что в 6 погребениях с кресалами (30%) обнаружены топоры, которые всего встречены в 9 погребениях языческой части могильника (8,6%). Большинство погребений с кресалами сопровождалось сосудами. Сравнительно немного погребений с височными кольцами и браслетами. Височные кольца встречены в 5 погребениях с кресалами (25%), в то время как в целом по могильнику они обнаружены в 21 погребении (20,1%); браслеты - в 2 погребениях (10%), а в целом по могильнику в 16 погребениях (15,3%).

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало носилось на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивалось в ткань. На Рождественском могильнике элементы огнива в двух случаях сопровождалась поясными сумочками. На ряде биметаллических кресал обнаружены отпечатки ткани.

Большинство калачевидных кресал 1-го отдела 1-й группы 1-го типа происходит с раскопа I Рождественского могильника, комплекс вещей из которого в целом датируется второй половиной X — первой половиной XI вв. Корреляционные таблицы, составленные на погребения с кресалами*, подтверждают эту датировку. Несколько кресал имеют абсолютную датировку: кресало из погребения № 37 (рис. 1/11) найдено в комплексе с вислой печатью Владимира Святославовича (978-1015), из погребения № 90 (рис.1/13) - с дирхемом Мансур ибн Нуха (961-976 гг.), из погребения № 103 (рис.1/7) - с динарием Этельреда II (Англия, 978-1013 гг.), кресало из погребений № 120 обнаружено с тремя фрагментами плохо сохранившихся дирхемов X в. Кресало данного типа с Рождественского городища найдено в нижнем слое на гл. 0,75 м. Таким образом, калачевидные кресала 1-го типа можно отнести к периоду наивысшего расцвета Рождественского городища — второй половине X — XI вв.

Тем же временем датируется и овально-подпрямоугольное кресало 1-го отдела 4-й группы 3-го типа, происходящее из погр. № 98, которое относится к началу XI в.

Этой же хронологической группе соответствуют биметаллические кресала 2-го отдела 1-й группы, два из которых имеют абсолютную дату: кресало из погребения № 23 найдено с дирхемом Наср ибн Ахмада (934/935 г.), из погребения № 120 — с тремя дирхемами X в.

Ко второй хронологической группе конца XI-XIII вв. принадлежат калачевидные кресала 1-го отдела 1-й группы 2-го типа, пластинчатые кресала 1-го отдела 2, 3-й группы, двулезвийные кресала 1-го отдела 4-й группы 1, 2-го типа. Три кресала 1-й группы 2-го типа (рис. 1/16-19) обнаружены в поздней части могильника, где на пашне собрана значительная коллекция предметов, датирующихся XII-XIII вв. Одно кресало (рис. 1/18) происходит из подъемного материала с этой части могильника, а два (рис. 1/16-17) из раскопа V, заложенного там в 1997 г. Можно утверждать, что прямые концы рукоятей калачевидных кресал из Рождественского археологического комплекса характерны для более

позднего этапа его существования. Кресала с городища обнаружены в верхних слоях на глубине 0,2-0,5 м.

Таким образом, представления большинства исследователей, основанные на новгородских датировках, предложенных Б.А. Колчиным, по которым калачавидные кресал с язычком относятся к X-XI в., в последней четверти XI в. сменяются калачевидными кресалами без язычка, а с XII в. вытесняются овальными, далеко не всегда соответствуют действительности. Как видно по материалам Рождественского археологического комплекса, наличие или отсутствие язычка у калачевидных кресал здесь не является хронологическим признаком, а таковым выступает форма и особенности оформления концов рукоятей. Что касается овально-подпрямоугольных кресал, то, на мой взгляд, распространенная точка зрения об их древнерусских корнях вызывает сомнение, так как данные кресала гораздо раньше появляются в салтово-маяцкой культуре, а от нее, как и многие другие предметы материальной культуры, заимствуются угрофинским населением Пермского Предуралья.

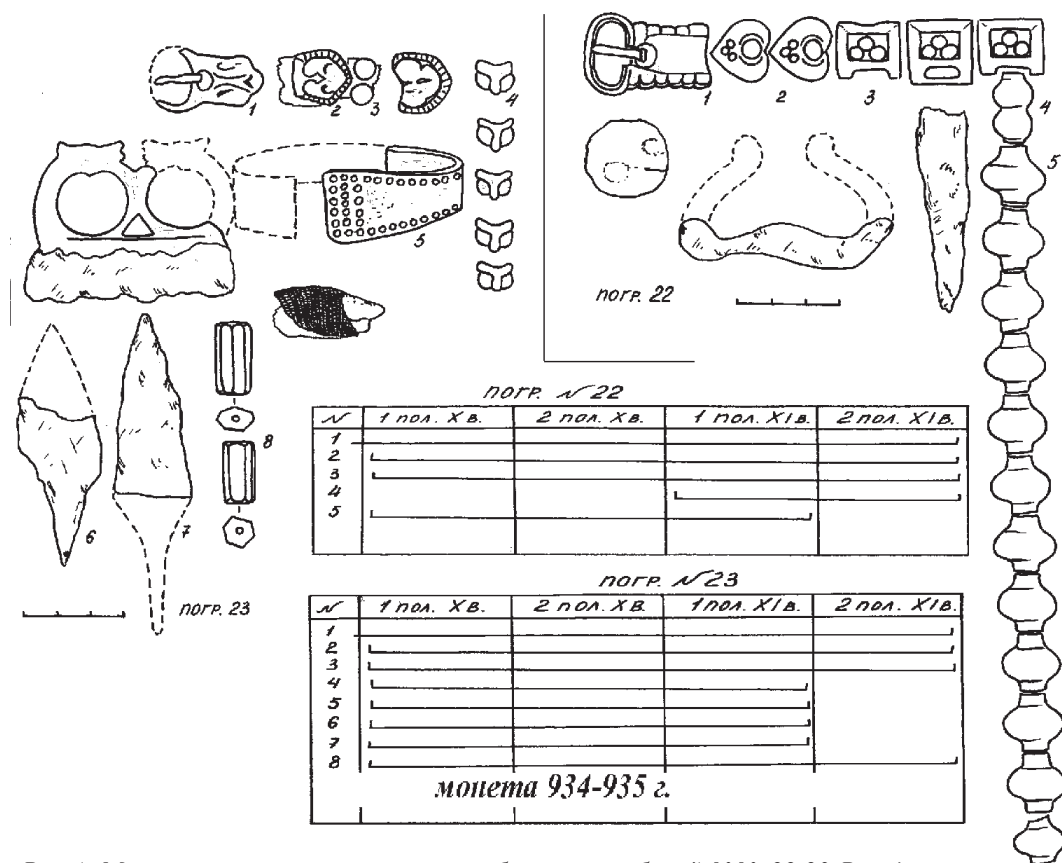

Рис.4. Материалы и корреляционные таблицы погребений №№ 22,23 Рождественского могильника

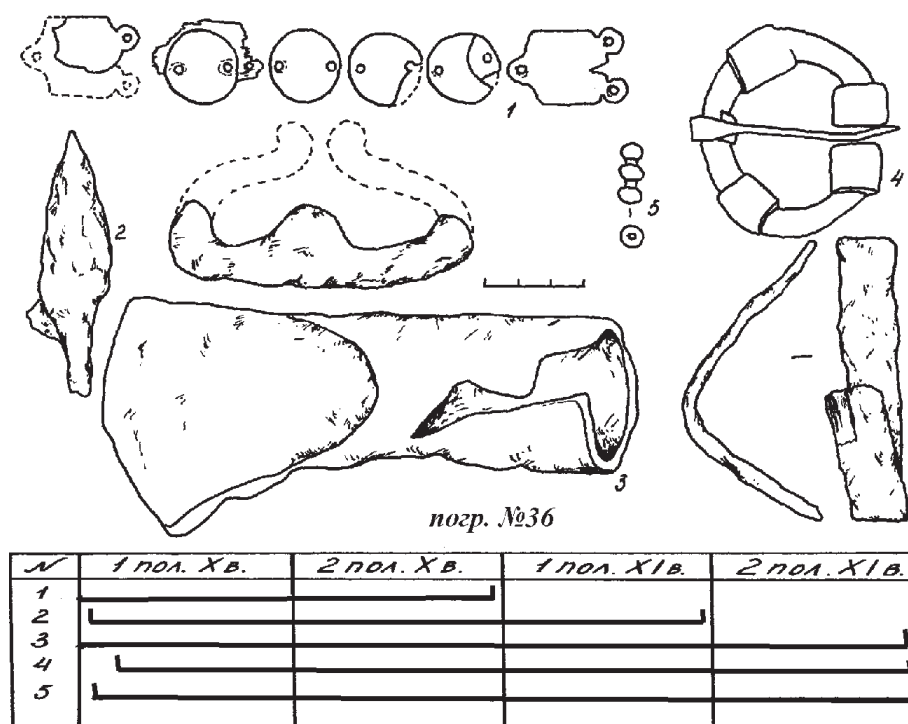

Рис.5. Материал и корреляционная таблица погребения №36 Рождественского могильника

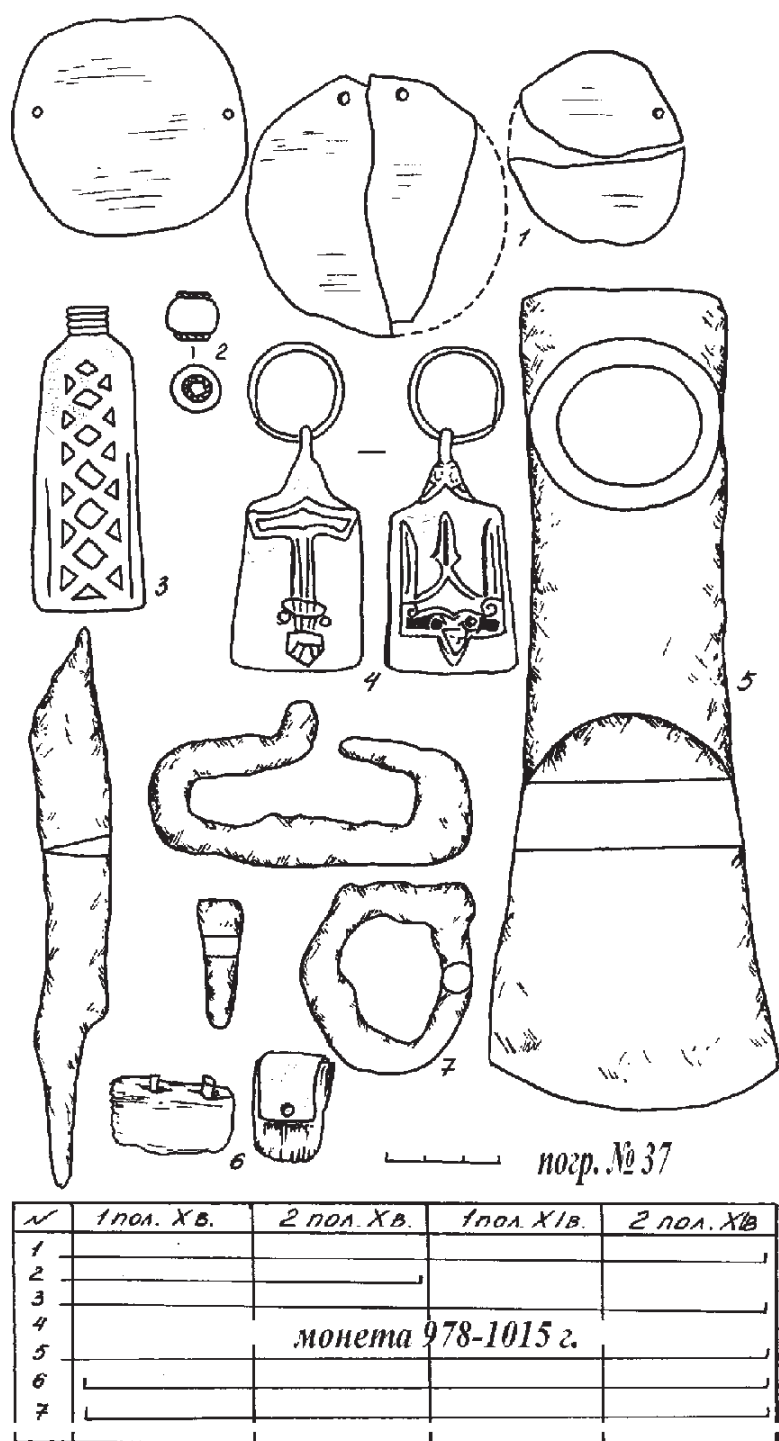
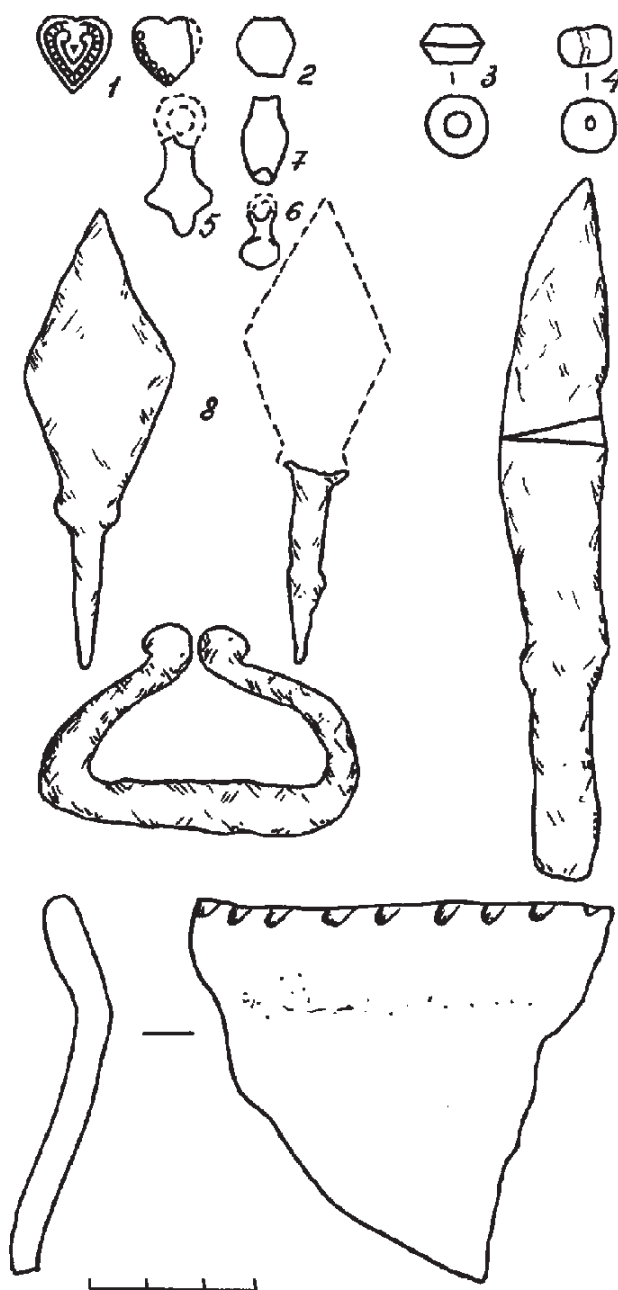

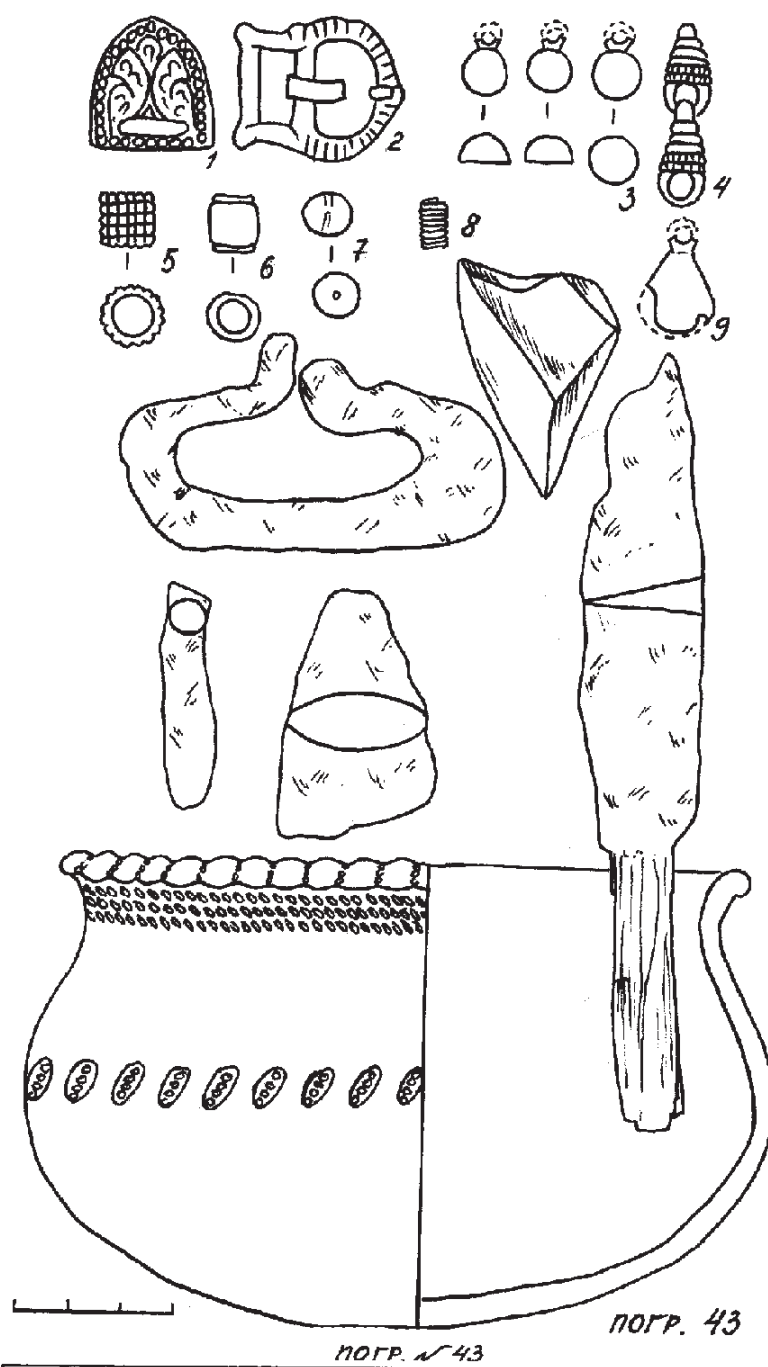
Рис.6. Материал и корреляционная таблица погребения
№37 Рождественского могильника

погр. № 38

№	1 пол. X в.	2 пол. X в.	1 пол. XI в.	2 пол. XI в.
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				

Рис.7. Материал и корреляционная таблица погребения №38 Рождественского могильника

№	1 пол. XV.	2 пол. XV.	1 пол. XVI.	2 пол. XVI.
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				

Рис.8. Материал и корреляционная таблица погребения №43
Рождественского могильника

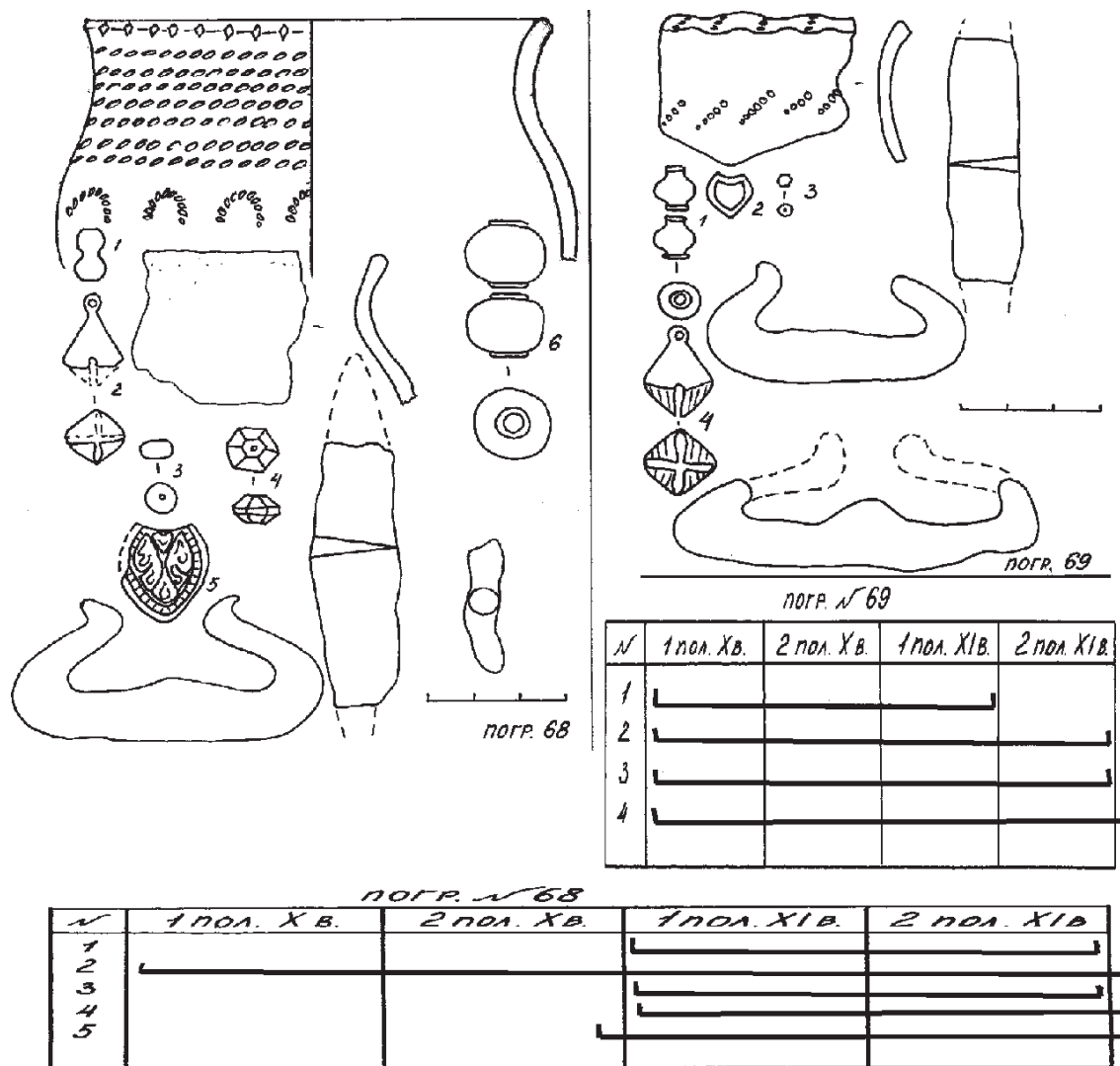

Рис.9. Материалы и корреляционные таблицы погребений №68,69
Рождественского могильника

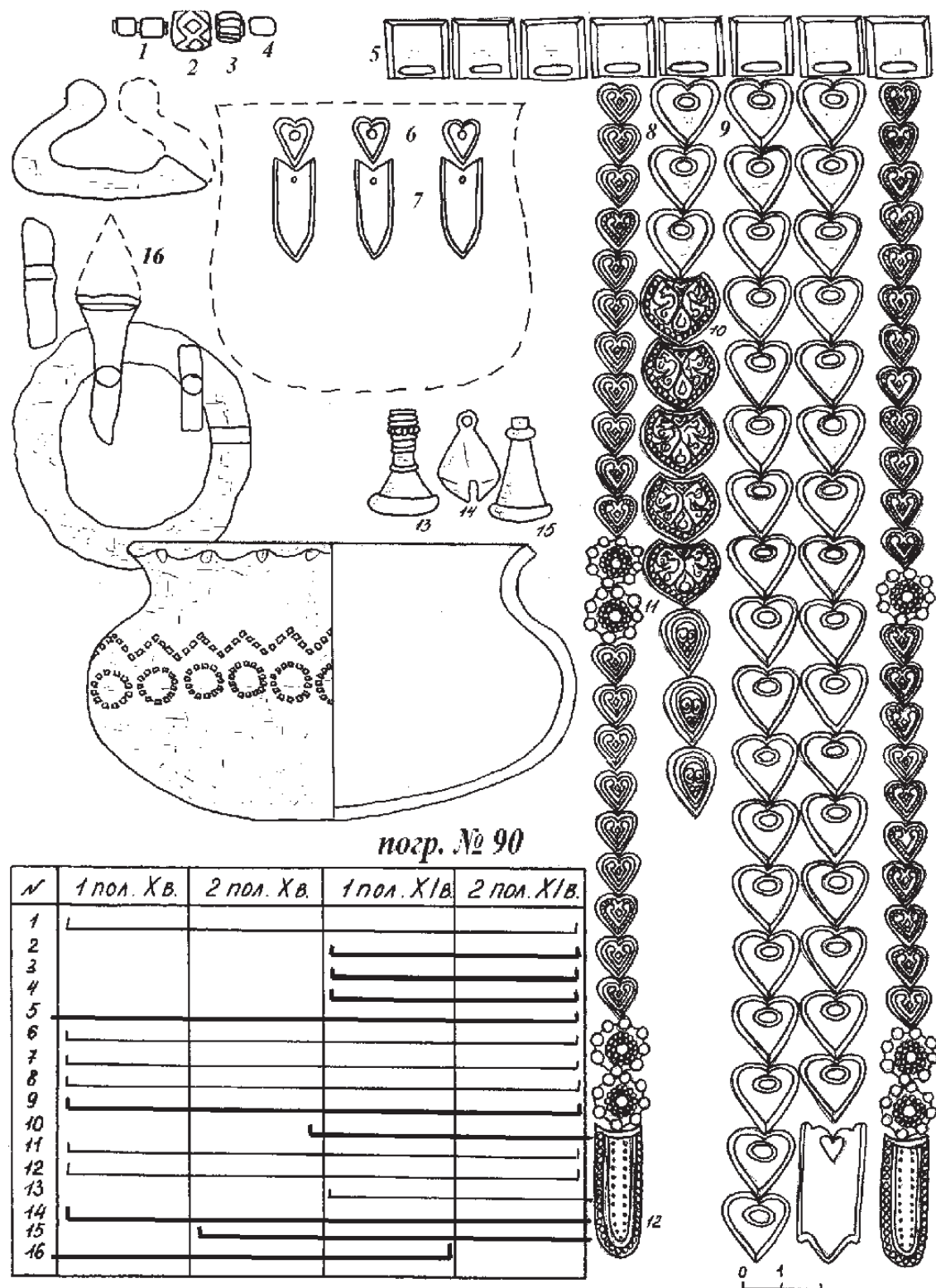

Рис.10. Материал и корреляционная таблица погребения №90
Рождественского могильника

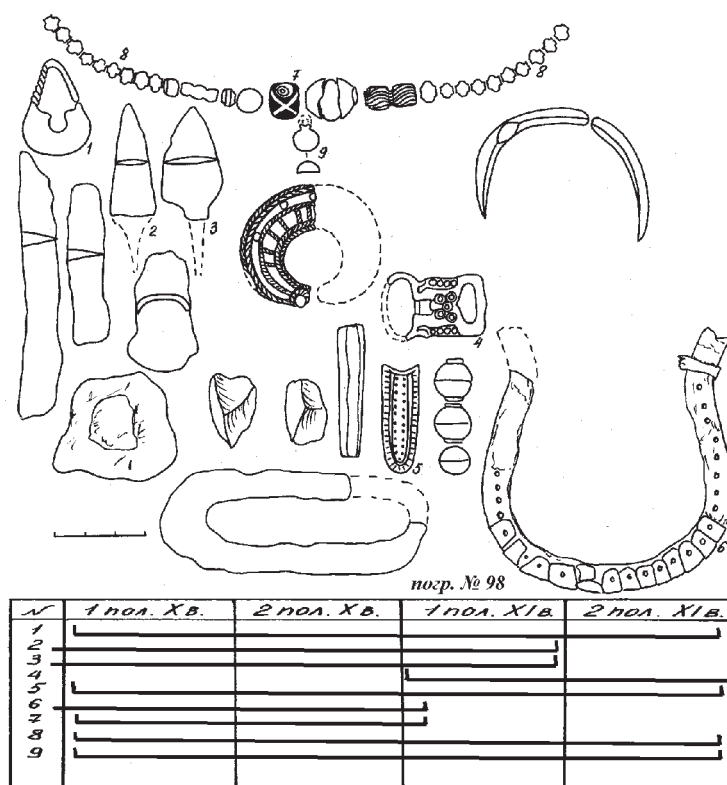

Рис.11. Материал и корреляционная таблица погребения №98 Рождественского могильника

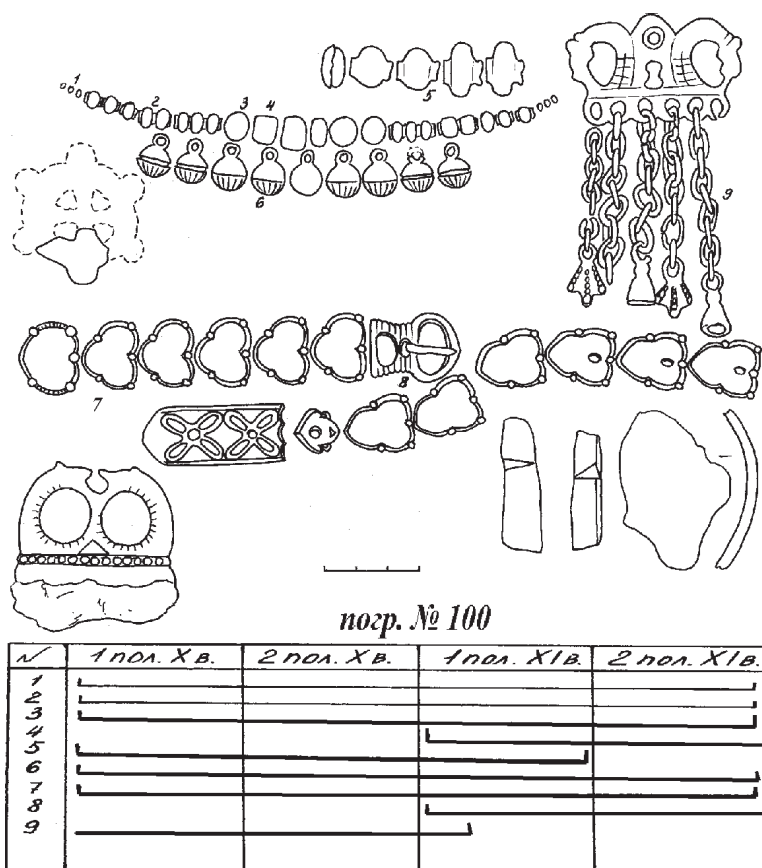

Рис.12. Материал и корреляционная таблица погребения №100 Рождественского могильника

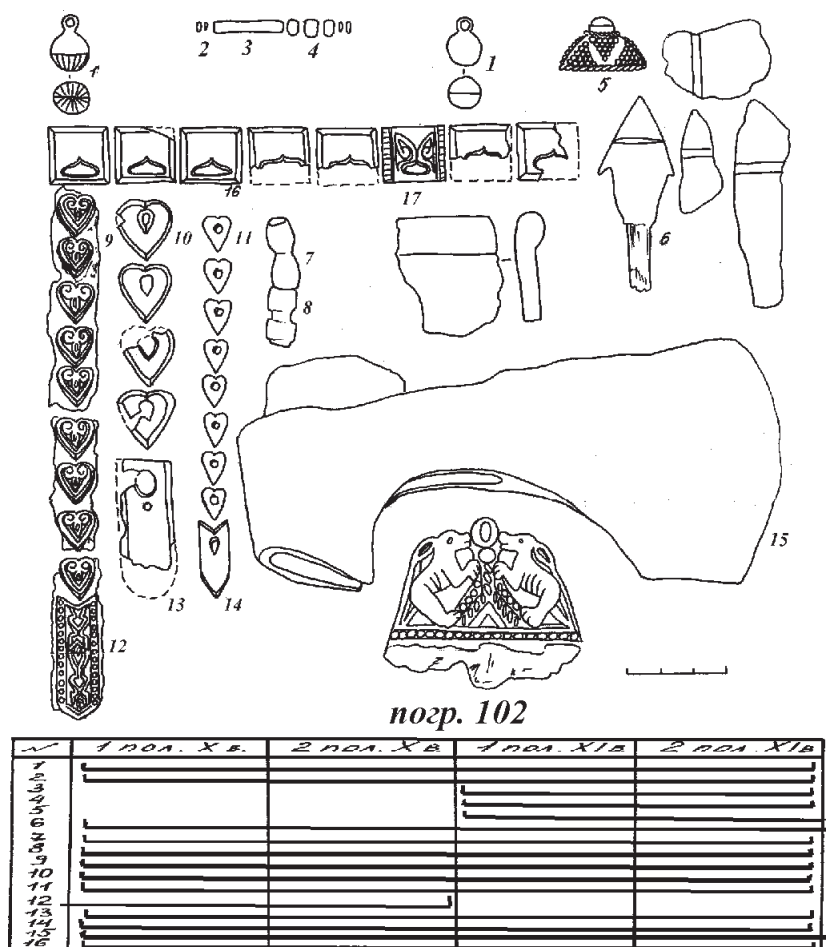

Рис.13. Материал и корреляционная таблица погребения №102 Рождественского могильника

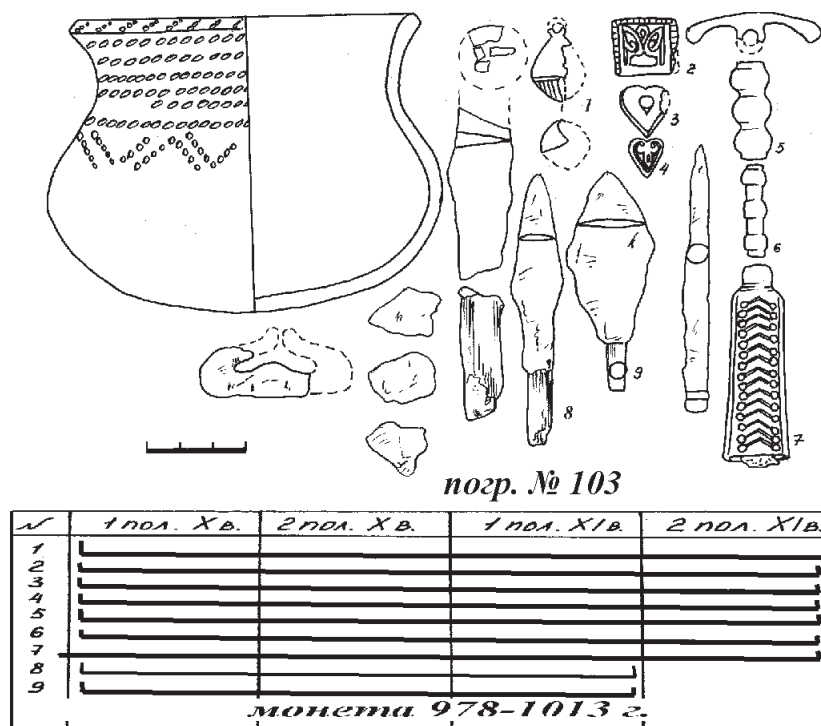
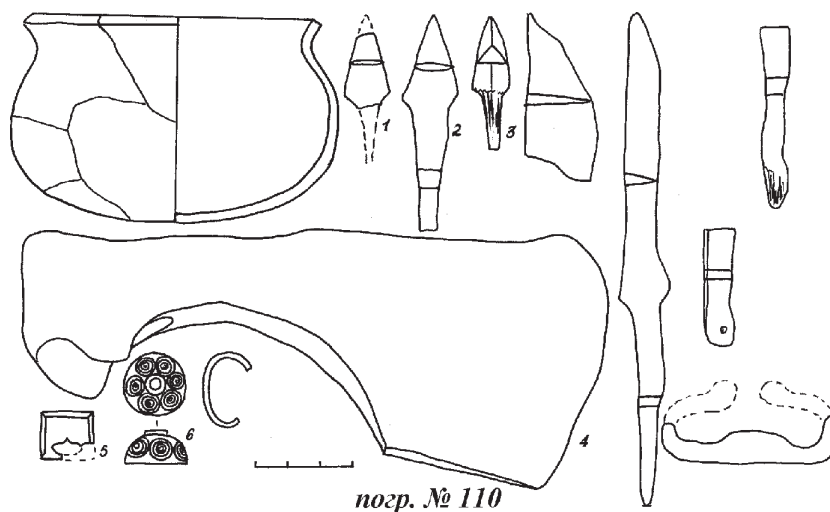

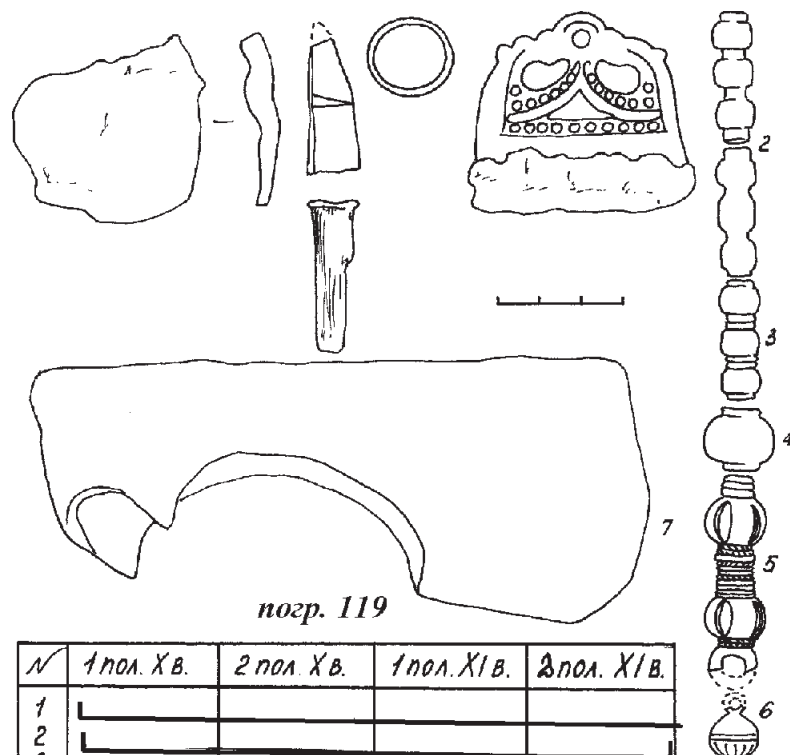
Рис.14. Материал и корреляционная таблица погребения №103 Рождественского могильника

погр. № 110

№	1 пол. XV	2 пол. XV	1 пол. XVI	2 пол. XVI
1				
2				
3				
4				
5				
6				

Рис.15. Материал и корреляционная таблица погребения №110 Рождественского могильника

погр. 119

№	1 пол. XV	2 пол. XV	1 пол. XVI	2 пол. XVI
1				
2				
3				
4				
5				
6				

Рис.16. Материал и корреляционная таблица погребения №119 Рождественского могильника

погр. № 120

№	1 пол. X в.	2 пол. X в.	1 пол. XI в.	2 пол. XI в.
1				
2				
3				
4				
5				
6				
7				
8				
9				
10				

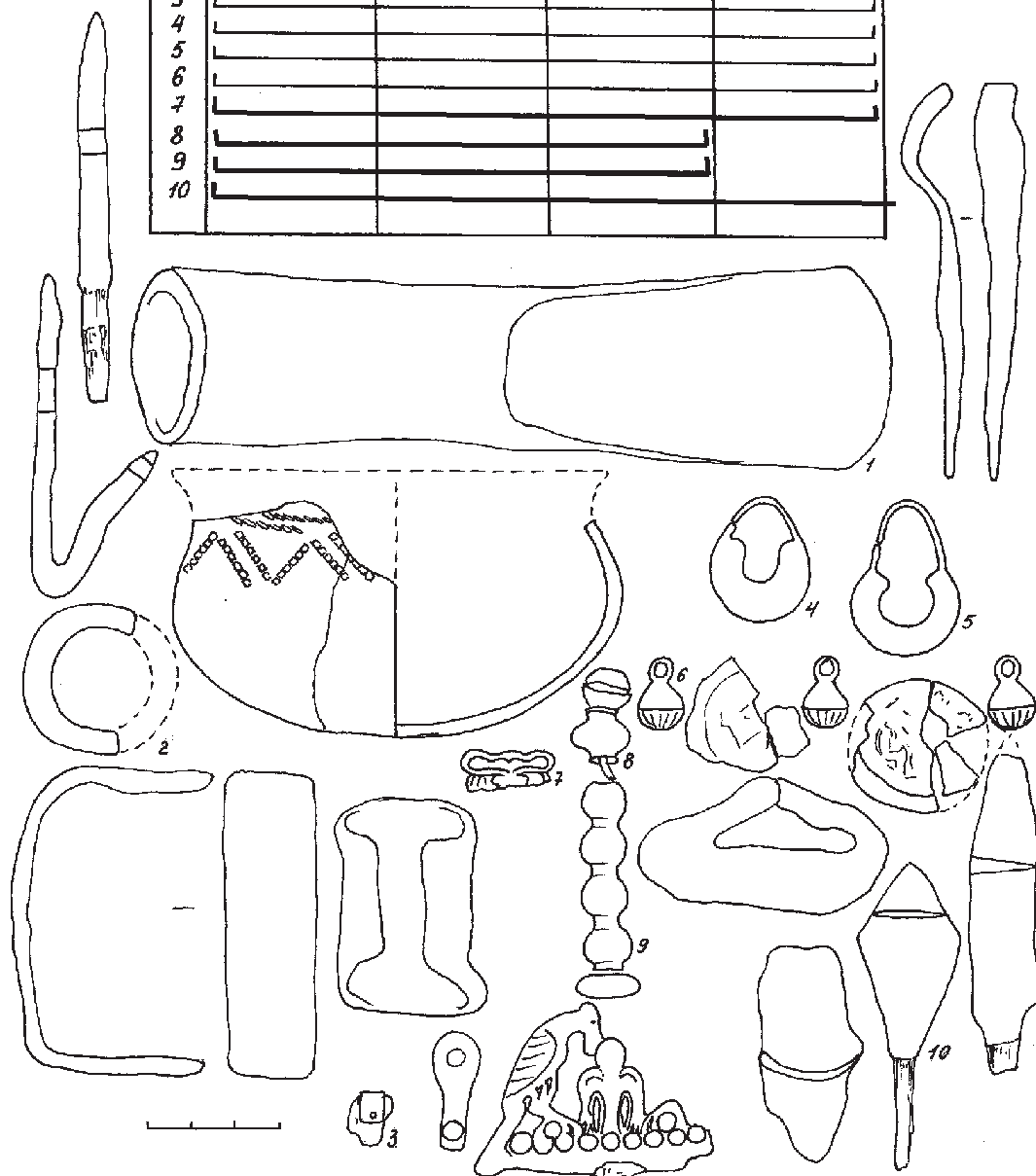

Рис.17. Материал и корреляционная таблица погребения №120 Рождественского могильника

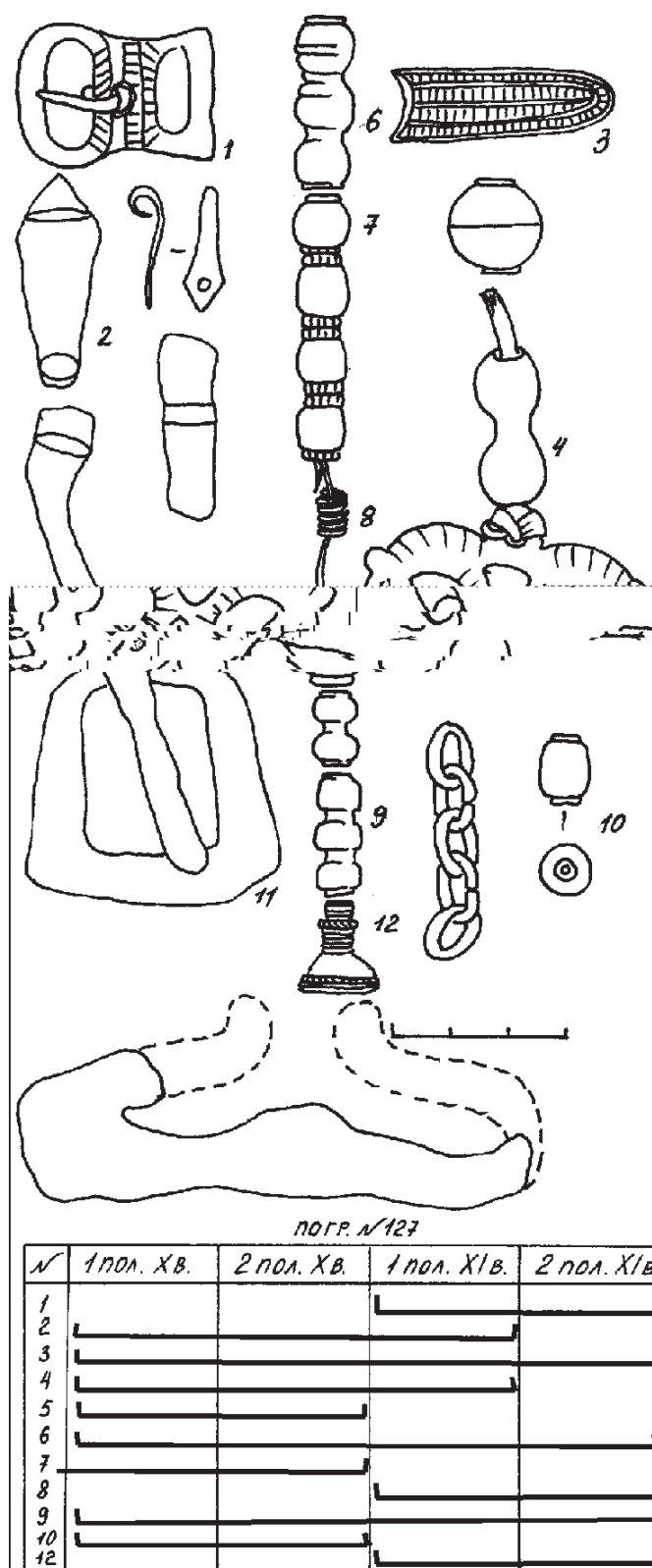

Рис.18. Материал и корреляционная таблица погребения №127 Рождественского могильника

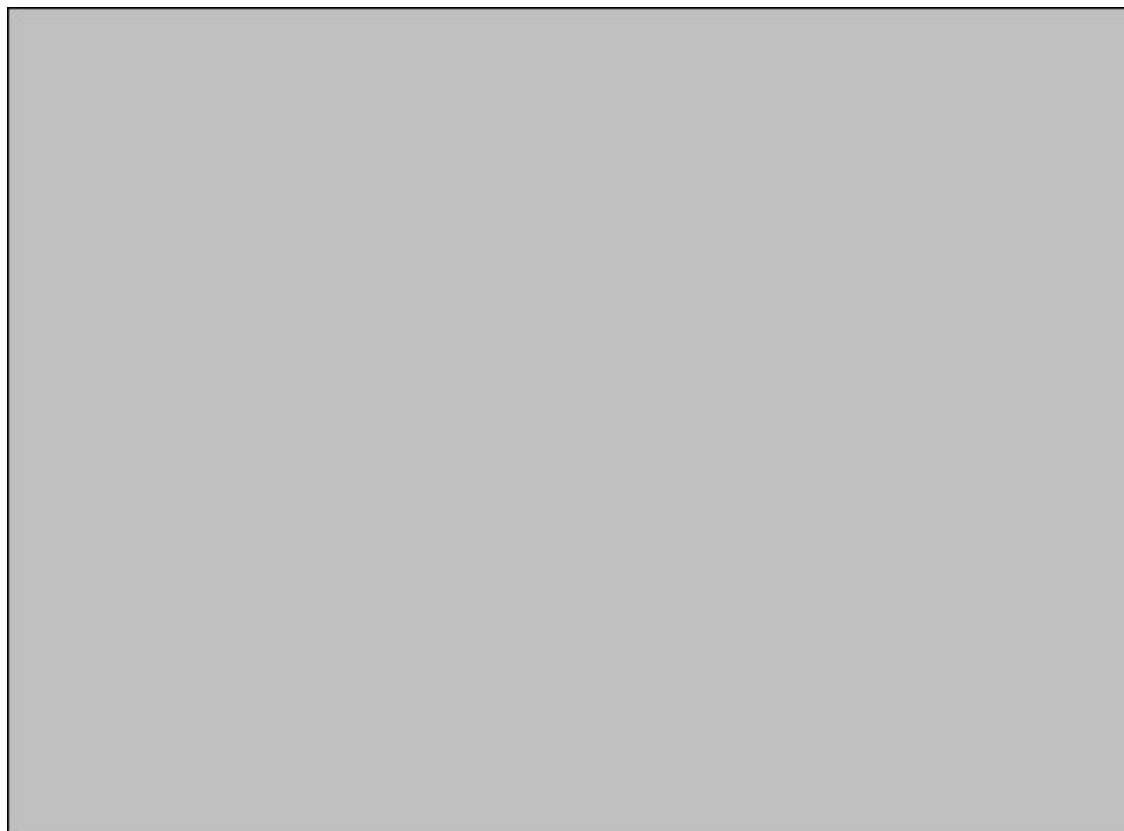

Табл. 1. Соотношение погребального инвентаря в погребениях с кресалами

** Для составления корреляционных таблиц использованы аналогии из следующих публикаций:*

Казаков Е.П., 1991, 2001; Город Болгар, 1996; Кочкуркина С.И., 1973; Хузин Ф.Ш., 1995; Оборин В.А., 1976; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989; Семенов В.А., 1980, 1988; Голубева, 1973; Кирпичников, 1966; Макаров Л.Д., 2001 и др.

С.И. Абдулова
БУСЫ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА

Рождественский комплекс (могильник и два городища) находится на правом берегу реки Обва в Карагайском районе Пермской области. Коллекция бус данного памятника, собранная раскопками А.М.Белавина и Н.Б.Крыласовой, весьма интересна и достойна специального рассмотрения, однако до сих пор она еще нигде специально не публиковалась.

В связи с этим, большая часть настоящей статьи будет посвящена именно описанию бус. Вторая часть статьи будет посвящена определению происхождения различных видов бус, на этой основе мы попытаемся определить возможные торговые связи населения, оставившего данный комплекс.

В состав коллекции входят 1834 экз. стеклянных, каменных и глиняных бус. Наибольшее количество бус происходит из погребений Рождественского могильника (85,3 %). В различном количестве (от 1 до 457 экз.) бусы встречены в 57 погребениях. Часть бус происходит из междумогильного пространства (11,5 %) и незначительная часть коллекции происходит из раскопок городища (3,2 %).

Описание бус
Материал

В составе бус, обнаруженных на комплексе, преобладают бусы, изготовленные из стекла, они составляют 73,88 % всего количества бус. Достаточно большую часть коллекции составляют бусы, изготовленные из стекла и металлической фольги, такие бусы составляют 16,03 % всей коллекции. На долю каменных бус приходится 9,59 % всех бус. Среди каменных бус преобладают сердоликовые (61,9 % каменных бус), в заметном количестве присутствуют хрустальные (34,7 %), в небольшом количестве присутствуют и бусы из янтаря (3,4 %). В представленной коллекции наличествуют и бусы, изготовленные из глины и глины с глазурью, они составляют 0,5 % всех бус

Технология изготовления
стеклянных бус

Большая часть стеклянных бус произведена техникой членения тянутой стеклянной основы - трубочки с применением дополнительных операций - прежде всего сжимание щипцами, реже - по делению пером тела бусы на округлые равные доли. Бусы из тянутой основы в данной коллекции составляют около 77 % стеклянных бус. Около 21 % бус изготовлены на индивидуальной основе с помощью навивки стеклянной массы на стержень. Из них 2,5 % - это бусы, окончательная форма которым была придана вырезанием. Также небольшая часть бус - около 2 % - изготовлена смешанным образом: основа - тянутая трубочка, которой окончательная форма придана индивидуально-вырезанием. Также в эту группу входит небольшая часть глазчатых бус,

© Абдулова С.И., 2003

*Работа выполнена при поддержке
Гранта РГНФ № 02-01-00521 а/Т*

изготовленных на массовой индивидуальной основе, но орнаментированных индивидуально.

Цвет, орнамент

Среди стеклянных бус абсолютно преобладают неорнаментированные, монохромные бусы (91,5 % бус). Если говорить об одноцветных бусах, то можно отметить, что некоторые цвета явно преобладают в данной коллекции, а именно: желтый (39,69 % одноцветных бус), зеленый (25,88 %), синий (11,63 %). Встречены также бусы белого (7,66 %), черного (6,38 %), голубого (3,54 %), коричневого (3,7 %), фиолетового (0,8 %) и красного (0,72 %) цветов.

Орнаментированные стеклянные бусы составляют 8,5 % всех бус. При этом преобладают следующие виды орнаментов: продольно - полосатый (33,93 % орнаментированных бус), который встречен в основном на лимоновидных бусах, и орнамент из глазков, выполненных в виде 2 - 3 концентрированных разноцветных кругов (20 % орнаментированных бус), который, как правило, представлен в сглаженном виде на зонных бусах. В небольшом количестве встречены также бусы с мозаичным орнаментом и мозаично - глазчатые бусы.

Среди стеклянных бус с металлической фольгой представлены различные категории, выделенные по цвету внешнего слоя. В основном преобладают бусы с бесцветным внешним слоем (82,66 % бус с фольгой). Представлен также коричневый цвет внешнего слоя (15,64 %), синий (1,02 %) и желтый (0,68 %). Преобладающей формой у таких бус является лимоновидная (80,36 % бус с фольгой).

Форма

При анализе форм бус, представленных в коллекции, становится ясно, что преобладающей является лимоновидная, представленная в одночастном и многочастном вариантах. Такие бусы составляют 29,79 % стеклянных одноцветных бус, 32,18 % стеклянных орнаментированных бус и 80,36 % бус с металлической фольгой. Следующей по частоте является зонная форма, она обнаружена в 15,79 % одноцветных стеклянных бус, в 44,88 % стеклянных орнаментированных бус и в 19,06 % бус с металлической фольгой. Зонная форма представлена и в каменных бусах - 70,78 % каменных бус имеют эту форму.

Наиболее характерные типы бус

Самым многочисленным видом бус на памятнике является зонный бисер - он составляет 14 % бус. Однако встречен он только на могильнике и имеет там очень низкую частоту встречаемости (обнаружен всего в 3 погребениях), при этом большая его часть вообще сосредоточена в одном погребении.

Следующим по численности видом бус являются лимоновидные одночастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем (9,1 % всех бус). На могильнике они при этом имеют и высокую частоту встречаемости (обнаружены в 22,8 % погребений).

В материалах присутствует также большое количество желтых лимоновидных одночастных бус (8,61 % всех бус). Этот вид также имеет большую частоту встречаемости (36,84 %).

Следующим по численности видом является желтый бисер (6,7

% всех бус). Однако этот вид, также как и зеленый бисер, имеет низкую частоту встречаемости - он обнаружен в 3 погребениях (два из них - те же, в которых обнаружен зеленый бисер).

Также весьма заметным видом бус являются желтые лимоновидные многочастные бусы (6,1 % всех бус). Этот вид имеет и высокую частоту встречаемости на могильнике (33,33 %).

Заканчивая описание ведущих видов бус данного комплекса, хотелось бы отметить те виды бус, процентное содержание которых хотя и невелико, но зато высока частота их встречаемости на могильнике. Среди них следующие виды: желтые зонные одночастные бусы, зеленые зонные одночастные бусы, синие лимоновидные многочастные бусы, черные зонные одночастные бусы, зонные многочастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем, сердоликовые шарообразные.

Таким образом, для данного памятника наиболее характерными можно считать следующие виды бус: лимоновидные одночастные бусы с металлической фольгой и бесцветным внешним слоем, желтые лимоновидные одночастные и многочастные бусы.

Хотелось бы также отметить некоторое различие в коллекциях, собранных на могильнике и городище. Приводим эти отличия (выше давались сведения в целом по комплексу, однако в связи с тем, что львиная доля коллекции собрана на могильнике, получается, что вышеприведенные данные отражают в основном ситуацию на могильнике).

Во-первых, в материалах горо-

дища значительно выше процент содержания каменных бус (25 % против 9,6 % на могильнике). При этом значительно больше янтарных бус (33,3 % от количества каменных бус против 3,4 % на могильнике). Бусы из глины на могильнике составляют всего 0,5 %, а в материалах городища - 8,5 %.

Если сравнивать технологии производства стеклянных бус, преобладающие на памятниках, то можно сделать вывод о том, что в коллекциях бус городища преобладают бусы, изготовленные индивидуально, техникой навивки стеклянной массы на стрежень, они составляют 87,2 % стеклянных бус. В материалах могильника преобладают бусы, изготовленные массово.

Значительно больший процент составляют здесь и орнаментированные бусы (35,9 % против 8,5 %). Следует отметить, что самые распространенные типы бус материалов могильника здесь практически незаметны. Бусы с металлической фольгой (16,03 % на могильнике) здесь вообще не встречены. Лимоновидная форма бус (22,5 % бус могильника) здесь представлена в 1,6 % бус.

Все эти различия могут объясняться различными факторами. Но прежде всего необходимо отметить, что коллекции несколько различаются в хронологическом плане (хотя и незначительно).

Описание ожерелий

В материалах могильника обнаружены скопления бус, которые можно интерпретировать как ожерелья, в связи с тем, что они располагались рядами, в порядке их ношения. Особое внимание привле-

кает погребение № 58, в котором обнаружены ожерелье и деталь наконечника из двух низок бус.

Ожерелье (погребение № 58)

Ожерелье состоит из 8 сердцевидных призматических бус достаточно больших размеров, мозаичной цилиндрической бусы, продольно-полосатой бипирамидальной бусы, двух зеленых и синей бусы зонной формы. Перечисленные бусы лежали в порядке их ношения в составе ожерелья. Кроме того к ожерелью относятся 11 одночастных и 6 многочастных желтых бус формы, близкой к зонной. Таким образом, ожерелье состоит из 24 стеклянных и 8 каменных бусин.

По всей видимости, данное ожерелье является весьма дорогим, так как помимо массовых типов (желтых зонных) оно содержит и редкие экземпляры. Призматические бусы изготовлены из индийского полосчатого сердечника, который был достаточно редким и дорогим материалом в Верхнем Прикамье в средние века. Цилиндрическая мозаичная буса, состоящая из множества многоцветных стерженьков, встречена в материалах комплекса в единственной экземпляре, при этом в материалах Верхнего Прикамья данного времени близких аналогий не встречено. То же самое можно сказать и о бипирамидальной полосатой бусине достаточно большого размера.

В составе ожерелья безусловно первое место занимают сердцевидные бусы. Они идут подряд, отделяемые друг от друга одной стеклянной бусиной, по объему они составляют около половины ожерелья. Если рассматривать бусы не просто как украшение, а как часть обе-

реговой системы, то эти бусы, несомненно, занимают здесь особое место.

Бусы, находящиеся в составе данного ожерелья, могли совместно существовать в конце X - начале XI веков.

Деталь наконечника (погребение № 58)

В данном же погребении обнаружены две низки бус, которые интерпретированы Крыласовой Н. Б. как часть наконечника. Бусы также лежали в порядке их ношения, в каналах отверстий некоторых из них были обнаружены остатки волосяной нити. В состав этого украшения входили 112 экз. бус. Большую часть из них составляют лимонovidные бусы с металлической фольгой с бесцветным внешним слоем (82 экз.) и коричневым внешним слоем (14 экз.) Кроме того здесь обнаружены синие лимонovidные одночастные (5 экз.) и многочастная (1 экз.) бусы, двухчастная лимонovidная продольно-полосатая буса, черные лимонovidные одночастные (8 экз.) и хрустальная зонная бусы. Кроме стеклянных и каменных бус в состав наконечника также входили бронзовые бусы, пронизки и серебряные колечки.

Бусы, входящие в данный наконечник, совместно могли сосуществовать в конце X - начале XI веков. Как видно, эта дата совпадает с датировкой ожерелья.

Следует отметить, что помимо прочего материала в данном погребении обнаружено 3 серебряных дирхема, которые, по определению И.Г.Добровольского, датированы 908/909, 909/910, 919/920 годами [Крыласова, Бочаров, Бочарова 1997, с.124]. Соблюдая традицион-

ную корректировку даты, погребение № 58 можно датировать последней четвертью X века. Очевидно, что и ожерелья могут быть датированы также. Следовательно, дата попадания ожерелий в погребение - конец X века.

Ожерелье (погребение № 94)

Ожерелье состоит из 47 экз. бус. Большая часть бус - сердоликовые округло-зонные (20 экз.). Кроме того, в ожерелье входят желтые лимоновидные (7 экз.) и зонные (2 экз.) бусы, черные зонные (7 экз.), зеленые зонные одночастные (5 экз.), многочастные лимоновидные продольно - полосатой формы (2 экз.), цилиндрическая поперечно - полосатая и бусы с металлической фольгой (2 экз.) Кроме того, в ожерелье входили бронзовые шаровидные привески.

Данное ожерелье можно датировать X - XI веками.

Происхождение бус

Приступая к рассмотрению данного вопроса, необходимо отметить, что еще недавно все бусы, найденные в Прикамье, считались предметом импорта. Хотя Львовой З.А. высказывалось предположение, что в Верхнем Прикамье существовал собственный центр по производству стеклянных бус [Львова 1961], это мнение в научной среде не утвердилось. Раскопки рождественского городища 1997 года дали нам фрагмент стеклянной массы голубого цвета, который можно воспринимать как сырье для изготовления бус. Таким образом, появилось первое косвенное свидетельство возможного производства бус на рождественском городище. К сожалению, из-за прекращения дальней-

ших раскопок других данных не имеется.

При характеристике происхождения бус следует начать, очевидно, с наиболее массовых типов бус.

Одним из наиболее массовых видов бус являются бусы лимоновидной формы различных цветов (прежде всего желтого) одночастные и многочастные, изготовленные техникой членения тянутой трубочки. Бусы такого типа известны на протяжении всего I и в начале II тыс. на территории всей Восточной Европы. На территории верхнего Прикамья они встречаются в комплексах VIII - XI вв. [Голдина, Королева 1983, с.58]. По мнению Ю.Л. Шаповой, лимоновидные бусы, особенно желтого цвета, характеризуют производства Средиземноморья и ближнего Востока, скорее всего, районы Сирии и Египта [Шапова 1962, с.119]. Вслед за ней большинство исследователей относят их к предметам восточного экспорта. По наблюдению Львовой З.А., многочастные лимоновидные бусы, бисер и другие бусы серийного производства в X веке широко распространены в северных и центральных районах Восточной Европы, а на юге и юго-востоке Восточной Европы исчезают. Данные наблюдения в сочетании с изучением материалов раскопок в старой Ладоге приводят З.А.Львову к выводу о существовании собственного центра производства стеклянных бус на массовой основе в Старой Ладоге [Львова 1968, с.88].

Таким образом, для данного вида бус возможно производство в двух центрах - либо на территории севера Восточной Европы (Старая Ладога), либо на территории Ближ-

него Востока. Следует также заметить, что на территории Волжской Болгарии их также обнаружено достаточно много [Полубояринова 1988, с.154]. Кроме того, на территории Волжской Болгарии, на Семеновском 1 селище X - XI вв по мнению Казакова Е.П., также производились бусы этого вида [Казаков 1991, с.148].

В одном ряду с бусами, описанными выше, стоят и лимоновидные полосатые бусы (прежде всего желтые с коричневыми полосками).

Весьма многочисленными в представленной коллекции являются бусы с металлической фольгой. Они изготавливались на тянутой основе, обычно бесцветной и прозрачной, и поверх фольги покрывались тонким прозрачным или полупрозрачным слоем стекла бесцветного, иногда желто - коричневого, редко - желтого или синего цветов. Большая часть таких бус имеет лимоновидную одночастную или многочастную форму и средние размеры (0,5 - 0,7 см высотой). Фехнер М.В. показывает, что такие бусы на территории восточной Европы встречаются очень широко с X до начала XII вв. При этом территория распространения этих бус совпадает с территорией распространения дирхема, что косвенно может свидетельствовать о восточном происхождении бус [Фехнер 1959]. В средние века, по мнению того же исследователя, основные центры по производству этих бус находились на территории Ближнего Востока. В качестве другого источника этих бус можно назвать Византию, где техника их производства была на достаточно высоком уровне, особенно в Константинополе [Фехнер 1959,

с.158]. Экспорт этих бус шел, по - видимому, через Волжскую Болгарию [Валлиуллина 1999, с. 145 - 147], хотя в самой Болгарии таких бус обнаружено немного [Полубояринова 1988, с. 157].

Следует отметить, что и на Руси с XI века появляются золото - стеклянные мастерские, но отличить бусы русского производства достаточно легко уже по внешнему виду: это бусы цилиндрической, бочонкообразной и биконической формы. В нашей коллекции присутствует лишь одна бусина несомненно русского производства - бочонкообразная с двумя прямоугольными точками фольги, не смыкающимися между собой.

Очень многочисленным в материалах комплекса является бисер, изготовленный из тянутой трубочки. При этом представлен и «рубленный» бисер (часто косо отсеченные куски стеклянной трубочки, не обкатанные), и бисер со сглаженными краями. Несколько экземпляров бисера (голубого и черного цветов) изготовлены путем навивки. В комплексах верхнего Прикамья бисер встречается с V по XI века. [Голдина, Королева 1983, с.59]. С рубежа нашей эры рубленный бисер известен очень широко. Весьма многочислен он в старой Ладоге, особенно в слоях X века [Львова З.А., 1968, с.87], в Новгороде X - первой половины XI веков [Щапова 1956, с.172]. Львова З.А. указывает, что на памятниках X - XI веков районов юга и юго-востока Европы бисер не встречается [Львова 1968, с.87]. Таким образом, вероятно, «рубленный» бисер мог происходить из северных районов Восточной Европы.

Достаточно многочисленны в представленной коллекции и бусы более простой формы - зонные. При этом в коллекции имеются зонные бусы, как изготовленные из тянутой трубочки, так и изготовленные техникой навивки. При этом можно отметить весьма характерную особенность - в раскопанной части городища преобладают стеклянные бусы, сделанные техникой навивки стеклянной массы, а на могильнике - техникой членения тянутой трубочки. Зонные бусы индивидуального производства являются скорее всего бусами либо византийского, либо русского производства, так как именно такая традиция характерна для этих производств [Щапова 1972, 1962]. Следует отметить, что и цветовая гамма этих бус (зеленые, черные, голубые) совпадает с излюбленными цветами этих производств. Желтые зонные бусы из стекла плохого качества тоже следует отнести в эту группу. Датировать эти бусы, по всей видимости, стоит XI веком.

Описывая возможное происхождение бус, не следует ограничиваться массовым материалом. Рассмотрим те виды бус, которые встречены в небольшом количестве, но могут быть весьма показательны в плане их происхождения.

В коллекции присутствует некоторое количество так называемых «ягодовидных» бус с тонкими стенками зеленого и синего цветов, которые С.И. Валиуллина относит к бусам византийского производства и четко датирует XI веком. К византийским относится и буса параллелепipedной формы с орнаментом в виде белых ромбов, датируется она также XI веком.

Глазчатые бусы данной коллекции, хотя их количество относительно невелико, весьма разнообразны. Большая часть из них (например: красные и желтые с мозаичными глазками зонной формы, зонные коричневые с желтыми глазками, синие зонные с глазками из белосиних кругов, черные с белыми 8-образными полосками и мозаичными глазками) имеют аналогии на памятниках Волжской Болгарии - Измерском селище, 1 Семеновском селище, которые являлись производственными центрами. Некоторые глазчатые бусы имеют аналогии на Северном Кавказе [Деопик 1963].

Важным для рассмотрения является вопрос о происхождении каменных бус. Месторождения многих цветных минералов, имеющиеся на Урале, в средние века, по видимому, не разрабатывались. Поэтому, скорее всего, все изделия из камня были либо привозными, либо изготавливались на месте из привозного сырья. По выражению М.Д. Полубояриновой, сокровищницей всего континента в течении нескольких тысячелетий являлись страны Передней и Юго-Восточной Азии - Иран, Афганистан, Индия [Полубояринова 1991, с.106]. Достаточно долгое время в научной литературе осуществлялась попытка доказать русское происхождение сердоликовых бус. Однако Полубояринова М.Д., основываясь на анализе форм, ареале распространения и времени распространения сердоликовых бус в Восточной Европе, убедительно доказывает, что практически все они шли из Средней Азии или через нее [Полубояринова 1991, с.106 – 107].

В изучаемой коллекции пред-

ставлены и сердоликовые бусы с белым узором, нанесенным на камень с помощью раствора поташа. По мнению некоторых исследователей [Голдина, Королева 1983], такие бусы происходят из Ирана, так как рисунки напоминают знаки, вырезанные на сасанидских геммах. По утверждению Полубояриновой М.Д., такие бусы изготавливались в Индии еще с эпохи энеолита и до XIX века. В разное время ремесленники создавали разные типы орнаментации, различия имеют и локальный характер - разные провинции поставляли по-разному орнаментированные бусы. Мы, к сожалению, не можем установить точный источник наших бус, так как полных аналогий представленному типу орнамента не обнаружили. Определение места производства данных бус имеет принципиальное значение, так как сердоликовые бусы иранского производства проникали через Кавказ, а бусы индийского производства через Волжскую Болгарию.

Автор статьи склоняется к той точке зрения, что, по крайней мере, большая часть сердоликовых бус коллекции Рождественского комплекса имеет индийское происхождение (на это указывает и внешний вид сердолика - характерный полосчатый).

Основная масс хрустальных бус тоже, скорее всего, являются предметом восточного экспорта, хотя часть их могла поступать и из Южной Руси [Фехнер 1961].

Янтарные бусы поступали, вероятно, из Новгорода через посредничество Волжской Болгарии [Ва-

лиуллина 1999, с.143]. Кроме того, вполне вероятно, что часть бус производилась из привозного янтаря непосредственно в мастерских Волжской Болгарии [Валиуллина 1999, с.143 – 144].

Таким образом, материалы коллекции позволяют сделать вывод о том, что большая часть бус Рождественского комплекса происходит с территории Ближнего Востока (Сирия, Палестина, Египет), Передней и Юго-восточной Азии (Иран, Индия). Часть бус могла происходить с территории севера Восточной Европы (Старая Ладога, Новгород). Некоторая часть бус была явно произведена в Византии. При этом приток бус из Руси и Византии увеличивается в начале XI века, до этого преобладают ближневосточные бусы. В любом случае, скорее всего, все эти бусы (кроме северорусских) поступали на территорию Верхнего Прикамья через посредничество Волжской Болгарии. Часть же их была произведена непосредственно в ее мастерских.

На основании анализа происхождения стеклянных и каменных бус можно сделать вывод о том, что в торговых связях населения, оставившего Рождественский комплекс, большую роль играла Волжская Болгария. Анализ коллекции позволяет также подтвердить датировку памятников. Большая часть раскопанных погребений по бусинному материалу может быть датирована X - XI веками. Бусы из раскопок городища датируются, в основной массе, XI - XII веками.

Форма	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	Итого
														
Цвет														
Желтый	123	158	58	112	23	0	1	1	0	0	1	0	0	477
Зеленый	257	3	31	0	10	0	1	3	0	1	1	0	1	308
Синий	11	37	21	30	6	0	2	0	9	4	0	2	0	122
Черный	15	18	21	1	1	17	2	3	1	0	0	0	0	79
Белый	70	3	15	2	0	0	0	1	0	0	0	0	0	91
Голубой	28	1	3	1	2	0	1	0	0	0	0	0	0	36
Красный	9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	9
Фиолетовый	0	2	3	0	1	0	1	0	0	2	0	0	0	9
Коричневый	41	2	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	46
Итого	554	224	153	146	43	17	9	8	11	7	3	2	1	1178

Табл. 1. Материал:стекло Орнамент:неорнаментированные Форма:криволинейные

Форма	14	15	16	17	18	Итого
						
цвет						
Желтый	3	5	0	0	0	13
Зеленый	0	4	6	0	1	11
Синий	10	2	1	3	0	16
Белый	2	3	0	0	0	5
Голубой	0	3	0	0	0	3
Итого	20	17	7	3	1	48

Табл.2. Материал:стекло Орнамент:неорнаментированные Форма:ребристые

Форма	19 	20 	21 	22 	23 	24 	Итого
Цвет							
Желтый	1	0	0	0	0	0	1
Зеленый	0	0	1	0	0	1	2
Синий	2	2	0	0	1	0	5
Белый	0	2	0	0	0	0	2
Фиолетовый	0	0	0	1	0	0	1
Итого	3	4	1	1	1	1	11

Табл.3. Материал:стекло Орнамент:неорнаментированные Форма:геометрические плоскогранные

Форма	03	02	04	11	12	13	20	25	26	27	Итого
Цвет											
Продольно-полосатый	6	25	7	0	1	0	0	0	0	0	39
Поперечно-полосатый	9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	9
Диагонально-полосатый	1	3	0	2	0	0	0	0	0	0	6
С простыми глазками	5	1	0	0	0	0	1	0	2	0	9
С глазками – концентрическими кругами	18	0	0	0	0	0	0	2	3	0	23
С мозаичными глазками	4	0	0	1	0	0	0	0	1	0	6
Белоромбический	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Глазчатого полосатый	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	7
Мозаичный	4	1	0	1	0	0	0	2	0	0	8
Фестивальнообразный	0	0	0	6	0	1	0	0	0	0	7
Итого	47	30	7	10	1	1	2	4	6	7	115

Табл.4. Материал:стекло Орнамент:неорнаментированные

Форма	03	05	05a	02	04	11	Итого
Цвет внешнего слоя							
Бесцветный	10	37	1	167	27	1	243
Желтый	1	0	0	1	0	0	2
Желто-коричневый	2	6	0	38	0	0	46
Синий	0	0	0	0	3	0	3
Итого	13	43	1	206	30	1	294

Табл.5. Материал: стекло и металлическая фольга

Форма	03	11	28	05	06	15	Итого
Особенности материала							
Глина	1	0	0	1	1	0	3
Глина с поливой	1	1	1	0	0	3	6
Итого	2	1	1	1	1	3	9

Табл.6. Материал:глина

Форма	01a	01	19	24	13	15	25	29	11	16a	30	31	32	33	Итого
Материал															
Хрусталь	33	3	6	0	2	10	1	1	0	3	1	1	1	0	62
Сердолик	79	1	7	16	1	1	0	1	1	0	0	0	0	1	108
Сердолик с белым рисунком	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
Янтарь	1	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
Итого	115	9	13	16	3	11	1	2	1	3	1	1	1	1	178

табл.7. Материал: камень

ВСЕГО БУС В ОБРАБОТКЕ 1833 экземпляра

Приложение к таблицам**УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ФОРМ.**

01 - бисер; 02 - лимоновидные одночастные; 03 - одночастные зонные; 04 - лимоновидные многочастные; 05 - зонные многочастные; 06 - цилиндрические с биусеченноконическими фасками; 07 - биусеченноконические; 08 - бочонкообразные; 09 - кольцевидные; 10 - в виде трубочек; 11 - цилиндрические; 12 - биконические; 13 - бочонкообразные с валиками; 14 - лимоновидные ребристые; 15 - зонные ребристые; 16 - ягодовидные; 17 - зонные многочастные ребристые; 18 - цилиндрические ребристые; 19 - кубические со срезанными углами; 20 - параллелепипедные, близкие к кубическим; 21 - подпрямоугольно-эллипсоидные уплощенные; 22 - в виде вытянутого параллелепипеда (трубочка); 23 - бипирамидальные; 24 - призматические; 25 - бочонковидные фасетированные; 26 - зонно-бугристые; 27 - зонно-бугристые глазчатые; 28 - цилиндрически-бугристые; 29 - биусеченнопирамидальные; 30 - сложная форма; 31 - сложная форма; 32 - сложная форма; 33 - подвеска каплевидная.

**С.Л. Осторовский
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ЮГО-
ВОСТОЧНОГО
ЛОКАЛЬНОГО
ВАРИАНТА
ЛОМОВАТОВО-
РОДАНОВСКОЙ
ОБЩНОСТИ. ИСТОРИЯ
И ПРОБЛЕМЫ
КОМПЛЕКСНОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Изучение археологических памятников, относящихся к ЮВ варианту ломоватово-родановской общности, началось в XIX в. и связано с описанием “древностей Камской чуди”, попавших в коллекцию Теплоуховых. В частности — Вереинский 2-й клад, найденный в 1872 г. под 2-м Вереинским городищем (содержал три серебряных блюда, монеты и подвески), Вереинский могильник, Калининское городище, Шипицинский могильник. Вещи с этих памятников опубликованы А.А. Спицыным в 1902 г. Хотя имеются и более ранние сведения: известно, что Сылвенское (Пеганкова гора) городище впервые осмотрено И.Г. Георги в 1775 г. Более подробное изучение памятников, оставленных средневековым населением региона, начинается в 1930-е и 1940-е годы М.В. Талицким и Н.А. Прокошевым. Н.А. Прокошевым осмотрены и описаны место находки

© Островский С.Л., 2003

*Работа выполнена при поддержке
Гранта РГНФ № 02-01-00521 а/Т*

Усть-Койвинского клада, пещеры Вашкур и Малый Вашкур, собраны вещи из Вашкурского погребения. М.В.Талицким проведены масштабные разведочные работы, осмотрена и обследована большая часть известных сегодня памятников эпохи средневековья. Впоследствии И.А.Талицкой составлена археологическая карта бассейна р. Камы, куда вошли и памятники бассейна р. Чусовой. Открытие в 1964 г. краеведом из г. Чусовой И. Звегинцевым селища Телячий Брод положило начало исследованию Усьвинской группы памятников. В 1964 – 1966 гг. памятники нижнего течения р. Усьва раскапывались КАЭ ПГУ под руководством В.А. Оборина (раскопки селища и могильника Телячий Брод, Саломатовского 1-го и 2-го городищ, Антыбарского могильника). Отметим разведочные работы конца 1960-х – начала 1970-х: В.Ю.Лещенко и В.П.Денисовым осмотрены известные (Малышатское городище, Усть-Койва селище, Пеньковское 1-е селище) и открыты новые (Пеньковское 2-е селище, Саранское 1-е селище, Конецгорское селище, Кривое 1, 2, 3-е селища) памятники Чусовской племенной группы ломоватово-родановской общности. Начатое в 1960-х гг. В.А.Обориным исследование Усьвинской территории продолжено в 1980-х и 1990-х гг. КАЭЭ ПГПУ под руководством А.М.Белавина (раскопки Саломатовского 1-го городища в 1986, селища и могильника Телячий Брод в 1986-1987, 1989 гг.). Большой материал получен благодаря раскопкам и разведкам Н.Б.Крыласовой (раскопки комплекса Телячий брод в 1999 г.), Г.Т.Ленц (раскопки мо-

гильника Антыбары в 1983, 1986, 1987 гг.), А.В.Голдобина, И.В.Бочарова и других. В 1979 и 1981 гг. А.Ф. Мельничуком изучалось Пеньковское 2-е селище. В 1986 г. А.В.Голдобинным обнаружено городище Телячий Брод, в 1987 г. разведкой А.А.Терёхина у посёлка Кусья-Александровский обнаружено крупное селище эпохи средневековья. В 1990-х гг. Ю.Б.Сериковым обследованы пещеры среднего течения р. Чусовой, в ряде которых зафиксированы культовые комплексы, часть которых функционировала в период средневековья: пещера Туристов в камне Бычки, пещера камня Дыроватый, пещера у камня Котёл.

Необходимо отметить, что за все годы исследований не прекращается дискуссия об этнической принадлежности средневекового населения как Пермского Предуралья в целом, так и рассматриваемого региона. Этот вопрос и по сегодняшний день остаётся открытым. На наш взгляд, наиболее интересной является следующая точка зрения – совместное проживание разноэтничных групп населения в форме смешанно-чересполосного расселения этносов (с преобладанием угорского) на одной территории вплоть до XII в., и смену этого населения финно-пермским (древние коми-пермяки) не ранее XII – XIV вв. (Б.Н.Вишневский, А.М.Белавин, И.В.Бочаров, Е.П.Казаков, Н.Б.Крыласова). Такую точку зрения подтверждают исследования погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья (статистический анализ), проведённые И.В.Бочаровым. Подобная картина существовала, вероятно, и на территории, занимаемой

ЮВ вариантом ломоватово-родановской общности.

На сегодняшний день в бассейне реки Чусовой, а именно с этим районом Пермской области связано существование ЮВ варианта ломоватовских-родановских культур, насчитывается более пятидесяти археологических памятников VII-XV вв. н.э. Собственно к ЮВ варианту смело можно отнести около трёх десятков памятников, сконцентрированных в среднем течении р. Чусовой и определяемых как “страна Вису” [Белавин, 2002]. Традиционно, внутри Чусовской группы памятников, выделяется три микрорайона: Усть-Чусовской, Вереинский и Усьвинский, из них наиболее крупный - Вереинский, а наиболее исследованный — Усьвинский. Эти микрорайоны являются родовыми гнёздами Чусовской племенной группы [Ленц, Белавин, 1988]. Вереинский микрорайон, учитывая такие факторы, как: большая плотность и количество памятников, центральное расположение по отношению к остальным микрорайонам, можно представить в качестве родового (или племенного) центра. Подтверждением такого предположения является Вереинский 2-й клад: наличие в нём предметов художественного серебра даёт возможность рассматривать клад как “сокровище шамана” [Островский, 2001], что, в свою очередь, подкрепляет точку зрения о центральной роли Вереинского микрорайона в Чусовской племенной группе. Однако, на наш взгляд, к Вереинской группе стоит отнести только памятники, расположенные в пределах села Вереино, в таком случае кажется целесообразным выделить из

Вереинского микрорайона несколько самостоятельных групп памятников. Выделение отдельных микрорайонов на рассматриваемой территории позволит в дальнейшем реконструировать систему социальных и хозяйственных отношений внутри Чусовской племенной группы ломоватовско-родановской общности и, возможно, уточнить картину этнических процессов в регионе в эпоху средневековья.

Выделяя самостоятельные микрорайоны, необходимо определить **критерии**, согласно которым мы группируем памятники.

Аналогии в вещевом материале: наличие однотипных украшений, посуды, орнаментов и т.п.

Хронологические аналогии: совокупность памятников согласно датировкам, функционирование комплексов на определенном хронологическом отрезке и возможные изменения в дальнейшем.

Аналогии в планиграфии памятников и комплексов: общие черты фортификационных сооружений (для городищ), сходство в расположении погребений (для могильников), совокупность разнотипных памятников и их взаиморасположение (для комплексов памятников), мощность культурного слоя (для выделения возможных центров микрорайонов), соотношение комплексов с торговыми путями.

Погребальный обряд: особенности погребального обряда как этнохарактеризующий признак.

Геополитическая ситуация: особенности расположения комплексов и отдельных памятников на местности, возможные причины подобного расположения.

Историческая ситуация: этни-

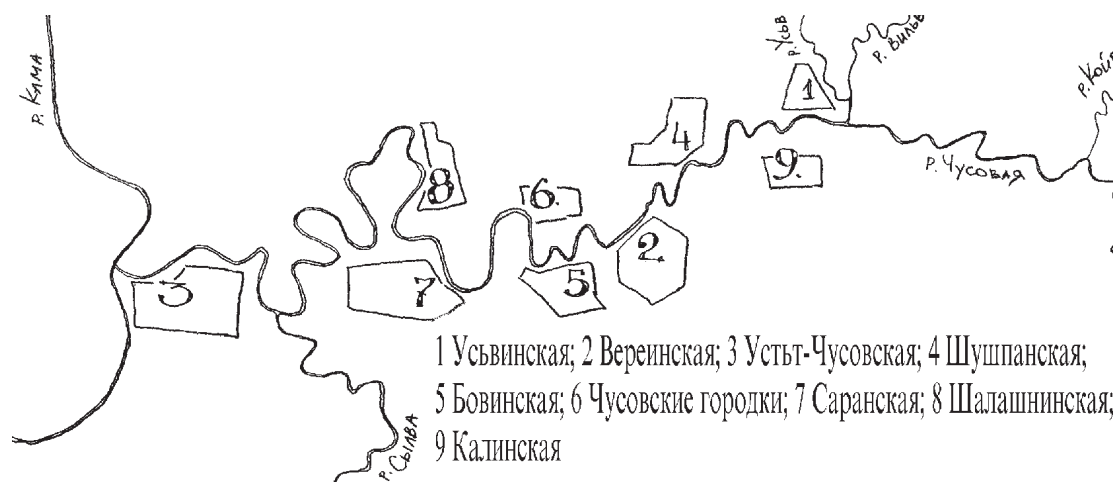

Схема микрорайонов ЮВ варианта ломоватово-родановской общности

ческие процессы в регионе в рассматриваемый период, торговые связи, военные конфликты, степень развития общества и т.п.

Этнографические параллели: анализ источников по этнографии финноугорских народов (фольклор, исследования и т.п.) для возможной впоследствии реконструкции комплексов и отдельных памятников.

При выделении подобных критериев возникает ряд вопросов и проблем:

А) — взаимосвязь площади (такую может занимать “родовое гнездо”), и силы, численности и влияния рода.

Б) — возможность существования закономерностей в соотношении типов памятников, или обусловленность соотношения типов особенностями расположения памятников и (или) геополитической и исторической ситуацией (этнические процессы, торговые связи, военные конфликты и т.п.).

В) — ввиду слабой изученности примерно половины памятников возникают проблемы с поиском аналогий среди вещевого материала, планиграфии памятников, анализа погребального обряда и фортификационных сооружений.

кационных сооружений.

Г) — в связи с тем, что определение хронологических рамок существования ряда памятников проводилось по случайным, часто единичным находкам, становится очевидной проблема точной датировки памятников.

Попытаемся сгруппировать памятники ЮВ варианта ломоватово-родановской общности (Чусовской племенной группы) по микрорайонам, опираясь на их взаиморасположение.

Усьвинский. Лисьенорское (Чусовское) городище, Телячий Брод селище и городище, Телячий Брод могильник, Саломатовское 1-е и 2-е городища, Антыбарский могильник. Также к данному микрорайону можно отнести такие памятники, как: Вашкурское погребение, Камень Гребешок пещера, Малый Вашкур пещера, Чусовские находки (Камень Балабинский), хотя, с другой стороны, эти памятники могут быть рассмотрены в качестве памятников Чусовского торгового пути, т.е. являться самостоятельными, не привязанными ни к какому микрорайону.

Вереинский. Вереинский мо-

гильник, Вереинское селище, Вереинский 2-й клад, Вереинское 2-е (Верхнее) городище, Вереинский 1й клад, Вереинское 1-е городище, Малышатское городище, Родниковское (Малышатское) селище.

Усть-Чусовской. Сылвенское (Пеганкова гора) городище, Ромахино 2-е поселение, Медведевское 2-е селище, Озеро Грязное 2-е селище.

Шушпанский. “За Увалом” городище, Кучино 1-е (Колокольня) городище, Кучино 2-е (“За Уралом”) городище, Красные Сёла селище, Шушпанское селище, Шушпанский могильник, Темновский (“Журавлик”) могильник, Вереинский “Могильцы” могильник. Вероятно, Копалинское городище и Борисовская находка.

Бовинский. Бовинское 2-е (“Маруша”) городище, Бовинское 1-е городище, Плесовское селище, Плесовское городище, Верхне-Шалышский могильник.

Чусовские городки. Поповское городище, Марковское городище, Ванейское селище, Заболотьевское городище, Чусовское городище, Чусовские находки.

Саранский. Саранское 1-е селище, Пеньковское 1-е и 2-е селища, Саранское 2-е селище, Заозерское селище, Конецгорское селище.

Шалашнинский. Шалашное городище, Кривое 1,2,3-е селища.

Калинский. Калининское городище, Шипицинский могильник.

Таким образом, намечается девять микрорайонов с различной плотностью памятников. Естественно, данная группировка памятников по микрорайонам весьма условна, так как карта археологических памятников бассейна р. Чусовой

также достаточно условна, а эксперименты подобного рода требуют более подробного картографирования и анализа памятников на местности, что планируется в ближайшее время. Наименование микрорайонов после более тщательного исследования может быть изменено.

Однако даже такое весьма условное объединение памятников Чусовской племенной группы в микрорайоны позволяет сделать следующие предположения: в период с VII по XIV века Чусовская племенная группа представляла собой предгосударственное формирование, близкое по типу обско-угорским “княжествам” середины II тыс. н. э. Вполне вероятно, что Чусовская территория была разделена между рядом мелких “княжеств” с количеством “городков” в каждом от трёх до восьми, с возможным доминированием отдельных “княжеств” или “городков”. Подобные аналогии отмечены у угорского населения Зауралья в несколько поздний период [Мартынова, 1993]. Следует учитывать, что в Прикамье вплоть до XV-XVI вв. можно говорить о существовании трех групп коренного населения: северной, южной и юго-восточной. Группы выделяются по арабским и русским письменным источникам. Причем все крупные городища, которые можно соотнести с ранними городами (протогородами), находятся в юго-восточной территории [Белавин, 2001]. При таком взгляде интересна попытка реконструкции комплекса памятников Усьвинского микрорайона, как наиболее изученного. Комплекс находится в нижнем течении р. Усьва, неподалеку от

места её впадения в р. Чусовую. На сегодняшний день комплекс составляют семь памятников.

Лисьи Норы городище фиксируется на высокой надпойменной террасе берега р. Усьва, высота над уровнем реки около сорока метров, угол обрыва примерно шестьдесят градусов. Городище практически полностью разрушено огородами.

Телячий Брод селище, городище располагаются на береговой террасе в пойме р. Усьва примерно в полутора километрах от Лисьенорского городища, в зоне прямой видимости. Интересно, что городище Телячий Брод, в отличие от остальных городищ микрорайона, расположено не на высоком мысу, а в пойме, вблизи селища. Исследователи (Голдобин А.В., Ленц Г.Т., Белавин А.М.) характеризуют городище Телячий Брод как “обманное” городище.

Телячий Брод могильник расположен близ селища и городища на двух высоких мысах.

Примечательно, что этот могильник — один из самых долгодействовавших в Прикамье: функционировал около семи столетий.

Антыбарский могильник находится примерно в трех километрах от памятников Телячьего Брода на высоком берегу р. Чусовой. Функционировать начинает позднее могильника Телячий Брод, но в дальнейшем могильники действуют параллельно. Могильник Антыбары отличается специфический погребальный обряд — трупоположение на помосте с разрушением верхней части костяка (Ленц Г.Т., Бочаров И.В.). Исследователями (Ленц Г.Т., Белавин А.М.) характеризуется как “могильник пришельцев”, и, очевидно,

но, принадлежит пришлому зауральскому (юдинскому?) населению, появившемуся в бассейне р. Чусовой в XII в. Ближайшие аналогии могильнику можно видеть в погребениях Ликинского и Пылаевского могильников в Свердловской области.

Соломатовские 1-е и 2-е городища расположены на высоких (тридцать-сорок метров) крутых (угол обрыва около шестидесяти градусов) мысах берега р. Усьва в полутора километрах выше по течению памятников Телячьего Брода. Друг от друга городища отделены глубоким логом. Оба имеют мощную систему фортификации: два вала на Соломатовском 2-м и три на Соломатовском 1-м. К сожалению, площадка Соломатовского 2-го городища разрушена современным кладбищем и практически потеряна для исследователей. Что касается Соломатовского 1-го городища, то оно отличается мощным культурным слоем (до шестидесяти сантиметров) и относится исследователями к разряду протогородов — крупных торгово-промышленных центров эпохи средневековья [Белавин, 2001]. В таком случае можно предположить, что Соломатовское 2-е городище играло (судя по менее мощному культурному слою — до двадцати сантиметров) роль городища-убежища, либо детинца. Возможно, что на одном из городищ находилась торговая фактория Волжской Булгарии, известная как Сибирь [Белавин, Островский, 2002].

Площадь, занимаемая памятниками комплекса около шести квадратных километров. Основная группа памятников расположена вдоль правого берега р. Усьва, при-

чем городища Лисьенорское и Соломатовские 1-е и 2-е занимают главенствующие высоты и находятся в прямой видимости друг друга. В центре полученного отрезка территории сконцентрированы памятники Телячьего Брода – селище, могильник и “обманное” городище-убежище. Несколько в стороне, на берегу р. Чусовой ниже устья р. Усьва, находится Антыбарский могильник, что вполне объяснимо характером и временем его появления. Расстояние между крайними памятниками не превышает трех километров, все за исключением Антыбарского могильника находятся в прямой видимости друг друга.

По мнению А.А.Терёхина практически каждое крупное городище даёт комплекс памятников (одно или несколько селищ, один или несколько могильников), существование таких комплексов говорит об определенном уровне социальной организации, военного дела [Терёхин А.А., 1991]. Об определенном уровне социальной организации населения юго-восточного ареала ломоватово-родановских культур на примере Усвинской группы памятников можно судить и по находкам в могильниках Телячий Брод и Антыбары нагрудных блях с “охотничьим” сюжетом, – или так называемых “сокольничих”. Две таких бляхи происходят из могильника Телячий Брод, одна – с Антыбарского могильника. Рассмотрение подобных блях как знака важной социальной (административной) функции их носителя, по мнению А.М.Белавина, позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне развития общества у приуральского населения эпохи средневековья.

Безусловно, что Приуралье, представлявшее в это время ближайшую периферию феодальных государств, не могло не испытывать их ускоренного воздействия на развитие всех сфер жизни [Белавин А.М., 2001a].

Что касается могильников Усвинского микрорайона, то оба известных на сегодняшний день могильника – Телячий Брод и Антыбары, согласно статистическому анализу погребального обряда [Бочаров И.В., 2000], относятся к группе могильников со следующим набором признаков:

- захоронения по обряду ингумации;
- могильные ямы подпрямоугольной формы, расположенные достаточно четкими рядами;
- костяки располагаются вытянуто на спине;
- преобладает ориентировка головой на север, а ногами к реке;
- встречаются очень богатые по количеству и разнообразию погребального инвентаря погребения, хотя количественно преобладают погребения с 1 – 2 наименованиями категорий погребального инвентаря;
- среди погребального инвентаря преобладают фрагменты керамики, бусы и ножи;
- погребальные лицевые покрытия;
- в засыпи погребений – следы культа огня, чаще всего угли.

Примечательно, что могильники с данным набором признаков в целом размещаются в юго-восточной части ломоватово-родановского ареала. По мнению И.В.Бочарова, можно говорить о преобладании в северо-западной части Верхнего Прикамья финнопермского компо-

нента и, соответственно, преобладающем в юго-восточной части региона угорском компоненте [Бочаров И.В., 2000]. Интересно также, что бусы, найденные в составе погребального инвентаря могильников Телячий Брод и Антыбары, существенно отличаются от бус, происходящих из могильников северо-западной части ломоватовско-родановского ареала, как по технике изготовления, так и по преобладающим типам формы и цветовой гамме (Абдулова С.И., 1997). Характеристика бус совпадает с той, которую различные авторы дают бусам русского производства. Подобный факт, а также наличие в материалах могильников Усьвинской группы памятников ювелирных изделий из свинцово-оловянистых сплавов, технологически и стилистически являющихся новгородскими изделиями и не распространенных в дальних торговых связях Новгорода, по мнению С.И.Абдуловой, указывает на возможное опосредование связей с Русью болгарскими торговцами,

либо на появление в Прикамье какой-либо группы населения, тесно связанной с Русью ещё до своего появления на Западном Урале [Абдулова С.И., 1997].

Таким образом, на основании теоретического обзора памятников Усьвинского микрорайона, можно предположить, что территория, замыкаемая городищем (в данном случае Соломатовскими и Лисьенорским) могла иметь площадь в девять-двенадцать квадратных километров, что, в принципе, может совпадать с территорией, контролируемой данным «княжеством». Вполне вероятно, что Усьвинская территория не была самостоятельной административно-политической единицей, она могла выступать в качестве форпоста Чусовской племенной группы на юго-востоке. Надеемся, что правильность данных предположений подтвердят (или опровергнут) дальнейшие исследования.

О.В. Игнатьева
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Е. И
Ф.А. ТЕПЛОУХОВЫХ В
ОТНОШЕНИИ
СОБИРАНИЯ И
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПЕРМСКОГО
ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

А.Е. и Ф.А. Теплоуховы являются известными собирателями и исследователями пермских древностей, мимо их наследия не прошел впоследствии ни один российский археолог, занимающийся изучением нашего края. Но, к сожалению, вклад семьи Теплоуховых в области краеведения и археологии освещен недостаточно, нет ни одной монографии, посвященной данной теме. Настоящая статья, в большей степени, посвящена деятельности А.Е. и Ф.А. Теплоуховых в области формирования коллекций пермского звериного стиля и их изучения, хотя затрагиваются и темы, связанные с биографией Теплоуховых и их широкой научной деятельностью. Такой подход позволяет увидеть масштаб личностей А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, несомненно, талантливых и неординарных исследователей, проследить формирование интереса к изучению родного края в целом и пермского звериного стиля в частности.

Следует отметить, что впервые культовое литье попадает в поле зрения науки в XVIII в. из этнографических описаний путешественников (П.Паллас, Вебер, А.П.

Мельгунов и др.). Но только в 40-е годы XIX в. начинает формироваться устойчивый интерес к пермскому звериному стилю и другим древностям нашего края, во многом, как результат деятельности графов Строгановых, которые разослали циркуляры с требованиями присылки к ним в Петербург всех “любопытных и изящных предметов”, случайно находимых при пахоте и земляных работах. Письмо с подобной просьбой и пожеланиями покупать предметы старины было направлено и к управляющему имением В.А. Волегову, который к этому времени уже начал формирование своей археологической коллекции и вел альбом рисунков местных находок. В 1841 г. П.И.Мельников дает описание предметов из коллекции В.А. Волегова. В 1859 г. С.Ешевский публикует некоторые предметы пермского звериного стиля из своей коллекции и пишет о необходимости сбора, описания и публикации древностей, находимых в Приуралье, так как большинство из них, по мнению автора, бесследно исчезают для науки. “Чтобы приобрести или, по крайней мере, видеть сколько-нибудь ценные вещи, необходимо быть на месте почти в самую минуту их открытия. Иначе они будут за бесценок проданы промышленникам и переплавлены” [Ешевский 1859, с. 134].

Именно в этот период, который можно охарактеризовать как этап появления первых коллекций пермского звериного стиля, начинается краеведческая деятельность А.Е.Теплоухова.

Александр Ефимович Теплоухов родился 21 августа 1811 года в селе Карагай Пермской губернии в се-

мье крепостного графов Строгановых Е.Н.Теплоухова. Ефим Николаевич Теплоухов получил начальное образование и работал приказчиком, а также лекарским учеником в имении Строгановых. А.Е.Теплоухов грамоте научился дома, поступил в сельскую школу Ильинского имения. В имении графини С.В.Строгановой все руководящие должности занимали ее крепостные, выделившиеся своими способностями во время обучения в созданных ею школах. Графиня Строганова следила за успехами и поведением каждого ученика, о чем свидетельствуют “третние ведомости”, которые доставлялись ей в Петербург. С 1824 г. графиня Строганова открыла в Петербурге “Школу сельскохозяйственных и горнозаводских наук с разными к сим двум предметам принадлежащим ремеслами”, куда зачислялись по результатам выпускных экзаменов в школах и проходили обучение наиболее способные ученики, среди лучших учеников был и А.Е.Теплоухов, блестяще сдавший выпускные экзамены в ильинской школе и поступивший в Петербургскую школу в возрасте 13 лет, в то время как остальные ученики — в 17-18 лет. Преподавание вели лучшие педагоги, а по некоторым предметам — профессора высших школ, особое внимание уделялось естественным наукам. Во время обучения А.Е. Теплоухов освоил в совершенстве немецкий язык, что отмечалось на выпускных экзаменах, которые сдавались публично. 1 апреля 1830 г. А.Е.Теплоухов окончил петербургскую школу с аттестатом высшего разряда, как перспективный работник был направлен в Германию, где продолжил

свое образование в Тарандской лесной академии с апреля 1834 по апрель 1838 гг. и блестяще окончил курс. В академии А.Е.Теплоухов обратил на себя внимание преподавателей и получил предложение остаться при академии, а возвратившись в Петербург и предъявив свой отличный диплом Строгановой, получил вольную.

С 1843 по 1847 гг. А.Е.Теплоухов преподавал лесные науки в той самой школе, которую закончил в 1830 году. В 1847 г. из Петербургской школы были выпущены последние двадцать пять учеников, школа была закрыта, а Теплоухов был назначен членом Главного управления имением Строгановых в селе Ильинском и главным лесничим большого лесного хозяйства. В 60-80-е годы А.Е.Теплоухов постепенно переключает свое внимание на краеведение, связано это было прежде всего с тем, что интерес графов Строгановых переключился на горнозаводскую промышленность, а лесоохранная деятельность стала не столь актуальной. С 1875г., после выхода на пенсию, А.Е.Теплоухов полностью посвящает себя археологическим исследованиям, через родственников жены он получает из Германии книги по археологии, а в 1863 г. посетил Западную Европу. В Берлине, Киле и Шлезвиге А.Е.Теплоухов побывал в археологических музеях, познакомился с известными специалистами, в еще большей степени проникся интересом к краеведческой работе, которая в тот период рассматривалась как часть естествознания, а не истории. Возвратившись в Пермскую губернию, А.Е.Теплоухов стал усиленно пополнять свою кол-

лекцию, которая находилась в селе Ильинском, тем более что в Западной Европе он собрал авторитетные указания, как вести археологические раскопки, как обрабатывать находки, чтобы они имели научную ценность. О своих находках исследователь сообщал за границу, отдельные из них передавал музеям Германии и Италии, кости животных отправлял для определения известному немецкому археологу Рутимеру. С 1867 г. А.Е.Теплоухов с увлечением занимается археологией, заводит археологический дневник, совершает свои первые поездки по городищам губернии. В свой дневник он заносит сведения о приобретенных им вещах, местах находок и т.п.

К 10 октября 1868 года относится письмо графа С.Г.Строганова к А.Е.Теплоухову:

“В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Средней Азии в первых веках после Рож. И.Х. На юге России раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где по близости Волги или Камы происходило разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на Север и населила север России и берега Балтийского моря! В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому, Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне в отыскании Археологических памятников означенной эпохи, и ра-

душно и щедро расплачивать моими средствами” [ГАПО, ф. 613, оп. 1, д. 192].

Вероятно, А.Е.Теплоухов откликнулся на данную просьбу Строганова, о чем свидетельствует отрывок из письма от 17 декабря 1868 года:

“Мне очень любопытны будут обещанные рисунки с хранящихся в вашем собрании вещей. Чудские древности так мало еще известны, особенно в мифологическом отношении, что всякое новое указание может иметь особое значение и становится предметом учения для любителя” [Там же].

О способе, которым пополнялась археологическая коллекция, говорит следующее замечание А.Е.Теплоухова: “Мои лета и денежные средства не позволяют мне предпринять разъезды и раскопки в больших размерах. Однако крестьяне часто приносят мне и продают старинные изделия, которые они собирают при обработке своих полей, и моя коллекция, таким образом, значительно увеличивается бронзовыми и другими древностями из чудских поселений” [Теплоухов 1880, с.4]. Предпринимал исследователь и поездки по интересующим его в археологическом отношении местам, пользуясь даже малейшей возможностью для розыскных работ, например: “В прошлом году во время посещения моих родственников в Кудымкаре я, с археологическою целью, осмотрел окрестности села и вблизи его на высоком берегу Кувы нашел место под пашнями с явными признаками городища, занимающее около полудесятины пространства... Не имея достаточно времени на соби-
-125-

вещей, я пригласил тогда детей местных жителей, учеников школы, и показал им, чего они должны искать в этой местности, обещая за каждую, даже мелкую вещицу от 1 до 10 копеек. С прилежанием муравья принялись они за рытье земли куштанам, палками и пальцами” [Там же, с. 41].

О собирательской деятельности А.Е.Теплоухова свидетельствует и А.В.Шмидт: “Заинтересовавшись археологией, А.Е.Теплоухов привлек к делу собирания древностей лесничих, народных учителей, передовых крестьян. Торговцы-прасолы везли ему любопытные “штучки” из самых далеких и глухих местностей. Теплоухов не жалел денег для покупки интересных предметов, много переплачивая продавцам...Находчик опрашивался по возможности подробнее; его показания записывались и хранились. Вследствие этого собрание Теплоухова представляет в высокой степени ценный научный материал, а не беспорядочную груду занятых вещиц, как, к сожалению, некоторые частные и даже музейные собрания” [Шмидт 1926, с.75].

А.Е.Теплоухов занимался не только собиранием археологической коллекции, но и ее изучением, в 1879 году он при посредстве Антропологического общества издает в Вене на немецком языке брошюру “Археологические сообщения из Восточной Европы”.

В 1880 году вышло из печати на русском языке две статьи А.Е.Теплоухова по археологии – “Известие о чудском селище близ с. Кудымкарского” и “О доисторических местах на Урале”, они были переведены с немецких изданий. О

широте интересов Теплоухова свидетельствует переписка с археологом Ф. Келлером, академиком Пандером, председателем Географического общества адмиралом Ф.П. Литке и др.

А.Е.Теплоухов состоял членом Германского общества антропологии, этнологии и первобытной истории (с 1878 г.), Антропологического общества в Вене и Финноугорского общества в Хельсинки. Умер А.Е.Теплоухов в 1885 г., оставив собранную им коллекцию своему сыну – Федору Александровичу Теплоухову.

Ф.А.Теплоухов родился в 1845 году. С детских лет увлекался сбором минералогических и археологических коллекций. В 1854 году он поступил в Пермскую гимназию, закончив которую, учился в Тарандтской лесной академии с 1863 по 1868 гг., затем прошел полный курс обучения в Петровской академии земледелия и лесоводства. В 1872 году поступил на службу в имение графов Строгановых, а с 1875 по 1905 гг. был главным лесничим. Он был членом Пермских губернского и уездного земских собраний, активно занимался общественной деятельностью. Ф.А.Теплоухов имел разнообразные научные интересы, связанные с ботаникой, зоологией, метеорологией, археологией.

После смерти отца он получил археологическую коллекцию и занялся ее изучением, но интерес к археологии проявился еще раньше. Начиная с 1867 года, Ф.А.Теплоухов ведет свой археологический дневник, в который заносит описания находимых и приобретенных вещей, условия их нахождения, в том числе это касалось и предме-

Пермский звериный стиль из коллекции Теплоуховых
(Из работы Ф.А. Теплоухова "Древности Пермской чуди в
виде баснословных людей и животных")

Таб. I.

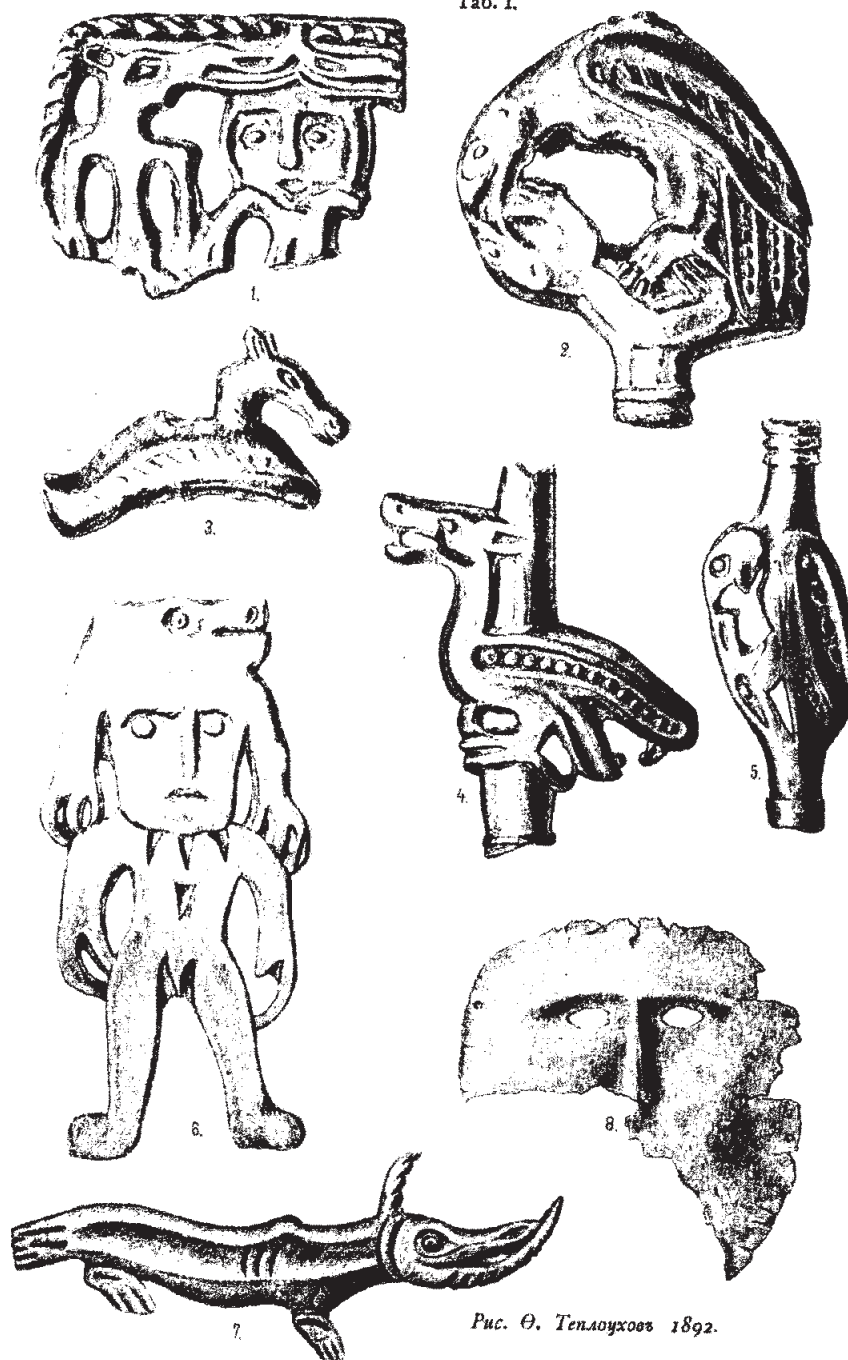

Рис. Ф. Теплоухов 1892.

тов культового литья. Как и ранее, одним из источников пополнения коллекции была покупка находимых местными жителями предметов старины, например, запись от 1883 г. гласит: "Идол в красивой рамке из

бронзы куплен 20 марта за 75 копеек, найден при копании грядок в огороде. Деревня Семина близ Ильинска" [РА ИИМК РАН, ф. 48, д. 1]. Археологический дневник Ф.А. Теплоухова может прояснить и не-

которые интересные детали в истории культовых предметов, к примеру, в нем есть запись об изготовлении копии в натуральную величину с вогульского идола, который был выставлен на выставке в Екатеринбурге в 1887 году, в настоящий момент данный предмет хранится в Пермском областном краеведческом музее как подлинник. В течение ряда лет собирался материал для археологической карты Пермской губернии, пополняется новыми предметами археологическая коллекция, в 90-е годы в ней уже 7 тысяч предметов. Ф.А.Теплоухов показывает отдельные предметы на археологических съездах в Ярославле (1887 г.) и Москве (1890 г.), на археологической выставке в Перми (1894 г.). Коллекция Теплоуховых стала достаточно известной. Во многом именно через интерес к имеющимся археологическим коллекциям сформировалась потребность в планомерном изучении нашего края, проведении здесь археологических раскопок, об этом свидетельствует переписка Ф.А.Теплоухова с Московским Археологическим Обществом, например, письмо, направленное накануне седьмого археологического съезда в Ярославле:

“В число вопросов, поставленных предварительным Комитетом 7-го Археологического Съезда, имеющего быть в августе нынешнего года в Ярославле, значится, между прочим, вопрос о чудской культуре, и преимущественно об этих характерных медных и бронзовых изделиях (кельтах, кинжалах, бляхах с изображениями и пр.), которые встречаются в Приуральском крае и распространялись, по-видимому, отсю-

да в Среднюю Россию. Московское Археологическое Общество поставило себе, между прочим, целью — содействовать разъяснению этого вопроса путем собирания новых материалов и желало бы произвести...археологические разведки и раскопки в некоторых местностях Пермской губернии” [ГАПО, ф. 613, оп.3, д. 360]. Письмо это от имени Московского Археологического Общества написано Дмитрием Николаевичем Анучиным, прославившимся впоследствии и как исследователь пермского звериного стиля, а в этом письме от себя лично он выражает желание приехать в село Ильинское и осмотреть коллекцию Ф.А.Теплоухова. О селе Ильинском как о своеобразном научном центре впоследствии писали П.Серебренников, В.Владимирский, С.Удинцев:

“Село Ильинское представляет собой редкий пример научного центра, созданного в глухой провинции усилиями двух лиц — вашего отца и вашими, многоуважаемый Федор Алексеевич. Без сомнения, нужны были широкая и основательная подготовка и выдающаяся любовь к науке, чтобы в течение двух поколений, в период поразительно быстрого прогресса научных знаний, удержать передовую позицию в науке и с неослабевающим интересом работать над вопросами местной археологии, флоры и фауны, применяя метод сравнительно-исторического изучения, подтверждая и проверяя новыми фактами общепринятую в науке эволюционную теорию” [ГАПО, ф. 613, оп. 2. д. 362].

В 1892 году Ф.А.Теплоухов, понимая всю важность публикации

Таб. II.

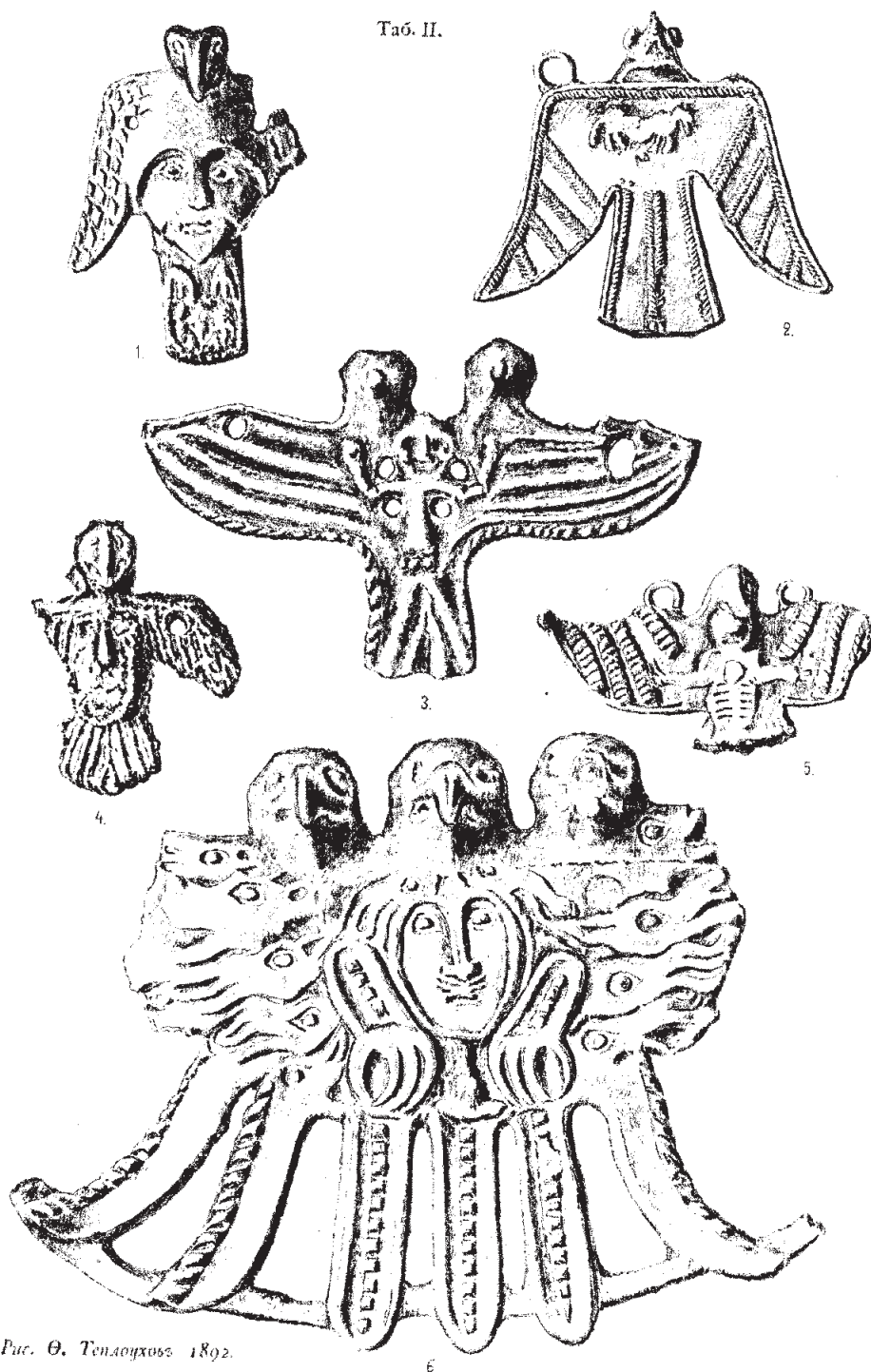

Рис. 6. Теплоухов. 1892.

имеющихся в его коллекции находок, приступил к подготовке для печати описания археологических материалов. В 1893 году с его коллекцией познакомился профессор Казанского университета Смирнов И.Н., поддержавший мысль об ее издании и описании. Большую по-

мощь в систематизации и описании оказал А.А. Спицын, который несколько раз приезжал в село Ильинское, а также поддерживал постоянную переписку с Ф.А. Теплоуховым, в одном из писем читаем: "Ваша коллекция — двери, ведущие к пониманию древностей огромно-

го района” [ГАПО, ф. 613, оп. 2, д. 807]. Впоследствии именно А.А. Спицын в 1902 году с разрешения и одобрения, а также при деятельной помощи Ф.А.Теплоухова публикует атлас рисунков “Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых”.

Интересовался Ф.А.Теплоухов и аналогичными предметами пермского звериного стиля из других частных коллекций, в частности, он установил, при каких условиях была приобретена часть коллекции П.И. Щукина, восстановив точное место находки — в бассейне реки Ухты при поиске нефти. Был знаком исследователь с коллекциями Береженцева, Й.Р.Аспелина, В.А.Волегова, М.Н.Зеликмана и др. Сведения об этих коллекциях также встречаются в археологическом дневнике Ф.А.Теплоухова, с М.Н.Зеликманом, например, он переписывался, обмениваясь информацией об имеющихся находках и их рисунках.

По мнению А.В.Шмидта, Ф.А.Теплоухову “принадлежит одна из первых попыток разобраться в смысле и значении загадочных металлических изображений баснословных животных, так часто встречающихся на западном склоне Урала” [Шмидт, 1926, с.76]. Особенно ярко это выражено в одной из самых известных работ Ф.А.Теплоухова - “Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных” (1893 г.). Вопреки точке зрения, которой придерживалось большинство авторов того времени, исследующих культовое литье, Ф.А.Теплоухов рассматривал его как “продукт местного производства”, а не привозных изделий. Уверенность в этом основывалась на изу-

чении самих предметов культового литья, автор заметил, что большинство из них повторяет определенные типы, что не может не быть связано с религиозными верованиями, лежащими в основе этого искусства. Относительно этнической принадлежности пермского звериного стиля Ф.А.Теплоухов выдвигает свою версию, считая, что “сходство многих предметов, находимых в более древних чудских поселениях, с древностями западной Сибири, а также присутствие в бронзовых предметах этого периода большого количества олова, которое впоследствии постепенно исчезает, дают основание предполагать, что Пермская Чудь пришла на Каму с востока — из-за Урала и, по всей вероятности, еще долго находилась в сношениях с своей прежнею родиной. Поэтому весьма возможно, что более древние типы баснословных животных возникли не на берегах Камы...” [Теплоухов, 1893, с. 2]. Территория находок культового литья, по мнению автора, совпадает с пределами древней Перми, “в пределах нынешней Пермской губернии, территория эта занимает северную ее часть, от р. Колвы и нижнего течения р. Вишеры к западу, и затем всю западную часть губернии до р. Камы, а также нижнее течение ее главных притоков с левой стороны: Яйвы, Косьвы и Чусовой. Кроме того, сделанные находки и исследования последнего времени показывают, что территория Пермской Чуди занимала некогда также прилегающие части Вологодской и Вятской губерний...” [Там же..., с. 2]. Кроме данной территории, находки культового литья, как отмечает Ф.А.Теплоухов, встре-

Рис. Ф. Теплоухов 1892.

чаются на восточном склоне Урала, преимущественно по рекам.

Культовые изображения с зооморфными сюжетами автор называет баснословными или фантастическими. Имеющиеся изображения фантастических существ, их появление исследователь объясняет следующим образом: "... относительно

особенно полезных и вредных животных существовали особые легенды, при дальнейшем развитии которых встречающиеся в природе существа уже не соответствовали тем свойствам, которые им приписывались" [Там же..., с.4]. Птицевидные идола Ф.А.Теплоухов также делит на подгруппы: птицевид-

ные идола с одной головой и антропоморфным изображением на груди, птица с человеческим лицом на груди, птица с всадником, птица с зооморфным изображением на груди, изображения двухголовой и трехголовой птицы. Появление птицевидных идолов Ф.А.Теплоухов связывал с эволюцией религиозного сознания чудского населения от конкретных представлений к более сложным, имеющим в своей основе веру в таких существ, “которые, отличаясь сверхъестественными свойствами, обладали человеческим разумом и даже могли иметь на человека то или другое влияние. При таких условиях естественно, что человек не мог уже удовлетвориться изображением существ, хотя и баснословных по своей наружности, но представлявших, тем не менее, только сочетание физических признаков и свойств известных ему животных. Поэтому, желая дать новым представлениям известные формы, он стал искать новых образцов для воплощения своей мысли и остановился при этом на типе птицы, которая, благодаря своей способности переноситься с места на место, исчезать осенью и возвращаться весной и другим свойствам, должна была казаться ему наиболее таинственным существом. Таким образом, по моему мнению, можно объяснить появление изображений птиц с распростертыми крыльями, снабженных обыкновенно дополнительным изображением на груди, в большинстве случаев, в виде человеческого лица или фигуры. Вместе с тем, представление о таких сверхъестественных существах, одаренных человеческим разумом, перешло, вероятно, постепен-

но в понятие о божестве и потому птицевидные изображения подобного рода могут уже считаться идолами” [Там же..., с. 4]. Сами птицевидные идола, по мнению Ф.А.Теплоухова, прошли определенную эволюцию от простоты и реалистичности в изображении до постепенного усложнения “отклонением от существующих в природе образцов и, наконец, в появлении птиц с двумя и даже тремя головами. В тоже время, взамен изображения человеческого лица, являются на груди птиц позднейшего периода целые фигуры человека, а в некоторых случаях даже фигуры зверей и птиц” [Там же..., с. 5]. Птицевидные идола последней категории, с точки зрения автора, являются переходными к следующей группе изображений, «в которой существенную часть идола является уже фигура человека, а баснословные животные, хотя и изображаются еще вместе с ним, но играют уже подчиненную роль» [Теплоухов 1893, с. 5]. К таким изображениям Ф.А.Теплоухов относит изображения, которые впоследствии стали называть “човеколось на ящере”, и вариации на данную тему. Последней группой в эволюции пермского звериного стиля исследователь называет “вполне человекообразные фигуры, отличающиеся от простого человека только условностью изображения и, в редких случаях, некоторыми атрибутами, указывающими на свойства изображаемого божества. Вместе с тем замечается также и большое разнообразие типов, что указывает, конечно, на увеличивающееся число божеств и на большую дифференцировку их индивидуальных качеств” [Там же...,

с. 5].

Описывая предметы пермского звериного стиля, Ф.А.Теплоухов рассматривает отдельно изображения баснословных животных, идолов в виде птиц, идолов в виде человека.

“К группе баснословных животных мы относим такие изображения, которые, при всей своей фантастичности, представляют только сочетание физических признаков различных животных, существующих в действительности.... Кроме того, к той группе могут быть отнесены предметы, представляющие сцены между двумя или тремя животными...” [Там же..., с.8]. Данные изображения, по мнению автора, “...предназначались для подвешивания или прикрепления к чему-либо, например, для украшения одежды” [Там же..., с.8]. Соответственно, эти изображения можно подразделить на рельефные и плоские (в виде пластины). К рельефным изображениям Ф.А.Теплоухов относит, во-первых, пронизки с зоо- и орнитоморфными сюжетами, а во-вторых, подвески с теми же сюжетами. Теплоухов обратил внимание на сюжет, получивший в литературе название “птица, клюющая добычу”, считая, что данный сюжет трактуется неверно, что “чудские мастера, изображая подобные сцены, имели целью объяснить наглядно происхождение тех баснословных животных, о которых мы говорим выше” [Там же..., с. 9].

Описывая группу плоских изображений этой группы, Ф.А.Теплоухов отмечает, что “животное изображалось обыкновенно в профиль, при чем очертание пластинки соответствует фигуре животного, а под-

робности изображались полурельефом: задняя же сторона пластинки оставлялась, во всех случаях, неотделанною” [Там же..., с.9]. К данной группе автор относит фигуры фантастического животного: “...животное это представляет нечто среднее между зверем и рыбой, в общем же напоминает собою отчасти большую ящерицу или крокодила. Тело этого чудовища, как и форма головы, делают его похожим на рыбу, но глаз и ноздри похожи скорее на звериные. Кроме того, нижняя челюсть гораздо длиннее верхней и ей придана форма загнутого вверх витого рога. Другой такой же рог помещен на затылке. Ноги короткие, в виде человеческих рук, а короткий хвост, подобно рыбьему, поставлен вертикально. Спина животного снабжена горбом, под которым находятся на боку три серповидные бороздки, имевшие... особое значение” [Там же..., с. 9]. Ф.А. Теплоухов отмечает, что данное существо играло какую-то особую роль в представлениях пермской чуди, так как встречается достаточно часто, и называет его “ящером” - “существо, могущее жить и двигаться одинаково удобно как в воде, так и на суше” [Там же..., с. 10].

К группе баснословных животных исследователь склонен относить и изображения медведя, например, фигуру “ревущего медведя”, найденного у села Ильинского, хотя отмечает, что медведь изображен очень натуралистично.

Металлические пластины с изображениями человеческого лица или фигуры человека, как правило, в сопровождении “мифических животных” Ф.А.Теплоухов называет идолами или чудскими образками.

Изображения этой группы, по мнению исследователя, отличаются “большей сложностью и, в то же время, большею условностью изображения, так как, например, некоторые черты лица, руки, ноги и другие подробности фигуры являются обыкновенно только намеченными, а нередко и совсем отсутствуют” [Там же..., с. 20]. Подобные пластины, с точки зрения Ф.А. Теплоухова, “предназначалась для прикрепления на какую-нибудь поверхность или даже для ношения на костюме... Некоторые идолы, представляющие сплошные пластинки, могли быть помещаемы в особые вырезки на стволах деревьев, как это делают современные нам Вогулы, обитающие на восточном склоне Урала” [Там же..., с.20].

Относительно сюжета пермского звериного стиля “человеколось на ящере”, Ф.А.Теплоухов первым из исследователей отмечает его присутствие именно в Приуралье, как некий маркирующий признак. Образ человекоподобных существ автор связывает с образом самого божества, а сами культовые пластины являлись атрибутами шаманского культа.

Во второй части своей работы Ф.А.Теплоухов, привлекая многочисленные этнографические описания, решает вопрос об этнической природе пермского звериного стиля: “...Пермская Чудь была угорским племенем, хотя в настоящее время мы не можем еще сказать, были ли то предки нынешних Вогул или Остяков, или же предки тех и других вместе” [Там же..., с. 74].

В 1895 году в сборнике “Пермский край” была опубликована статья Ф.А.Теплоухова “Древности,

найденные в Чаньвенской пещере Соликамского уезда”, в которой автор выделяет ряд признаков, свойственных так называемым “чудским идолам”, изображающим человекообразные фигуры:

1. Такие идолы представляют мифические существа, более или менее уклоняющиеся от обычной наружности человека, причем некоторые существенные органы, как, например, рот, часто совсем не изображаются.

2. Им придавалась форма более или менее плоских пластинок, с изображением только на одной передней стороне.

3. Большинство человекообразных идолов представляют фигуры, лишенные даже признаков одежды.

К 1897 году относится статья Ф.А.Теплоухова “Чудское жертвенное место на реке Колве”, в которой описываются результаты раскопок С.И.Сергеева на берегу реки Колвы, вблизи деревни Подбобыки Чердынского уезда. Среди многочисленных находок выделяются и так называемые идолы, описывая которые, Ф.А.Теплоухов проводит параллели с аналогичными предметами из своей коллекции, коллекции Й.Р. Аспелина. Автор отмечает, что данные находки особенно интересны, так как большинство предметов пермского звериного стиля являются случайными находками и поэтому возникает вопрос о датировке и использовании культовых вещей. Жертвенные места как археологические памятники являются более информативными, поэтому Ф.А.Теплоухов уделяет особое внимание найденным С.И.Сергеевым предметам и сравнивает их как с

находками с других культовых мест, так и с аналогичными вещами, найденными случайно. Всего на жертвенном месте у камня Светик было найдено 22 предмета пермского звериного стиля, Ф.А.Теплоухов подразделяет их в соответствии со своей классификацией на три группы:

1). Идолы с драконами и ящером, с одной человеческой фигурой — 8 экз., с двумя — 1, с тремя — 2 экз.

2). Отдельные изображения драконовидных существ — 3 экз., ящера — 4 экз.

3). Изображения животных, не имеющих фантастического характера — 4 экз.

Особое внимание автора привлекла одна из найденных Сергеевым культовых пластин, где изображены две человеческие фигуры, одна из которых мужская, а ящер, постоянный атрибут подобных изображений, “обращен головой влево, между тем как ему дано во всех прочих случаях противоположное направление” [Теплоухов, 1897, с.7]. Впоследствии на этот случай обратит внимание другой исследователь, Б.А.Рыбаков, связывая обращенность ящера на запад или на восток со временем суток, которое отображалось в подобных сюжетах. Интересна для Ф.А.Теплоухова эта культовая пластина еще и потому, что автор не встречал до этого изображения двух человеческих фигур на ящере среди прочих подобных предметов. Данный факт Ф.А.Теплоухов трактует как подтверждение своей гипотезы об эволюции сюжетов пермского звериного стиля, в частности от птицевидных идолов к идолам антропоморфным, в этом случае сюжету “птицевидный идол

с двумя головами” должен соответствовать сюжет “идол с драконами и ящером с двумя человеческими фигурами”. Рассматривая вопрос об использовании предметов пермского звериного стиля на культовых местах, Ф.А.Теплоухов проводит параллели с этнографическими описаниями подобных культовых мест других народов, в частности остяков и вогул: “...в конце прошлого столетия Вологодский губернатор Мельгунов отыскал у Зырян и представил Императрице Екатерине II медных идолов, изображавших, большею частью, зверей: соболей, лисиц и пр. При этом однако же выяснилось, что, по уверению Зырян, эти идолы не зырянские, а вогульские, и даже не божества их, а жертвы, отливаемые из меди для приношения богам... Поэтому можно думать, что и “чудские образки”, найденные г. Сергеевым у камня Светика, представляют ничто иное, как особый род приношений божеству, хотя те же образки, несомненно, носились Пермскою чуждою, или по крайней мере ее шама-нами, на костюме” [Там же..., с. 20].

А.А.Спицын, знакомый с трудами Ф.А.Теплоухова, отмечал, что “...по богатству материала и по стройности выводов и изложения представляют лучшие работы по пермским древностям и ставят имя их автора среди исследователей этих древностей на первое место” [Спицын, 1902, с. 15].

В заключение хотелось бы затронуть вопрос о судьбе коллекций Теплоуховых. Об этом рассказывают письма А.Ф.Теплоухова, сына Ф.А.Теплоухова, которому в свою очередь отошли коллекции отца и деда, А.В. Луначарскому, хранящи-

еся в ГАПО [ф. 613, оп. 2, д. 807]. А.Ф.Теплоухов, получив в наследство от отца семейные коллекции, сам в течение тридцати лет пополнял их, в том числе и археологическими материалами. В 1919 году заведующему Пермским Научным Музеем А.К.Сыропятову был выдан Мандат об изъятии у Теплоухова художественных и научных коллекций, сам владелец в это время находился в Сибири в связи с принудительной мобилизацией в армию Колчака и не знал о судьбе своих коллекций. Еще в 1917 году А.Ф. Теплоухов завещал некоторую часть своих коллекций Пермскому университету, но, как видим, данное не было выполнено, а сами коллекции оказались в Пермском областном краеведческом музее. Вместе с коллекциями были увезены и личные вещи Ф.А.Теплоухова, включая книги и рукописи, в связи с чем ученый был лишен возможности продолжать исследования. После того, как Пермский областной краеведческий музей получил новое помещение в 1924 году, археологическая коллекция Теплоуховых была выставлена для обозрения. Над этой работой, по сведениям А.В. Шмидта, работали ряд сотрудников, прежде всего Н.И.Доминина, по указаниям А.А.Спицына и А.В. Шмидта. А.В.Шмидт, некоторое время работавший в Пермском областном краеведческом музее, также занимался изучением пермского звериного стиля. Одну из своих работ, “Туйский всадник”, Шмидт А.В. отправит С.А.Теплоухову с надписью: “С.А.Теплоухову от автора, работа которого всецело выросла из семьи Теплоуховых”.

Как видим, вклад А.Е. и Ф.А. Теплоуховых в изучение пермского звериного стиля огромен, по сути, именно с них и начинается исследовательский период в истории культового литья Прикамья. Прежде всего, значимой деятельностью Теплоуховых является деятельность по собиранию культовых предметов в числе прочих археологических находок. Трудно себе представить, на сколько мы бы стали беднее в отношении пермского звериного стиля, если бы не забота о сохранении и пополнении коллекций данных предметов. Можно выделить по крайней мере два музея, где существуют коллекции пермского звериного стиля — Пермский областной краеведческий музей и Государственный Эрмитаж — благодаря собирательской деятельности Теплоуховых. Зная по запискам современников, как много археологических предметов было утрачено для науки, понимаешь, насколько важной является деятельность таких бескорыстных исследователей, как Теплоуховы. Так, в 1911 году местный краевед И.Я.Кривошеков отмечал: “... масса чудских находок разошлись по России, будучи развезена туристами и любителями дикушинок. Обилие чудских изделий, находимых жителями в течении многих десятилетий на “Пилинском”, породило особый промысел, вещи эти предлагаются для покупки всем заезжим лицам и по довольно приличной цене” [Кривошеков, 1911, с. 98].

Кроме того, именно Теплоуховы, в большей степени Федор Александрович, начинают с помощью самых современных для того вре-

мени научных методов изучать пермский звериный стиль. Ф.А.Теплоухов составил одну из первых классификаций культового литья, в основании которой лежит идея эволюция пермского звериного стиля от натуралистических изображений животных и птиц к постепенному усложнению и “фантазированию”, что отразилось в появлении так называемых баснословных животных, а затем и к возникшим “идолам”, то есть антропоморфным изображениям.

Ф.А.Теплоухов выдвигает гипотезу и об этнической принадлежности пермского звериного стиля. В то время, когда господствующим мнением в науке была идея о заимствованном происхождении культового литья, прототипы которого находили в искусстве Передней Азии, Китая, Индии и др., Ф.А.Теплоухов отмечал, что заимствование не может иметь столь долгую историю, искусство звериного стиля было востребовано местными угорскими племенами, а значит, отражало их идеологию, их религиозные представления. Одним из первых,

Ф.А.Теплоухов привлекает этнографический материал, а зачастую и сам выступает как этнограф для осмысления пермского звериного стиля как культурного феномена. Сами предметы пермского звериного стиля исследователь связывал с шаманскими культами, впоследствии данная точка зрения будет поддерживаться А.А.Спицыным, А.П.Смирновым и др. авторами. Ф.А.Теплоухов описывает территорию распространения предметов пермского звериного стиля, ставит вопрос о хронологии в отношении культового литья. История изучения пермского звериного стиля также получает освещение в трудах Теплоуховых, поскольку они собирали информацию не только о самих предметах, но и коллекционерах и исследователях.

На протяжении всего XX в. пермский звериный стиль привлекал к себе внимание ученых, в их работах ставились разные цели в отношении изучения столь сложного явления, но мы не найдем ни одного автора, который бы не опирался на наследие Теплоуховых.

**Н.В.Фёдорова
ТОРЕВТИКА
ВОЛЖСКОЙ
БОЛГАРИИ.
СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
X-XIV ВВ. ИЗ
ЗАУРАЛЬСКИХ
КОЛЛЕКЦИЙ**

Торевтика Волжской Болгарии — один из ярчайших феноменов культуры средневековой Европы. Органическое сочетание традиций тюркского мира, художественных приемов и сюжетов городской культуры Средней Азии (сначала домусульманской согдийской, потом исламской) и изобразительных элементов, присущих языческому населению Урала и севера Западной Сибири; ориентация мастеров-ювелиров на “внешний” рынок, а не на обслуживание собственного населения; огромный объем производства — все это делает болгарское серебрение уникальным явлением.

Волжская Болгария совершенно справедливо считается “одним из наиболее экономически развитых государств Восточной Европы” [Белавин, 2000, с. 7]. Этому ее состоянию в немалой степени способствовало участие болгар в международной торговле по Волжскому пути, где они, в том числе, выполняли роль посредников между купцами Востока и Запада с одной стороны и северными поставщиками ценных мехов (Камский торговый путь) — с другой, ревниво оберегая северные территории от проникновения туда

своих конкурентов. Наибольшее число болгарских артефактов, являющихся свидетельствами этой торговли, представлено художественными изделиями из серебра — украшениями и посудой, причем самая интересная и разнообразная коллекция этих предметов происходит из северной части Западной Сибири, что и обусловило выбор предмета настоящей статьи.

Продукция болгарских ремесленников вывозилась также в сопредельные Волжской Болгарии области Прикамья и на территорию современной республики Коми. Но если артефакты из могильников Вычегодского края и памятников Верхнего Прикамья в большинстве своем опубликованы и введены в научный оборот, то западносибирские вещи известны гораздо хуже. В виде исключения можно назвать лишь два каталога выставок, прошедших в Эрмитаже в 1991 и 1996 гг. [Восточный художественный металл, 1991; Сокровища Приобья, 1996]. Налицо парадокс: огромный для средневековья корпус источников практически неизвестен исследователям, что существенно обедняет представления не только о культуре Волжской Болгарии и сопредельных ей территорий, но и об истории взаимоотношений между булгарами и их партнерами в меховой торговле.

Корпус источников по теме представлен серебряной посудой (около 20 блюд и чаш, найденных в разных местах севера Западной Сибири); украшениями из серебра, в декоре которых употреблялась чернь: щитками для защиты руки от тетивы — 16 (или больше) экз.; очельями из серебра — 9 экз.; дву-

створчатými браслетами — 4 экз.; приблизительно десятком перстней. Остальные типы черневых украшений единичны, так, например, пара височных подвесок с ромбическим щитком, две круглые бляхи с изображением всадника (так называемые бляхи с сокольников).

Набор украшений, декорированных сканью и зернью, более разнообразен: браслеты со вставками из пасты или стекла, различные варианты шумящих подвесок, височные кольца с напускными бусинами, отдельные бусины, подвески - калачевидные, трапециевидные, лопастные, гроздевидные, лапчатые, крестовидные. Известно два экземпляра гривен глазовского типа [УН, с. 110; СП, с. 107] и 2 плетеные цепи. (На самом деле гривен глазовского типа и выполненных в той же технике браслетов больше — по неопубликованным данным А.В.Бауло известны, по крайней мере, еще одна гривна и 9 браслетов. Считается, что местом их производства были мастерские, возможно, локализующиеся в Верхнем Прикамье). Довольно редки поясные наборы, выполненные в технике тиснения, бляшки с изображением животных [УН, с. 119]. Вещи хранятся в музеях Западной Сибири (в городах: Салехард, Ханты-Мансийск, Сургут, Тобольск, Тюмень), в фондах археологической лаборатории Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург), Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) и в Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Постановка проблемы. Таким образом очевидно: объем материала так велик, что не может быть проанализирован в рамках одной

статьи. Необходимо полное издание корпуса зауральских находок серебра Волжской Болгарии и сопредельных ей территорий. Основная задача статьи — кратко проследить историю болгарской торевики на протяжении X — XIV вв., а также взаимодействие болгарского и “венгеро-уральского” стилей в художественном металле, роль “северного компонента” в изобразительной манере мастеров Волжской Болгарии. Ювелирное искусство болгарских мастеров-сканщиков здесь рассмотрено не будет.

История изучения. Впервые болгарские изделия с чернью, а именно перстни, стали известны в последней трети XIX в. благодаря публикации Археологического атласа А.Ф.Лихачева. Анализ их — типологию, датировку, атрибуцию — дает А.Кавка в своей статье “Перстни Камско-Волжской Болгарии” [А.Кавка, 1928]. Его работа, к сожалению, мало известна. А.П.Смирнов в монографии “Волжские болгары” (1951) и последующих работах интерпретирует все болгарские изделия с чернью как русские, полагая, что болгарские ремесленники вообще не знали искусства черни [Смирнов, 1981, с. 211]. Вопрос о выделении торевики волжских болгар как художественного явления был поставлен в 1970 г. В.Ю.Лещенко [Лещенко, 1970]. Он отнес к болгарским изделиям группу круглых серебряных блях с изображением сокольника. Позже автор расширил круг вещей, атрибутируемых как болгарские, добавив в него серебряные наруч (Щиток для защиты руки от тетивы. — Н.Ф.), очелье и два черпака [Лещенко, 1981, с. 107]. В.Ю.Лещенко выделил ряд

признаков, характерных для “булгарской школы торевтов,” и проследил ее связи с русским и ближневосточным искусством [Лещенко, 1981, с. 110-117]. Б.И.Маршак впервые выделил и атрибутировал как булгарскую группу серебряных блюд с архаичными элементами рисунка [Маршак, 1976], что явилось крайне важным шагом как в изучении художественной культуры Волжской Болгарии, так и в более глобальном смысле — в познании механизма возникновения школ торевтов в молодых государствах средневековья. Автор настоящей статьи продолжила изучение булгарской торевтики на основе находок с территории Западной Сибири, выделив несколько групп или школ [Федорова, 1991 а].

“Раннебулгарские блюда”. Пожалуй, одной из наименее известных и наиболее интересных для понимания процессов становления булгарского серебрodelия является группа из 5 блюд. Условно, для краткости наименования я назову ее “раннебулгарской”. Именно об этих вещах в свое время писал Б.И. Маршак [Маршак, 1976]. Сравнительно недавно стали известны еще два экземпляра, по всей вероятности, относящиеся к этой группе: блюдо с изображением мифологической сцены (?) из состава клада с р. Сыня (рис.1) [СП, 82, 83] и блюдо с двумя львами из поселка Зеленый Яр у г. Салехарда (рис.2) [Федорова, 2002].

Все они удивительно похожи по форме и отдельным ее деталям, а также по композиции декора. Круглые, массивные блюда диаметром от 20 до 30 см, иногда еще более

крупные — до 45 см, имеют вертикальный утолщенный бортик. Декор сосредоточен в круглом центральном медальоне, выполнен тонким точечным чеканом на позолоченном фоне. Центральный медальон окружен либо выпуклыми валиками (блюдо со сценой нападения хищника на оленя -рис.3, блюдо с р. Сыни), либо орнаментальным фризом, заполненным геометрическим орнаментом (блюдо с оленем из Томской губернии - рис.4, блюдо из Пашкиных юрт), орнаментом, имитирующим куфическую надпись (Рублевское блюдо - рис.5), или растительным (блюдо из Зеленого Яра). Чернь зафиксирована только однажды — в декоре Рублевского блюда. В центральных медальонах блюд размещены сюжеты, действующими персонажами которых являются львы (блюдо из Зеленого Яра, Рублевское блюдо), нападение фантастического хищника на оленя (блюдо с оленем), сложные многофигурные композиции, в которых участвуют олень, человек, птица (блюдо из Томской губернии) или фантастический хищник, змей, человек, птица, какое-то мелкое животное (блюдо с р. Сыни). Одним из характерных признаков этой группы являются изображения “линии жизни” и некоторые специфические элементы рисунка (трактовка рук человека, птицы с распахнутыми крыльями и т.д.), которые восходят к изобразительным традициям западносибирских или уральских в широком смысле мастеров. Они зафиксированы на артефактах западносибирского художественного литья эпохи средневековья и так называемых гравировках — процарапанных острым предметом рисун-

ках на серебряных блюдах или бронзовых бляхах.

Образцами мастерам, по-видимому, служили привозные изделия; так, например, согдийские блюда школы А [СС, рис. 5-8], такие же круглые, массивные, с вертикальным бортиком. Декор так же сосредоточен в круглом центральном медальоне, обведен орнаментальным пояском или орнаментированным рельефным валиком, фон позолочен [СС, рис. 5,6]. Б.И.Маршак датирует их VIII в. [СС, с. 73]. Некоторые элементы орнамента “раннебулгарских” блюд копируют более поздние среднеазиатские образцы, так, растительный орнамент на блюде из Томской губернии аналогичен орнаменту чаши из Аниковского клада, датированной X в. [Даркевич, 1976, табл. 29] “Куфески”, птицы в маленьких круглых медальончиках и общая композиция — четыре круглых медальончика вокруг центрального, расположенных крест-накрест на Рублевском блюде, восходят к иранским образцам X-XI вв. (см. например Даркевич, 1976, табл. 34, 35). Вероятно, можно всю группу датировать временем X-XI вв. н.э., наиболее поздним сосудом в ней является Рублевское блюдо.

“Венгеро-уральская” *торевтика*. С “раннебулгарскими” блюдами тесно связана группа так называемой “венгерской” *торевтики* [Даркевич, 1976; Marschak, 1986; Fedorova, 1990; СП, 1996]. В.П. Даркевич считал эти изделия импортом из Паннонии, Б.И.Маршак и Н.В. Федорова местом изготовления их полагали Восточную Европу в широком смысле [СП, с. 114-117], или конкретнее - южную часть Приду-

ралья, так называемую территорию “Великой Венгрии” [Fedorova, 1990]. А.М. Белавин отнес ряд изделий из Пермского Предуралья (серебряные детали поясов, накладки от сумок, чаши) к венгерским, считая, что они проникли в Прикамье из Паннонии через Волжскую Болгарию [Белавин, 2000, с.157, рис.90,91]. Речь идет о вещах, несомненно, имеющих некоторые аналогии с художественными изделиями из могильников на территории Венгрии, а именно: серебряными накладками на сумки, украшениями конской сбруи, посудой. Стиль оформления этих предметов характеризуется обязательным наличием сложного и весьма специфического, легко узнаваемого растительного орнамента; крайне редкими, единичными изображениями зооморфных персонажей, полным отсутствием персонажей антропоморфных [Fodor, 1982, tabl. XXXVI — XLI]. Группа же сосудов, найденных в Зауралье (3 экз.) и Верхнем Прикамье (2 экз.), украшена как раз сюжетами, в которых центральное место отводится либо зооморфным (чаша со львом из дер. Кудесовой — см. Даркевич, 1976, с. 176, табл. 56), либо — чаще — антропоморфным образам (например, всадникам - блюдо из Мужей, Ямальская чаша и др. — СП, с. 114-121), растительный орнамент лишь обрамляет или дополняет композиции. Рисунок связей между отдельными предметами дает картину растянутой цепочки, а не монолитного круга, что очевидно для собственно венгерской *торевтики*. Объем и задачи статьи не позволяют привести здесь всю аргументацию, тем более, мне уже приходилось писать

об этом [Fedorova, 1990]. Хотелось бы только заметить следующее. Места находок вещей, выполненных в венгерском и “венгеро-уральском” стилях, *никогда* не пересекаются: в могильниках и кладах Предуралья не обнаружено классических венгерских вещей, и, наоборот, венгеро-уральские встречены только на территориях Предуралья и севера Западной Сибири. В материалах памятников степной и лесостепной зон юга России и на Украине встречаются артефакты, занимающие если не промежуточное положение между двумя группами, то, во всяком случае, имеющие черты сходства и с теми и с другими. Я имею в виду, например, серебряные бляхи от сбруйных наборов из курганов у с. Табаевка, а также Шестовицкого могильника и др. [Орлов, 1984, с.33-37]. Интересен серебряный сосуд из находок около Коробчино (Украина), происходящий, по-видимому, из разрушенного богатого погребения [Prihodnuk, Churilova, 2002, p.185-187]. Округлая чаша с высокими бортиками и растительным орнаментом в центральном медальоне атрибутирована авторами как изделие среднеазиатских мастерских погребения [Prihodnuk, Churilova, 2002]. Следование среднеазиатскому образцу представляется бесспорным, но некоторые черты ее декора похожи как на “венгеро-уральские”, так и на собственно венгерские вещи.

Группа включает пять сосудов - блюд и неглубоких чаш, с вертикальным утолщенным бортиком и декором, вписанным в круглый же центральный медальон с позолоченным фоном. На четырех из них изображены всадники. Композиция де-

кора двух из них практически одинакова: на разрезанном блюде с п-ва Ямал (рис.6) и на блюде из с. Утемильского (Вятская губерния) изображены всадники на массивных конях с крупной птицей на руке [Даркевич, 1976, с. 172, табл. 56, 4; СП, с. 121]. Еще на двух – блюде из Мужей (рис.7) и блюде (или неглубокой чаше) из коллекции Василенко с п-ва Ямал, возможно, найденного в могильнике Хетосе, изображены всадники в полном вооружении без каких-либо сопутствующих персонажей [СП, с. 114-119]. Наконец, на чаше из Кудесовой (Верхнее Прикамье) в центральном медальоне изображен лев. Необходимо отметить, что мастера стремились показать животных в движении – все кони переданы в “шагающей” позе, с поднятой передней ногой, также изображен и лев. Коня на блюде из Хетосе мастер, по-видимому, хотел изобразить в галопе: у него подняты вверх обе передние ноги - но не сумел вписать его в круглое пространство медальона, поэтому поза коня вышла неестественной. В последнее время стали известны еще два сосуда “венгеро-уральской” группы, но они пока, к сожалению, не опубликованы [Бауло, 2002]. Атрибутирующими признаками являются некоторые декоративные приемы: рисунок в виде двух дуг с отходящим от них штрихом, штрих с тремя сгруппированными треугольником точками, специфические детали растительного орнамента и т.д.

Последние находки и, в частности, блюдо из Зеленого Яра дают возможность говорить о сходстве “венгеро-уральской” и “раннебулгарской” групп по форме, технике

изготовления и приемам нанесения декора. Это, на мой взгляд, принципиальный момент для понимания общей ситуации формирования школ торевтов в ранних государствах и предгосударственных образованиях Поволжья и Предуралья. Помимо общего сходства, “венгеро-уральские” блюда образуют парные цепочки с некоторыми “раннебулгарскими” сосудами по отдельным изобразительным элементам. Так, например, орнамент на головных уборах всадников Утемильского и Ямальского блюд похож на “куфески” Рублевского блюда. Датировка “венгерской группы” устанавливается по ряду аналогий в пределах IX – X веков: типы вооружения и конского снаряжения, орнамент на одежде [Казаков, 1992, с. 65, 67; СП, с. 114-117]. Более поздние вещи, выполненные в этой манере, не известны.

Сходство художественных приемов не исчерпывает общее для этих двух групп. Обращают на себя внимание следующие факты: 1) “Раннебулгарские” блюда более массивны, чем “венгеро-уральские”, хотя очевидно, что особого недостатка в металле ни те, ни другие мастера не испытывали. 2) Там, где более или менее точно известно место находки блюд обеих групп, это территория западной части нижнего Приобья: бассейны р.Сев. Сосьва и р.Сыня, юго-запад п-ва Ямал, р-н г.Салехарда, т.е. места расселения современных групп манси и северных ханты. 3) За исключением двух Ямальских вещей, все они найдены в комплексах действующих святилищ или священных сундуков. 4) Изображены на них либо всадники, либо какие-то мифологи-

ческие сюжеты с явными следами западносибирской (уральской) изобразительной манеры.

Наиболее поздним в “раннебулгарской” группе является так называемое Рублевское блюдо из собраний Нижнетагильского краеведческого музея [Даркевич, 1976, с. 171, табл. 55,8], до сих пор, кстати, толком не опубликованное. На нем впервые появляется чернь, уложенная в линии расштриховки фона, орнамент вокруг центрального медальона подражает куфической надписи, общая композиция декора с четырьмя малыми круглыми медальонами вокруг центрального, как уже упоминалось, копирует иранские сосуды XI вв.

Серебро XII-XIII вв. Рублевское блюдо является соединительным звеном между “раннебулгарской” группой и группой изделий из серебра, дату которых можно определить как XII – XIII вв. В нее входят два блюда [СП 37, 38], два черпака (рис.8), два браслета (рис.9), возможно, один из щитков для защиты руки от тетивы, перстни с растительным побегом на щитке. Определяющими признаками группы являются растительный побег, не характерный для “раннебулгарской”, разделка фона параллельными линиями, прокладка черни в зубчатые линии, такие орнаментальные мотивы, как трехчастная позолоченная плетенка. Образцами служили иранские серебряные сосуды XI – XII вв. [например, ВС 148]. Все вещи выглядят очень нарядными, дорогими, за счет сочетания черни и позолоты в декоре, массивности самих изделий. Необходимо отметить, что эта груп-

па наиболее близка произведений русского ювелирного искусства (Макарова, 1986). Практически все вещи (кроме перстней), о месте нахождения которых известно, найдены в комплексах кладов или приношений на древних святилищах, однажды они встречены вместе с чашей византийского круга [Федорова, 1982] и болгарскими украшениями, декорированными сканью и зернью.

Изделия XIII-XIV вв. В XIII – XIV вв. в художественных мастерских Волжской Болгарии налаживается массовое производство как черневых, так и сканых украшений. В комплексах находок они теперь встречаются вместе с золотоордынскими серебряными сосудами – чашами, блюдами, ковшками [УН, с. 124-126], которые, вполне возможно, были изготовлены в городах Волжской Болгарии [Федорова, 1991]. Большинство изделий обнаружены в погребениях.

Ассортимент черневых вещей XIII–XIV вв. представлен различными украшениями, в том числе и парадными щитками для защиты руки от тетивы (рис.10,11). Общими признаками стиля этого времени являются: проработка декора по предварительно нанесенному рисунку точечным чеканом с лица, золочение, черневой фон, прокладка золота по контуру изображения и черни в линии, которыми расштрихован фон. Некоторые элементы декора, такие, например, как сопоставленные волютообразные завитки, оставленная резервом лоза, – заимствуются с исламских прототипов. Почти обязательным орнаментальным мотивом, присутствующим

на большинстве вещей, является плетенка из двух, трех или четырех лент. Можно выделить по крайней мере две группы или школы болгарской торевтики XIII–XIV вв.: школа 1 выделяется по такому яркому признаку, как наличие углубленного позолоченного желобка вдоль края изделия; школа 2 характеризуется оформлением края ободком из так называемой катушечной филигрانی [Федорова, 1991а].

“Бляхи с сокольничим”. Из всей этой многочисленной серии вещей наиболее известны небольшие круглые бляхи с изображением всадника с птицей, сидящей на его руке, вокруг которого располагаются различные животные, так называемые бляхи с сокольничим. Их в настоящее время обнаружено 16 экземпляров в Пермском Прикамье [Белавин, 2000, с. 92, рис. 40], 5 на территории республики Коми [Савельева, 1987, с. 114-115, рис. 32]; еще две бляхи с сокольничим, опубликованные там же, по-видимому, являются импортом из других центров, 1 – на острове Вайгач [Хлобыстин, 1993, с. 17, рис. 4, 27], 1 – в Зауралье, в Ликинском могильнике [Викторова, 1973, с. 137-174], и только две – в Западной Сибири [Лещенко, 1981, с. 106; УН, с. 111]. Вновь после перерыва в два – три столетия (всадники на серебряных изделиях не изображались со времен “венгеро-уральских” блюд) становится популярным всаднический сюжет, причем в той же композиции: “всадник с птицей на руке”.

Вещи с изображениями различных всаднических сюжетов распределены на территориях востока Европы и севера Западной Си-

бири в определенной временной последовательности. В IX — X вв. известны две группы “всадников”. Первая — бронзовые литые изображения всадника весьма характерной иконографии: с непропорционально маленьким телом, особенно по сравнению с крупной головой, сидящего на лошади “по-дамски”, т.е. с ногами, спущенными с одного бока лошади, с левой рукой, лежащей на шее животного и правой, опирающейся на спину его [см. например, УН, с. 83, рис. 73; Иванова, 1998, с. 142, рис. 57, 25 и многие др.]. На голове всадника шлем, иногда изображенный вполне реалистично, иногда довольно сильно стилизованный. Лошадь стоит на основании, часто в виде какой-то вытянутой зооморфной фигуры. Эти изображения распространены довольно широко, часто именуются в публикациях почему-то “всадница на змее”. Встречаются в комплексах как IX — X вв., так и более поздних, но не позже XI в. Вторая группа — уже рассмотренные “венгерские” блюда со всадником.

Иконографически всадники “блях с сокольничим” восходят скорее к бронзовым литым изображениям, чем к изображениям на блюдах: крупная остроконечная голова всадника, правая рука, опирающаяся на спину коня, довольно специфический прием изображения конской головы одной дугообразной линией от кончика уха до нижней челюсти. Бляхи и блюда связывает наличие птицы на руке всадника, но это сходство сюжетное, а не иконографическое. Крупная хищная птица на бляхах, так же мало похожая на ловчего сокола, как и птица “венгеро-уральских” блюд, си-

дит не на кисти или предплечье всадника, а на сгибе локтя с внешней стороны. Среди животных, окружающих всадников на “бляхах с сокольничим”, опознаются пушные звери, лоси, медведи, водоплавающие птицы. Частым элементом декора являются “солнце” и “луна,” помещенные у головы всадника.

На примере этой, довольно многочисленной категории вещей, хорошо читается роль северного компонента в формировании стиля болгарского художественного металла. Композиция, включающая всадника, вернее двух антропоморфных персонажей, сидящих на одной лошади, в “дамской позе”, причем правые руки опираются о круп животного, а левые лежат на его шее, по бокам у головы всадников — изображения солнца и луны, зафиксирована на круглой, вырезанной из серебряного листа бляхе, обнаруженной А.В.Бауло среди культовой атрибутики из разрушенного дома на р. Сыня [Бауло, 2001, с. 123-127]. Бляха по технике изготовления и элементам декора входит в довольно большую группу изделий, произведенную где-то в Верхнем Прикамье в период с X по XVI вв., а изображения на ней стилистически занимают промежуточное положение между западносибирскими и верхнекамскими гравировками на привозном серебре и бронзовых изделиях с одной стороны и “бляхами с сокольничим” с другой. Атрибуция вещей этого круга — отдельный сюжет, который, к сожалению, здесь также не может быть рассмотрен.

Иконографический вариант “всадник с птицей на локте в окружении животных”, характерный

для “блях с сокольничим,” довольно неожиданно проявляется в этнографических материалах у манси бассейна Сев. Сосьвы и березовских ханты [Бауло, Гемуев, 2001; Бауло, 2002]. И.Н.Гемуев и А.В.Бауло, рассматривая изображения всадника на уникальной, характерной только для манси и некоторых групп ханты, категории культовой атрибутики - жертвенных покрывалах, отмечали несомненное сходство его иконографии и общей композиции сцены, в которой угадывалась и птица на локте, и солнце с луной, и окружающие звери, с иконографией главного персонажа и композицией сюжета “блях с сокольничим” [Гемуев, Бауло, 2001, с. 19-20]. Они трактовали это сходство с позиций заимствования если не из иранской мифологии, то, по крайней мере, из иранской изобразительности (Гемуев, Бауло, 2001, с. 20-22). Я думаю, что в основе его, наоборот, лежал довольно древний, уральский в широком смысле, изобразительный пласт. Рассмотрим факты. 1). Известно, что процесс формирования народа, которого мы сейчас знаем под именем манси, был не прост, как, впрочем, любой процесс этногенеза. Население бассейна Сев. Сосьвы, который ныне является территорией расселения манси, еще в XVI - начале XVII вв. именовалось в русских источниках остяками [Гемуев, Бауло, 2001, с. 6]. С конца I тыс. н.э. и до XVIII в. шел процесс переселения групп угорского населения (позже русские называли их вогулами) с западных склонов Урала (Северное и Пермское Предуралье) на восточные и дальше — в Западную Сибирь. То есть, по-видимому, на протяжении

нескольких веков происходило постоянное смешение предуральского и западносибирского населения со всеми вытекающими последствиями не только в этнокультурной сфере, но и в фольклорной, мифологической, ритуальной и т.д., а следовательно, и в сфере изобразительной. А.В.Бауло в одной из последних работ пишет: “...традиция изготовления покрывала с фигурой всадника в окружении зверей и птиц связана с периодом проживания предков современных манси в южной части Западного Урала в эпоху средневековья и является результатом их контактов с Волжской Булгарией” [Бауло, 2002, с. 70]. 2). Выше уже отмечалось, что ареал находок серебряных блюдец с изображениями всадников “венгеро-уральского” стиля совпадает с современным расселением северных манси и ханты, у которых зафиксирован обычай употребления жертвенных покрывал. 3). Обычай нанесения прочерченных острым предметом (железным ножом ?) рисунков (так называемых гравировок) на металлические предметы — бронзовые бляхи, зеркала, привозную серебряную посуду известен только в Западной Сибири и в некоторых местах Верхнего Прикамья, а фактически, северного Предуралья (р-ны Чердыни и Кудымкара). Стиль этих гравированных рисунков мало меняется во времени, некоторые его элементы, как теперь ясно, проявляются на “раннебулгарских” сосудах и бляхах с сокольничим. Связующим звеном между стилем гравировок и — шире — западносибирского художественного металла - выступают серебряные изделия типа бляхи с двумя всад-

никами с р. Сыня и других изделий, относящихся к этой группе [см. например, Спицын, 1906, рис. 53].

Таким образом, в иконографии и сюжетах болгарской и венгеро-уральской торевтики явно присутствует “северный компонент”, т.е. изобразительный стиль, характерный для западносибирского художественного металла (гравировок и литых изображений), а он в свою очередь имеет основу в древней “уральской” изобразительной манере. Некоторые категории культовой атрибутики северных манси и ханты сложились в процессе контактов их предков с болгарским миром в период проживания в Предуралье и, по-видимому, употребления болгарских изделий. На этой атрибутике возрождается тот самый древний уральский, северный компонент, который определил в свое время одну из специфических черт болгарского художественного стиля.

Можно также утверждать, исходя из анализа роли этого северного компонента в художественном металле Волжской Болгарии и сопредельных ей территорий, что, во-первых, многие болгарские мастера — торевты, ювелиры, бронзолитейщики — происходили из той угорско — предуральской (пермской по территории) среды, которая дала одну из основных составляющих населения Волжской Болгарии. Они внесли в этот стиль свои изобразительные приемы. Во-вторых, новые находки и внимательное рассмотрение уже давно известных артефактов подводят к мысли, что взаимодействие между мастером и заказчиком, в том числе заказчиком западносибирским, было гораздо

более тесным, чем представлялось до сих пор. А именно, что это общение осуществлялось не только через посредников, которыми традиционно считались купцы — болгарские и “чулыманские” (т.е. верхнекамские, ломоватовско-родановские), но и в виде прямых контактов “мастер-заказчик.”

Выводы. Неоднократно отмечалось, что болгарское сереброремесло представляло собой развитое городское ремесло, а мастера владели всем современным им спектром технологических приемов: литье крупных вещей, горячаяковка, волочение, нанесение позолоты и черни, чеканка и т.д. Но только зауральские материалы позволяют оценить степень его ориентированности на северный рынок. Более того, они дают возможность представить себе всю сложность и многогранность процессов формирования этого вида искусства, а вместе с ними — всю многокомпонентность средневековой городской культуры, характерную для “молодых” государственных образований на восточных границах Европы, не менее, чем для “старых” на западе или юге.

Список сокращений к статье Н.В. Федоровой:

ВС — “Восточное серебро”; Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб., 1909.

СП — “Сокровища Приобья”; Сокровища Приобья /Под ред. Б.И.Маршака. СПб.: Формика, 1996. 227 с.

СС — “Согдийское серебро”; Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Глав. ред. Восточ.лит-ры, 1971. 155 с.

УН — “Угорское наследие”; Угорское наследие /Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.

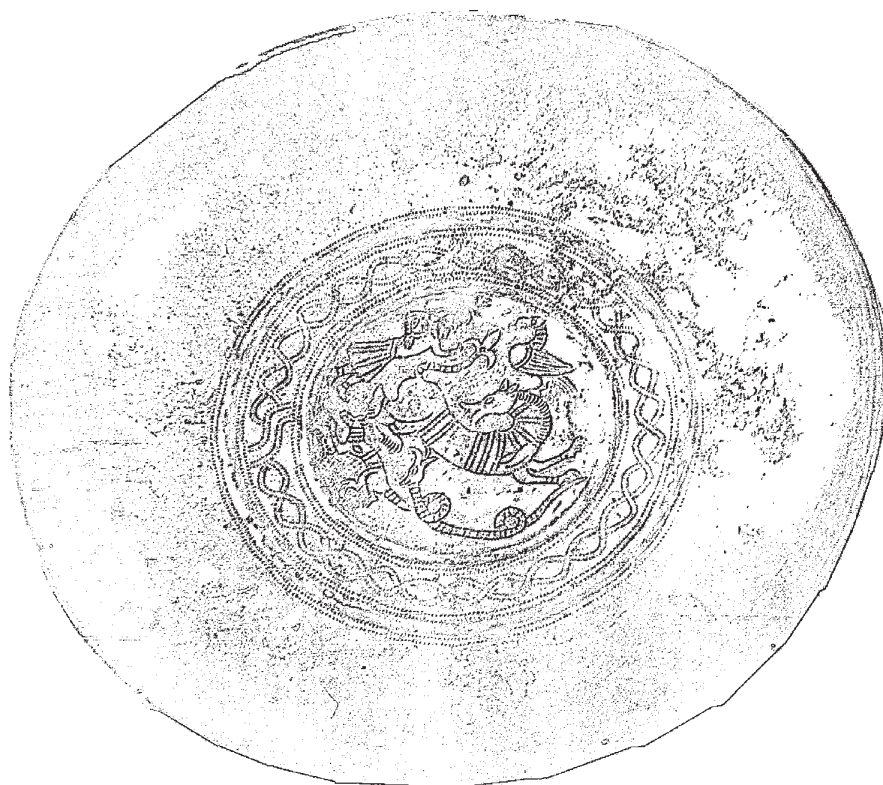

Рис. 1. Блюдо с изображением
мифологической сцены с р. Сыня

Рис. 2. Блюдо с изображением двух львов из
поселка Зеленый Яр

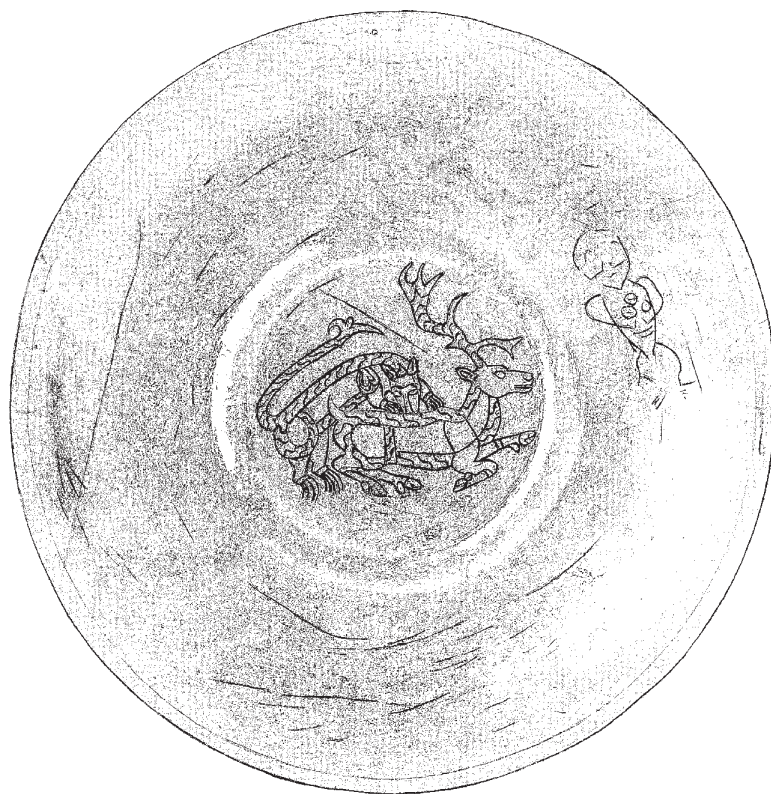

Рис. 3. Блюдо со сценой нападения хищника
на оленя

Рис. 4. Блюдо с оленем из Томской губернии

Рис. 5. Рублевское блюдо

Рис. 6. Разрезанное блюдо с изображением всадника с п-ва Ямал

Рис. 7. Блюдо со всадником из пос. Мужа

Рис. 8. Черпак с растительным орнаментом

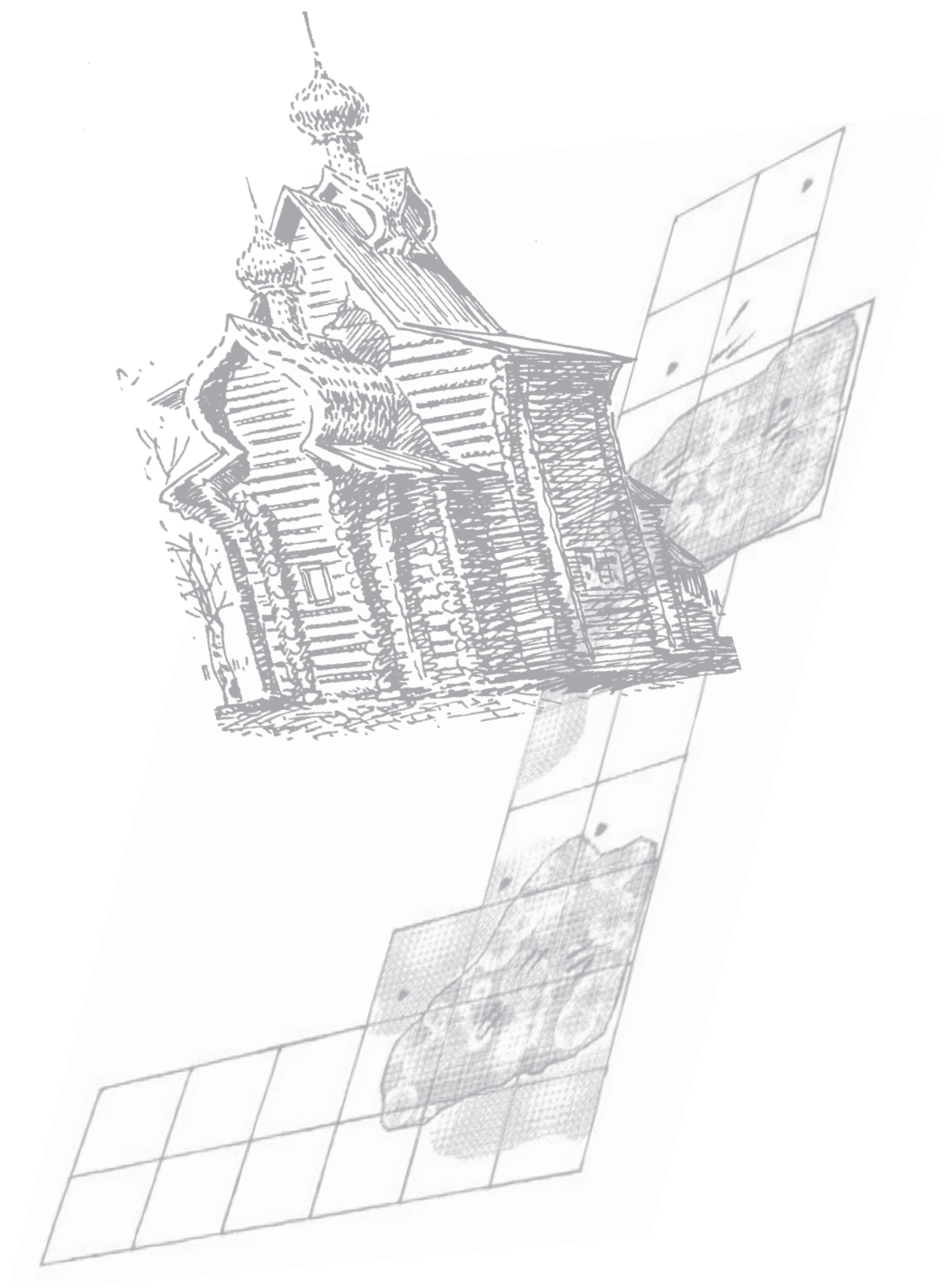
Рис. 9 Браслет с растительным орнаментом из могильника Зеленый Яр

Рис. 10. Щиток для защиты руки от тетивы с изображением фантастических животных

Рис. 11. Щиток для защиты руки от тетивы с изображением рыб

**Е.Л. Лычагина,
В.В. Мингалев
МОГИЛЬНИК ПОСЁР
XVIII В.**

Обнаружение могильника связано с работами по укреплению берега реки в октябре 2001 г., в ходе которых из осыпи берега выпадали многочисленные человеческие кости. Школьниками посерской школы было найдены в осыпи три черепа, вероятно, взрослых (по мнению О.Ж. Гилева). Открывателем могильника является учитель истории Посёрской школы О.Ж. Гилёв, который обратился в ПГПУ с просьбой прислать специалистов для археологического обследования.

Могильник Посёр, расположен на правобережной коренной террасе р.Обва, вероятно, был ограничен с севера и юга суходольными логами. Несомненно, он продолжается в глубь террасы в деревне Посёр Ильинского района Пермской области. Размеры могильника установить не представляется возможным.

Состояние памятника можно характеризовать как аварийное. В-первых, несмотря на укрепление берега, береговая эрозия продолжается. Во-вторых, территория могильника используется местными жителями под хозяйственные ямы, жилые постройки и огороды.

При осмотре места могильника были обнаружены фрагменты керамики, фрагменты черепа и трубчатые кости человека. В связи с этим было принято решение о за-

ложении разведочной траншеи 16 м² вдоль края террасы в месте обнаружения костей, не занятом огородами.

Почвы относятся к дерново-среднеподзолистым (лессивированным) почвам на суглинистой основе.

Стратиграфия:

Горизонт А₁ - гумусовый. В верхней части содержит многочисленные корни трав, которые в некоторых местах образуют ярко выраженную дернину. Мощность 0,03-0,12 м.

Горизонт А₂ — темно-серый суглинок. Горизонт является пахотным слоем современной деревни. Мощность 0,14-0,36 м.

Горизонт А₃ — светло-коричневый суглинок. Горизонт является пахотным слоем старой деревни. Мощность 0,02-0,38 м.

Горизонт А₄ — серо-коричневый суглинок с углистыми вкраплениями. Горизонт является могильным слоем. Мощность 0,14-0,36 м.

Горизонт А₅ — коричневый суглинистый пестроцвет с углистыми вкраплениями. Горизонт является подстилающий могильный, вероятно, связан с селищем родановского времени. Мощность 0,10-0,18 м.

Горизонт В — иллювиальный, ярко-красная глина с усилением цвета сверху вниз.

В ходе раскопок были обнаружены пять погребений, из которых четыре полностью были раскопаны, пятое погребение не имело костяка и уходило в северную стенку раскопа.

Описание погребений:

Погребение №1 (рис.1). Расположено на квадрате Ж/86. Очертания подовальной могильной ямы

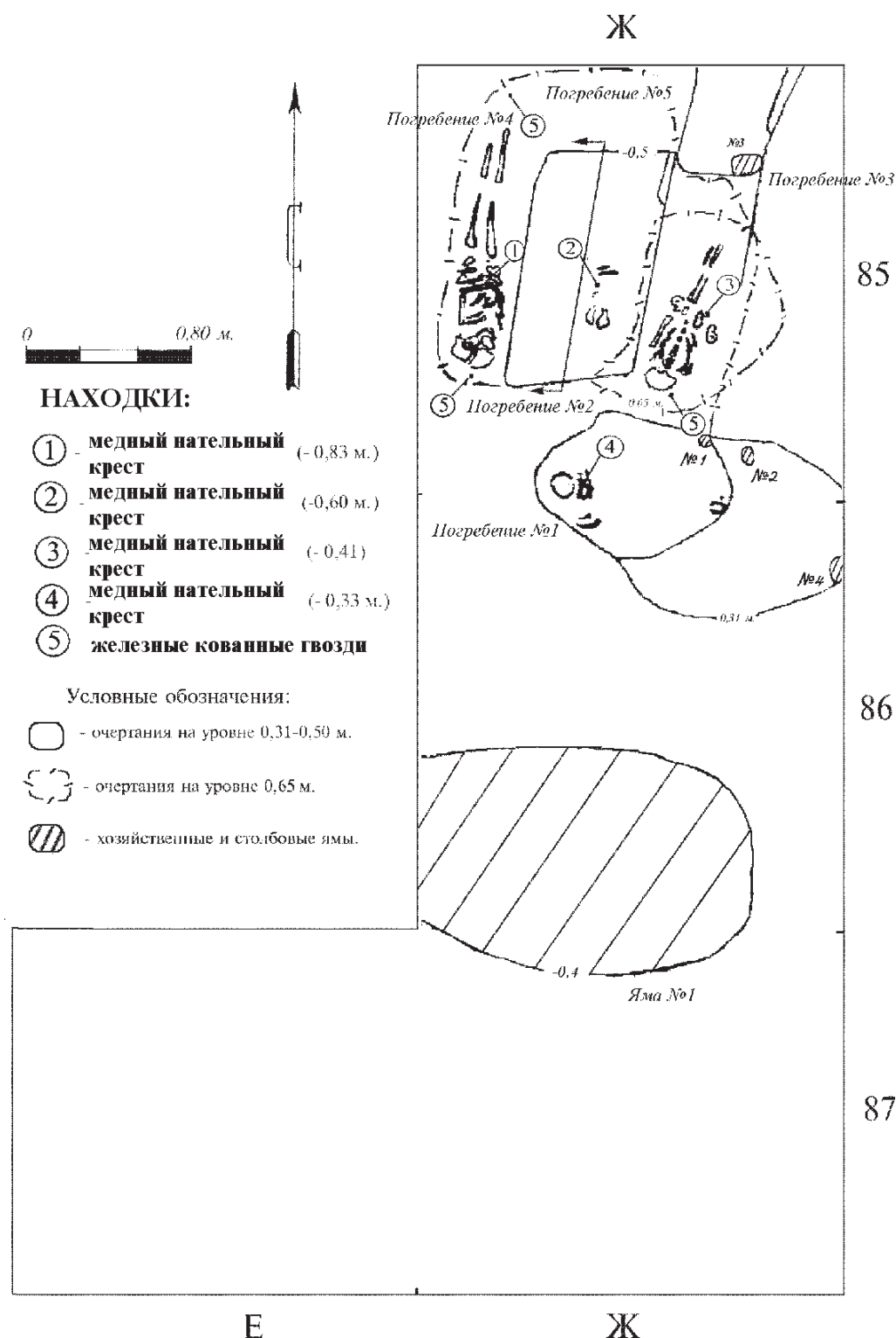

Рис.1. План раскопа на Посерском могильнике

были зафиксированы на 0,31 м от современной поверхности. Размер погребения: 0,68 x 0,90 м. Дно погребения – ровное, фиксируется на

глубине 0,19-0,21 м от уровня фиксации погребения.

Сохранность костяка плохая. Были зафиксированы только кости

верхней части костяка, начиная от пояса, возможно, “частичное” захоронение. Череп расположен перпендикулярно оси позвоночника, что возможно только в случае, если под головой у погребенного находилась подушечка. Костяк лежит на спине прямо, ориентированный по направлению запад-восток, головой к реке.

Представлены кости: фрагменты черепа, лучевые кости, ребра, позвонки, фрагмент лопатки, фрагмент верхней челюсти и фаланги пальцев.

Возраст погребенного: Кости черепа тонкие и хрупкие, что говорит о начальном этапе окостенения. Облитерация метопического шва не произошла, что указывает на возраст менее 3 лет [Тегако Л.И., 1989, с.33]. Передний родничок не зарос, что обычно происходит к 1,5-2 годам [Там же..., с.29]. Из зубов присутствуют только непостоянные (молочные) зубы: медиальные резцы, латеральные резцы, первый моляр. Молочные второй моляр и клыки находятся в зародыше. Достижение первым моляром окклюзивного ряда происходит не позднее 12 месяцев, но в случае неправильного питания может быть существенно замедлено. При обычном развитии второй моляр и клыки достигают окклюзивного ряда не ранее 16-30 месяцев [Там же..., с.33]. Таким образом, можно говорить о возрасте погребенного в диапазоне 12-16 месяцев.

В связи с плохим состоянием костей и малым возрастом погребенного определить пол не представляется возможным.

Нательный крест (рис.3, ф.4). Нательный четырехконечный крест был обнаружен на груди погребен-

ного на глубине 0,33 м. Общая длина креста - 33 мм, длина ушка - 7 мм. Ушко образовано замкнутым кольцом, развернутым под углом в 45-60° к плоскости креста. Крест изготовлен из меди. Поверхность креста сильно коррозирована. На аверсе креста изображен восьмиконечный голгофский крест с пикой и тростью. Из всех клейм читается только правое - “хс7” - “Христос”. Реверс креста сильно коррозирован. Судя по размерам и внешним признакам крест является взрослым. Толщина креста сильно варьируется, внешние края креста неровные, ширина лучей креста увеличивается от сердцевины к концам. Из всех найденных крестов наиболее плохо сохранившийся. Характер изготовления говорит о самостоятельной отливке креста. Крест относится к крестам “поморского” типа и судя по внешним признакам и материалу изготовления может быть датирован нач.XVIII в. [Макаров Л.Д., 1996, с.41]. Крестами “поморского типа” принято называть старообрядческие кресты, которые в верхней части имеют клеймо “ЦР7Ь СВ7” - “Царь Славы”, каждое слово при этом написано в отдельной строке.

Погребение №2 (рис.1). Расположено на квадрате Ж/85. Очертания подпрямоугольной могильной ямы были зафиксированы на глубине 0,62 м от современной поверхности. Размер погребения - 0,60 х 1,08 м. Дно погребения - ровное, фиксируется на глубине 0,18 м от уровня фиксации.

Сохранность костей очень плохая, в связи с чем невозможно определить характер положения костяка в могиле. Судя по очертаниям

погребения костяк был ориентирован по оси юг-север, параллельно реке, против ее течения.

Представлены кости: лучевая, ребра, позвонки, нижняя челюсть, фрагменты черепа.

Возраст погребенного: Определить возраст можно только исходя из наличия зубов (два молочных клыка, медиальный резец, два вторых моляра и постоянный первый моляр). Молочные медиальные резцы и клыки достигли окклюзивного ряда, молочные вторые моляры не достигли, что указывает на возраст не ранее 30 месяцев [Тегатко Л.И., 1989, с.33]. Начинается зарождение первого постоянного моляра, что происходит не позднее 6 лет [Там же..., с.33]. Таким образом, можно говорить о возрасте погребенного в диапазоне 3-6 лет.

В связи с плохим состоянием костей и малым возрастом погребенного определить пол не представляется возможным.

Нательный крест (рис.3, ф.2). Нательный четырехконечный крест был обнаружен на правом крыле таза на глубине 0,60 м. Общая длина креста - 40 мм, длина ушка - 6 мм. Ушко образовано замкнутым кольцом, развернутым перпендикулярно плоскости креста. Крест изготовлен из медного сплава, состав которого неопределим на вид, окислы имеют цвет близкий к бирюзо-

вому. На лицевой части креста изображен восьмиконечный голгофский крест с пикой и тростью, основание креста Голгофа с черепом Адама в центре. В верхней части имеется хорошо сохранившееся клеймо "ЦР7Ь СВ7" - "Царь Славы", каждое слово написано в отдельной строке, в левой части - "Іс7" - "Исус" в правой части - "хс7" - "Христос", в нижней части - "МЛРБ" - "место лобное рай бысть". Нижнее клеймо выполнено с нарушением церковно-славянского языка [Горшков А.И., 2002, с.134], такие клейма были распространены в XVII в. [Шутова Н.И., 1992, с.27]. Судя по размерам и внешним признакам, крест является «взрослым». Толщина около 3 мм. На реверсе креста нечитаемая молитва, каждая

строка которой отделена от предыдущей рельефной полосой. Характер изготовления говорит о высоком качестве отливки, выполненной в технике двустороннего литья. По форме и характеру изготовления крест относится к XVIII-XIX вв. Нижнее клеймо, вероятно, является скопированным с раннего креста. Наиболее вероятная дата - нач. XVIII вв.

Погребение №3 (рис.2). Расположено на квадрате Ж/85. Очертания подпрямоугольной могильной ямы были зафиксированы на глубине 0,65 м от современной поверхности. Размер погребения: 0,68 x 1,08 м. Дно погребения - покатое с юга

Рис.2. План погребения №3

на север, фиксируется на глубине 0,43-0,51 м от уровня фиксации.

Костяк лежит на спине прямо, ориентированный по оси юг-север, параллельно реке, против ее течения. Сохранность костей плохая. Рост покойного ок.0,74 м. Вероятно, руки располагались вдоль тела, череп повернут вправо. Под костяком фиксировались узкие полосы деревянного тлена.

Представлены кости: сильно фрагментированный череп, нижняя челюсть, фрагмент верхней челюсти, полный набор ребер(?), лучевая кость(сломанная пополам), несколько фрагментов неможных трубчатых костей без эпифизов, позвонки.

Возраст погребенного: Облитерация метопического шва произошла не полностью, что указывает на возраст более 3, но менее 6 лет [Тегако Л.И., 1989, с.33]. Передний родничок зарос, что происходит к 2 годам [Там же..., с.33]. Имеется 13 молочных зубов, четыре коренных первых моляра, не включенных в окклюзионный ряд, что указывает на возраст менее 6 лет [Там же..., с.33]. Таким образом, можно говорить о возрасте погребенного в диапазоне 3-6 лет.

Аномалии черепа: правая сторона существенно выгнута, что может быть следствием водянки или гематомы. На левой теменной части черепа имеется отверстие искусственного происхождения, размер которого 26X15 мм.

Пол погребенного: Судя по таким признакам, как хорошо выраженный рельеф подбородка и скул, отчетливо выраженный рельеф мест прикрепления мышц и грушевидное отверстие можно говорить, что череп мужской [Тегако Л.И., 1998,

с.39]. При этом стоит оговориться, что у черепа есть и женские признаки, но они не являются довлеющими.

В погребении был обнаружен кованный железный гвоздь с фрагментами дерева. Длина гвоздя – 90 мм; диаметр шляпки – 17 мм; ширина острия – 4 мм. Толщина доски, которая закрывала гробовище, – 30 мм. Она фиксируется по деревянному тлену на гвозде.

Нательный крест (рис.3, ф.3). Нательный четырехконечный крест был обнаружен на груди покойного (?) на глубине 0,41 м. Общая длина креста - 46 мм, длина ушка – 8 мм. Ушко образованно замкнутым кольцом, развернутым перпендикулярно плоскости креста. Крест изготовлен из меди. На поверхности креста имеются окислы меди - белого и зеленого цветов. На аверсе креста изображен восьмиконечный голгофский крест с пикой и тростью, основание креста Голгофа с черепом Адама в центре. В верхней части имеется сильно коррозированная нечитаемая надпись вероятно - “Царь Славы”, в левой части “Іс7” - “Исус”, в правой части “хс7” - “Христос”, в нижней части сильно коррозированная надпись “с7Б” - “Сыне Божий”. Нижняя надпись нарушает правила написания на церковно-славянском языке, по правилам она должна выглядеть так - “сн7Е Бж7іИ” - “Сыне Божий” или “СН\Ъ Бж7Я” [Церковно-славянская азбука, 1994, с.7-9; Горшков А.И., 2002, с.125-134]. Судя по размерам и внешним признакам, крест является «взрослым». Толщина креста сильно варьируется, внешние края креста неровные, в некоторых случаях видны недоче-

ты отливки. На реверсе креста нечитаемая молитва. Характер изготовления говорит о самостоятельной отливке креста. Крест относится к крестам “поморского” типа и судя по внешним признакам и материалу изготовления может быть датирован нач.XVIII в.

Погребение №4 (рис.1). Расположено на квадрате Ж-85. Очертания подпрямоугольной могильной ямы были зафиксированы на глубине 0,65 м. от современной поверхности. Размер погребения: 0,90x1,44 м. Дно погребения - покатое с юга на север, фиксируется на глубине 0,16-0,20 м. от уровня фиксации.

Костяк лежит на спине сориентирован по оси юг-север, параллельно реке, против ее течения. Сохранность костей плохая. Рост покойного ок.1,14 м. Руки погребенного были согнуты в локтях и расположены на животе.

Представлены кости: нижняя челюсть, сильно фрагментированный череп, фрагмент верхней челюсти, полный набор ребер(?), лучевая кость(сломанная пополам), несколько фрагментов немошных трубчатых костей без эпифиза, позвонки.

Возраст погребенного: Облитерация метопического шва произошла не полностью, что указывает на возраст менее 3, но не более 6 лет [Тевако Л.И., 1989, с.33]. Передний родничок зарос, что происходит к 2 годам [Там же..., с.33]. Имеется 10 молочных зубов и два постоянных медиальных резца и два первых моляра, не включенных в окклюзионный ряд, что указывает на возраст не менее 6 лет, но не более 7 лет [Там же..., с.33]. Таким обра-

зом, можно говорить о возрасте погребенного ок.6 лет.

В связи с плохим состоянием костей и малым возрастом погребенного определить пол не представляется возможным.

Нательный крест (рис.3, ф.1). Нательный четырехконечный крест был обнаружен на правом крыле таза на глубине 0,83 м. Общая длина креста - 48 мм, длина ушка — 9 мм. Ушко образовано незамкнутым кольцом, развернутым перпендикулярно плоскости креста. Крест изготовлен из меди. На поверхности креста кроме окислов меди (белого цвета) имеются также окислы железа, происхождение которых не поддается объяснению. На аверсе креста изображен восьмиконечный голгофский крест с пикой и тростью, в верхней части имеется сильно коррозированная нечитаемая надпись, вероятно - “Царь Славы”, в левой части “Іс7”, в правой части “хс7”, в нижней части имеется коррозированное изображение черепа Адама, а вместо надписи под титлом “Сыне Божий” прочерчен четырехконечный крест, отделенный от голгофского креста горизонтальными прочерченными линиями, в нижней части также имеется линия. Судя по размерам и внешним признакам, крест является «взрослым». Толщина креста сильно варьируется, внешние края креста неровные. На реверсе креста сильно коррозированная нечитаемая молитва. Характер изготовления говорит о самостоятельной отливке креста. Крест относится к крестам “поморского” типа и, судя по внешним признакам и материалу изготовления, может быть датирован нач. XVIII в.

Могильные ямы погребений № 3 и 4 верхней части образуют общую яму.

Погребение №5. Расположено на квадрате Ж/85. Очертания подпрямоугольной могиленной ямы были зафиксированы на глубине 0,50 м от современной поверхности. Размер погребения – неопределим, уходит в северную стенку раскопа. Ширина – 0,40 м. Дно погребения – ровное, фиксируется на глубине 0,22 м от уровня фиксации. Костяка в погребении не обнаружено.

Анализ погребального комплекса:

Большая часть погребенных (три из четырех) захоронены в могильных ямах глубиной ок.0,20 м. Погребение №3 единственное имеет глубину ок.0,50 м. Малую глубину погребений до 0,50 м. имели так же детские старообрядческие погребения XVIII в. на Нердвинском могильнике [Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. 2001, с.49-50]. Это, скорее всего, является общей чертой для детских христианских погребений XVII-XVIII вв.. Южная ориентация трех костяков, при всей необъяснимости не является необычной, такую же ориентацию имеют старообрядческие погребения на Егошихинском кладбище г.Перми.

Возрастной характер погребений на могильнике Посёр (дети в возрасте 1-6 лет), не может указывать на узкую специализированность могильника, так как выборка является нерепрезентативной. Кроме того, для XVII-XVIII вв. характерно преобладание детских погребений над взрослыми [Шутова Н.И., 1992, с.95]. Например, по Пермской губернии показатель смертности детей до 5 лет в 1867-

1910 гг. колебался 40,2-54,5 % всех умерших [Шутова Н.И., 2001, с.140]. При этом авторы отмечают, что и эти данные являются приуменьшенными из-за неудовлетворительного учета умерших статистическими комиссиями [Там же..., с.140]..

Обычно датировка христианских некрополей дается по нательным крестам. Всего было найдено 4 нательных креста. Все они датируются нач.XVIII в.

При этом данная датировка - XVIII в., на наш взгляд, является весьма условной, т.к. в старообрядческой среде бытование древних вещей может быть весьма растянуто во времени. Крест же, как дифференцирующая вещь (т.е. отличающая старообрядца от нестарообрядца), может долго сохранять ранние формы.

Весьма интересно местонахождение нательных крестов относительно костяков - три из четырех найдены на тазу погребенных. Кроме того, все кресты являются «взрослыми». Интерпретировать данные факты с исторической точки зрения сложно. Можно предположить, что погребенные не были крещены, тогда вполне понятно, почему крест находится не на шее, а на тазу. По русской традиции некрещеных детей хоронили у себя в огороде или погребу, а в могилу клали крест родителей, при этом крест ни в коем случае нельзя было вешать на шею погребаемому [Зеленин Д.К., 1995, с.70-73].

Уточнить социально-конфессиональную принадлежность могильника помогли сведения, полученные от местных жителей, которые в дальнейшем подтвердились архивными данными.

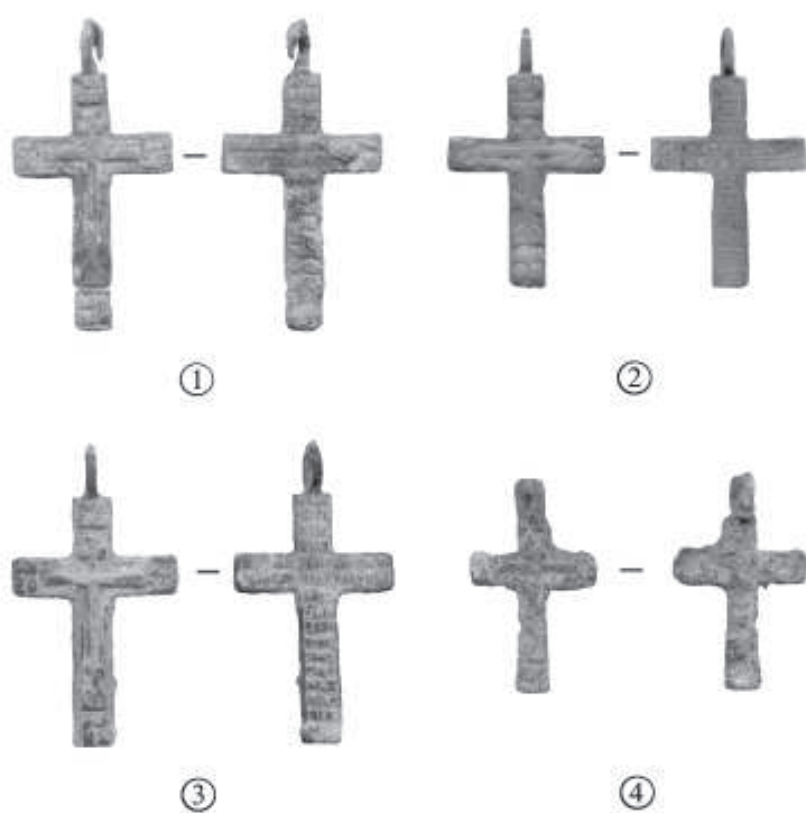

Рис.3. Могильник Посёр. Нательные кресты.

Жители дер. Посёр утверждают, что раньше на месте деревни проживали “красноверы”, и могильник, скорее всего, принадлежит им. По архивным данным, деревня Посёр (по документу Посерское) может быть датирована XVIII в., т.к. упоминается в экономическом описании Пермской губернии 1800 г. [ГАПО ф.39, оп.4, д.3 л.56]. По сведениям, полученным от местных жителей, старая деревня Посёр была покинута в нач. XX в., их подтверждают клировые ведомости Богородицко-казанской единоверческой церкви, к которой была приписана деревня, по ним с 1917 г. деревня Посер или Мальцево перестает упоминаться в списке деревень, приписанных к церкви [ГАПО, ф.195, оп.1, д.46 л.52]. Мальцево, более позднее название деревни, вероятно, появилось где-то в конце XIX в., т.к. в начале XIX в. в источниках фигурирует название Посер. Повторно деревня была заселена уже после революции - в 1930-е гг. Стратиграфия подтверждает полученные сведения, так как в профиле четко фиксируется два пахотных горизонта. Согласно первым советским планам деревни, на месте могильника показаны жилые постройки, т.е. в это время о существовании могильника уже не помнили.

“Красноверами” в Прикамье принято называть старообрядцев, принадлежащих к согласию странников (бегунов) [Словарь..., 2000, с.434; Черных А.В., 2001 с.144].

Этой информации тем более можно верить, что с Ильинское и его окрестности в XIX в. считались главным центром согласия бегунов в Прикамье [ГАПО, ф.95, оп.1, д.6, л.8].

Старообрядческое согласие странников или бегунов характеризуется учением о приходе в мир духовного антихриста. Всех иноверцев странники считают слугами антихриста, а их вещи “печатами антихриста”. В связи с тем, что для вероучения бегунов характерна проповедь полного социального нигилизма, призыв разорвать все связи с обществом, не иметь дома, они вынуждены постоянно странствовать и скрываться. При этом в иерархическом плане странники делятся на странников и странноприимцев: если странникам запрещено общение с миром, то странноприимцам разрешено общаться и даже посещать новообрядческие службы, основная их задача скрывать странников от властей и обеспечивать их всем необходимым [Мальцев А.И., 1996; Энциклопедия... 1996, с.409, 413-420]. Пермский край являлся крупным центром странников-иерархитов, существование целых деревень странноприимцев не является чем то необычным [Пушвинцев И., 1928, с.20].

Отношения к захоронениям у бегунов также отличалось от других старообрядческих согласий: они устраивали захоронения в тайных местах, никак не отмечая могилы, иногда захоронения производили прямо на огородах [Черных А.В., 2001, с.144; Энциклопедия... 1996, с.414-415].

Принадлежность могильника Посёр старообрядцам странникам-иерархитам может считаться основной версией конфессиональной принадлежности памятника. Единственным фактом, противоречащим этому выводу, является то, что в двух погребениях использовали же-

лезные кованые гвозди для заколачивания гроба (погребения №3 и №4), а это не характерно для старообрядческих погребений [Макаров, 2001, с.42].

Подводя итог написанному, мы можем высказать две гипотезы относительно данных детских захоронений. Первая, что это захоронение так называемых заложенных покойников или некрещеных детей. Вторая, что это захоронения старообрядцев-странников. Верификация двух гипотез еще предстоит, но уже сейчас можно говорить, что открытый могильник Посёр является уникальным погребальным комплексом XVIII в., который больше поставил вопросов, чем дал ответов.

Раскопки данного могильника еще раз подтвердили мнение многих специалистов о том, что, к сожалению, мы лучше можем интерпретировать памятники глубокого прошлого, чем недавнего. Причиной такой ситуации является малая заинтересованность археологических научных кругов в изучении памятников позднего средневековья и нового времени. Возможно, раскопки данного памятника, находящегося в аварийном состоянии, помогут открыть завесу тайны над ближайшим нашим прошлым.

**С.И. Коренюк,
А.Ф. Мельничук
ИЛЬИНСКИЙ
НЕКРОПОЛЬ –
ХРИСТИАНСКОЕ
КЛАДБИЩЕ
С ЯЗЫЧЕСКИМИ
ТРАДИЦИЯМИ
В ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XVI - ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА XVII ВВ.)**

В сравнении Среднего Поволжья и Удмуртии, где в последние десятилетия изучены поздние погребальные комплексы финского населения XVI – XIX вв. (исследования М.Г.Ивановой, И.Г.Шапран, Т.Б.Шикаевой, Н.И.Шутовой) с выразительной языческой обрядностью, на территории Верхнего Прикамья подобные поздние некрополи древних коми-пермяков до сих пор целенаправленно не изучались. Однако к настоящему времени накопились источники, свидетельствующие о не простом характере формирования в период русской колонизации Перми Великой христианской погребальной обрядности, которая была значительно осложнена старыми языческими традициями аборигенного коми-пермяцкого населения (Мельничук, Коренюк. 1996. С. 162-168).

Подобным ярким археологическим источником является Ильинс-

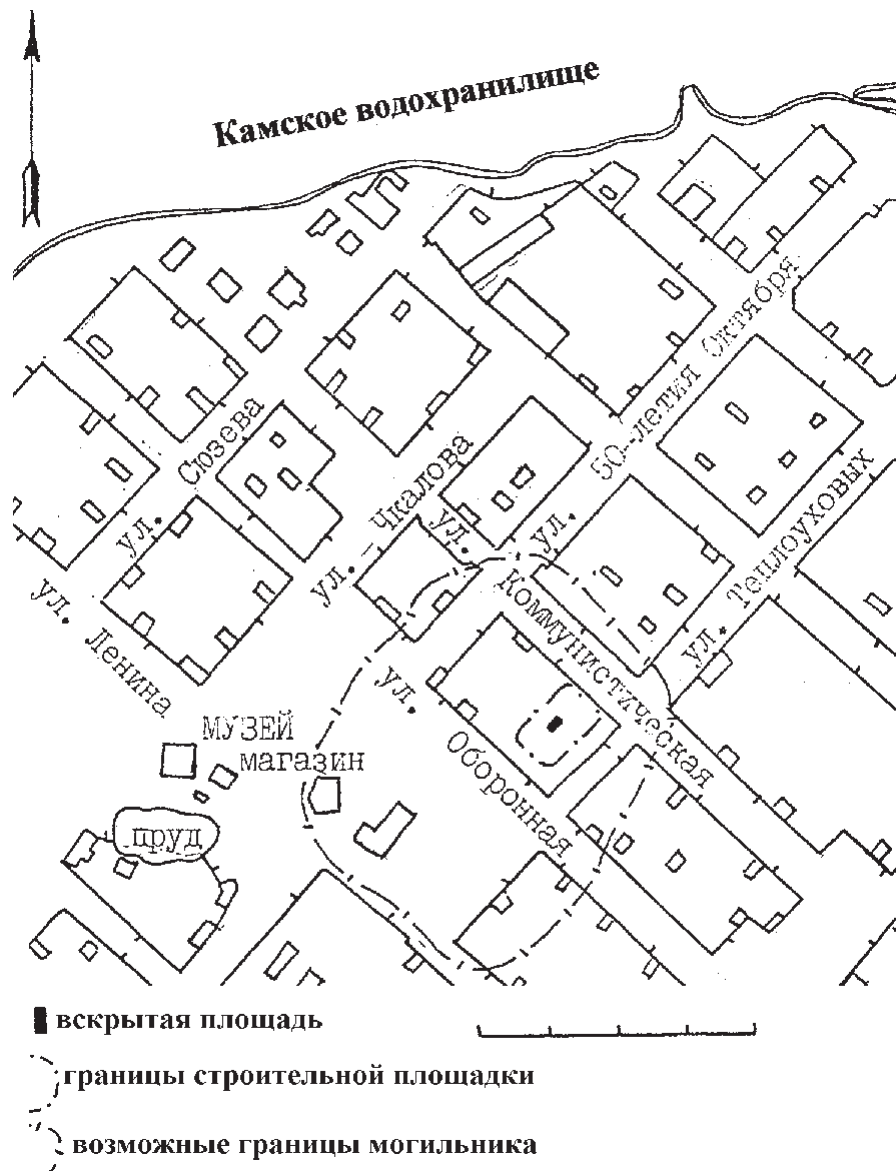

Рис.1. Местоположение Ильинского некрополя.

кий некрополь, неожиданно выявленный в начале октября 1994 г. в ходе возведения котлована под жилое здание в исторической части поселка Ильинский Пермской области. Точную площадь могильника установить невозможно. Скорее всего, его ранняя часть (XVI-XVII вв.) тяготела к кварталу, расположенному на пересечении улиц Оборонная, Коммунистическая, Теплоухова и 50-летия Октября (рис. 1).

Первоначально могильник был осмотрен в начале октября 1994 г.

А.Ф.Мельничуком, который в обнажениях строительного котлована зафиксировал остатки разрушенных погребений, часть из которых располагалась в 2 и даже 3 яруса. Им было установлено хорошая сохранность антропологического материала, а также и то, что погребенные располагались в сильно сгнивших деревянных гробах или корытцах. Часть умерших была завернута в бересту, что позволяло предполагать ранний возраст погребений, относящихся к начальному

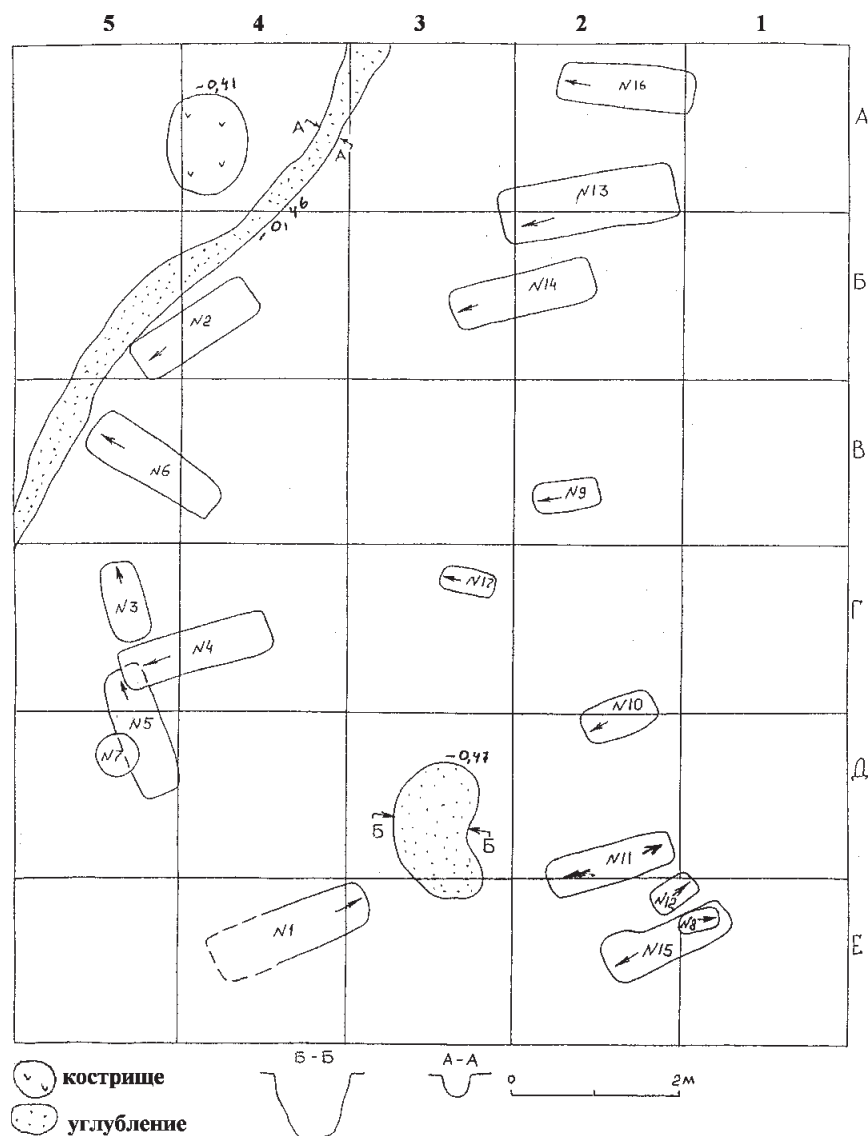

Рис.2. Ильинский некрополь. Схема раскопа.

периоду освоения русским населением Обвинского поречья (XVI-XVII вв.), в сравнении с поздними христианскими кладбищами XVIII-XIX вв.

В результате изучения картографического материала, хранящегося в фондах Ильинского краеведческого музея, было установлено, что уже к 1846 г. о древнем кладбище в пределах пересечения современных улиц Оборонная и Теплоухова местному населению ничего не было известно. На карте 1846г., любезно предоставленной

сотрудником краеведческого музея О.И.Отавиным, хорошо отражена планировка с. Ильинское - центра вотчины Строгановы в XVIII- XIX вв. На месте выявленного в 1994 г. некрополя в 1846 г. находились рядовые крестьянские усадьбы. Правда, по данным О.И.Отавина, в соседнем квартале по ул. Оборонной, к югу от памятника, до революции 1917 г. располагался деревянный знак, который определял место находившейся в этом месте ранее деревянной часовни. Видимо, здесь была южная граница самого ста-

рого христианского кладбища на территории с. Ильинское .

В ходе изучения письменных и картографических источников нами было выдвинуто предположение, что обнаруженный при строительных работах христианский некрополь является остатками кладбища погоста Обва, упоминаемого в переписи Яхонтова 1579 г. В 1678 г. этот населенный пункт в письменных источниках звучит как погост Ильинский, что связано с возведением, видимо, в середине XVII в. здесь деревянной церкви Ильи Пророка, на месте которой в 1775 г. был сооружен каменный храм. Именно в середине XVII в. могла произойти передислокация кладбища к юго-востоку в сторону церкви Ильи Пророка, вплоть до ул.Ленина. Таким образом, мы можем предполагать, что зафиксированные нами захоронения относятся как минимум к середине XVII в., а отмечая крайнюю их архаичность, то и, возможно, к временам переписи Яхонтова (вторая половина XVI в.). Учитывая, что столь ранние христианские некрополи Верхнего Прикамья изучены очень слабо, на Ильинском кладбище были проведены аварийные археологические исследования.

Работы финансировались Краснокамским НГДУ "Пермнефть". К началу охранных археологических работ строительный котлован был практически раскопан. Оставался нетронутым лишь небольшой участок, площадью 120 кв. м в центре строительной площадки, которую было необходимо срочно изучить, так как финансирование строительных работ в 1995 г. замораживалось. В связи с этим полевые исследования проводились во второй

половине октября — первой половине ноября 1994 г. при крайне неблагоприятных погодных условиях (дождь, заморозки).

Всего на площади останца в центре строительного котлована изучено 17 погребений и выявлена одна жертвенная яма, остатки рва, один грунтовый очаг.

Описание погребений.

Погребение 1 (уч. Е/ 3-4, гл. фиксации 40 см) зафиксировано в южной части раскопа (рис. 2; 3,1). Его заполнение - темно-серый суглинок. Подпрямоугольная могильная яма (2,0 х 0,65м) была углублена в коричневатую-красноватую глину на 35 см. Остатки костяка сохранились в восточной части могилы. Кости погребенного сильно разрозненны. Сохранились лишь фрагменты ребер, тазовых костей, нижних конечностей и раздавленный череп. Погребение ориентировано на восток с небольшим отклонением к северу. К югу от черепа расчищены измельченные фрагменты стенок гончарной неорнаментированной посуды. Остатков деревянной конструкции в виде гроба или колоды не выявлено. Возможно, погребение было завернуто в бересту.

Погребение 2 (уч. Б/4-5, гл. фиксации 40 см) зафиксировано в северо-западной части раскопа (рис. 3) .Его заполнение — темно-серый суглинок с угольками. Подпрямоугольная могильная яма (1,63 х 0,59м) углублена в материковую коричневатую-красную глину на 35-36 см. Кости погребенного сильно разрозненны. В центральной части могилы зафиксированы фрагменты берцовых и тазовых костей. Мелкие фрагменты черепа выявлены в за-

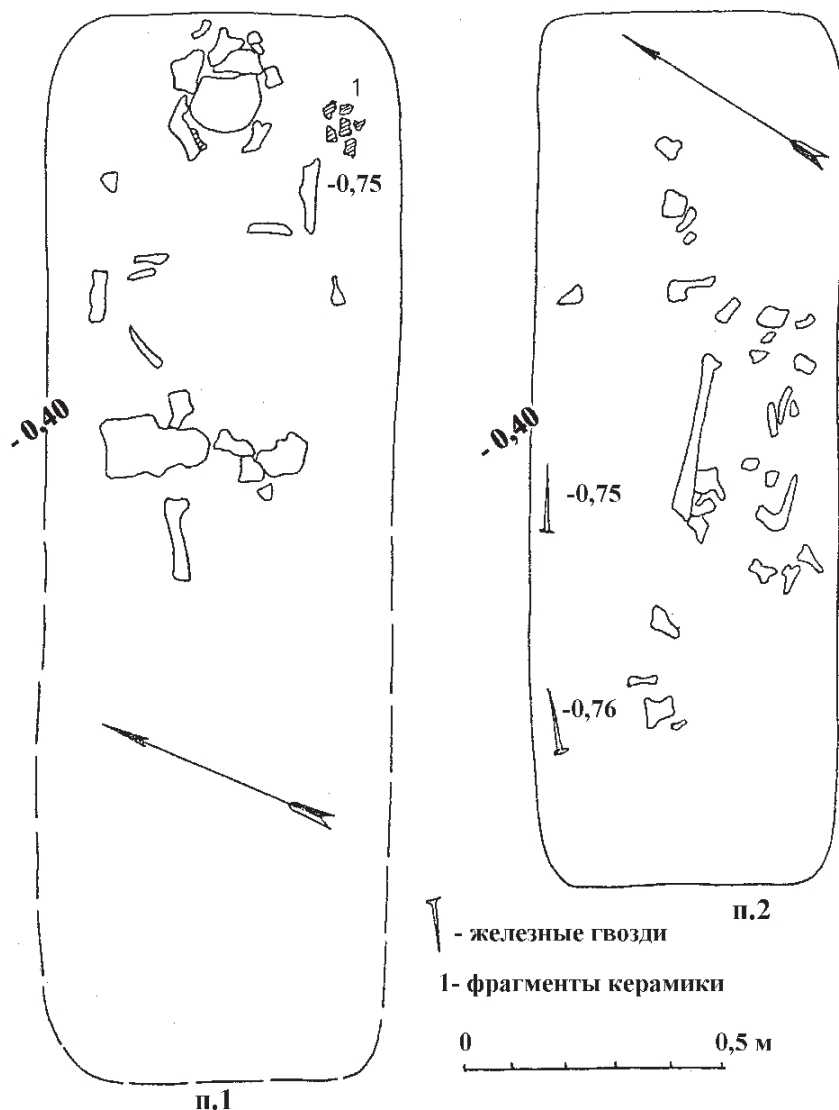

Рис.3. Ильинский некрополь. Погребение 1-2.

падной части погребения, что позволило установить его предположительную ориентировку. По краям могилы едва прослеживался древесный тлен от гроба, в котором у северо-западной границы погребения найдено два кованых железных гвоздя.

Погребение 3 (уч. Г/5, гл. фиксации 41 см) выявлено в западной части раскопа (рис. 4). Заполнение — темно-серый суглинок с угольками. Подпрямоугольная могильная яма (1,09 x 0,54 м) обладала глубиной 43-44 см. Кости погребенного разрозненны. Судя по размерам

могильной ямы и антропологическим остаткам, в могиле захоронен ребенок. По сохранившимся костям черепа определена ориентировка погребения - северная с небольшим отклонением к западу. Ближе к восточной стенке могилы найден железный кованый гвоздь. Еще два кованых железных гвоздя обнаружено близ южной стенки могильной ямы. Близ фрагментов костей ребер в северо-западной части погребения найден медный нателный крест (рис. 8, ф.11). Остатки древесного тлена не сохранилось. Однако наличие в могиле кованых

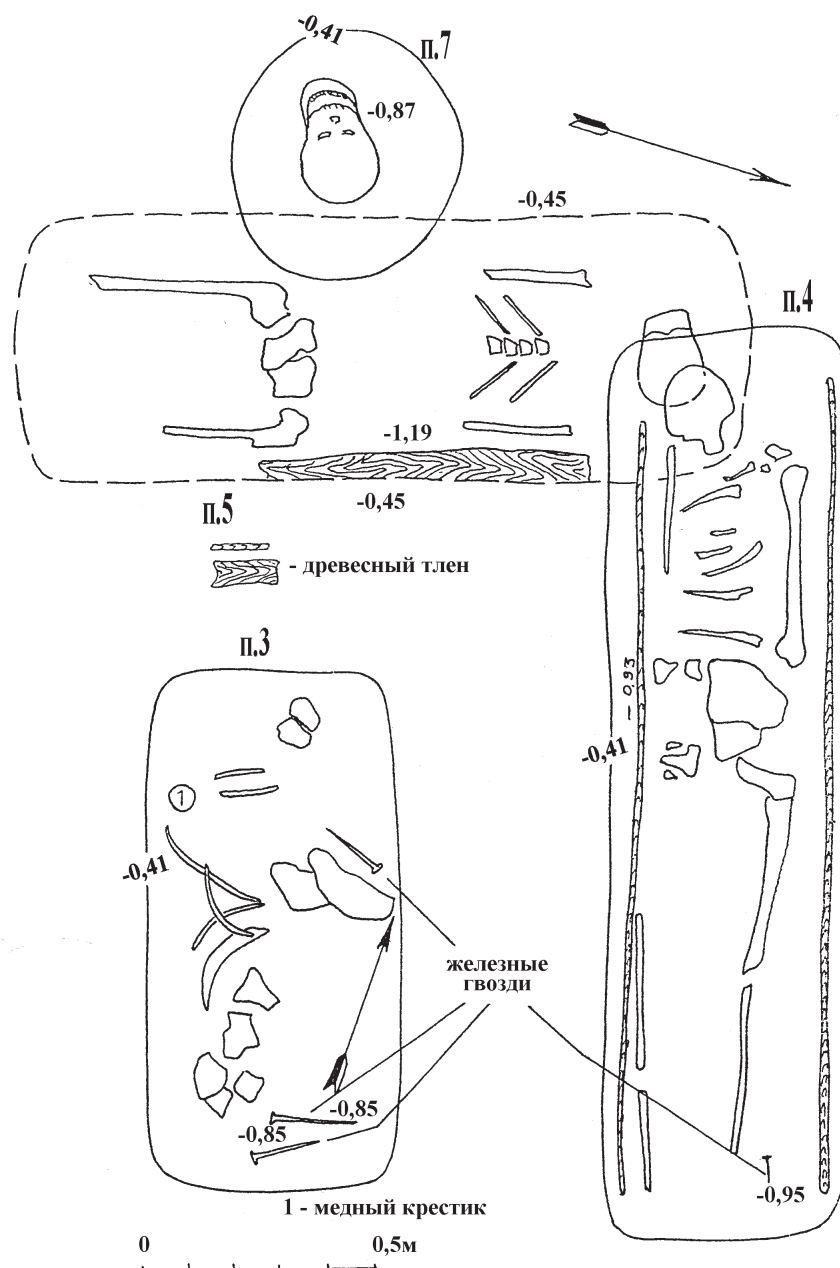

Рис.4. Ильинский некрополь. Погребения 3-5,7.

гвоздей свидетельствует о том, что погребенный ребенок был захоронен в небольшом гробу.

Погребение 4 (уч. Г/4-5, гл. фиксации 41 см) располагалось к югу близ погребения 3 и было заполнено темно-серым суглинком (рис. 4). Его размеры 1,9 х 0,51м. Могила углублена в коричневатую красную глину на 54-55 см. Кости погребенного располагались в анатомическом порядке и сохранились относи-

тельно хорошо. Правда, были значительно потревожены кости правых верхней и нижней конечностей скелета. Ориентировка погребенного западная, с небольшим отклонением к югу. Вдоль краев могильной ямы отмечались следы древесного тлена от плах или досок (остатки гробовища). Ширина древесного тлена достигала 3-4 см. У левой берцовой кости скелета найден кованый железный гвоздь. Погре-

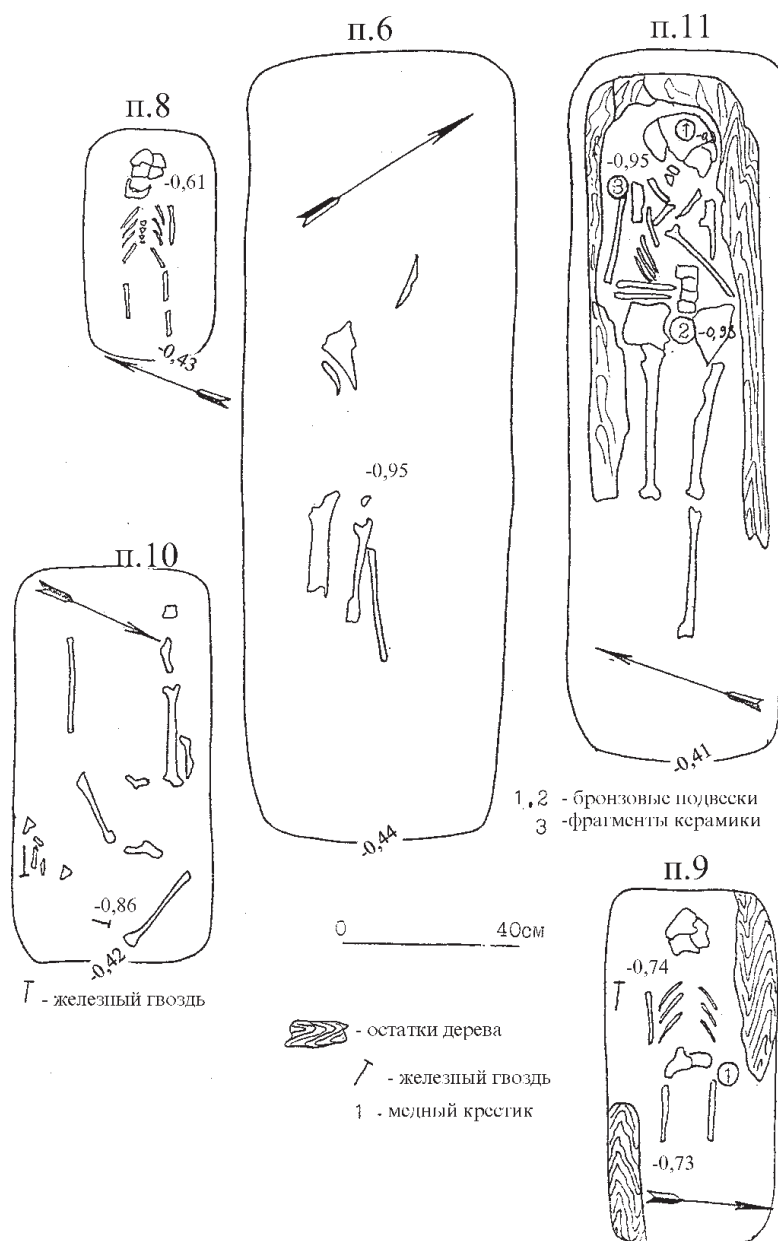

Рис.5. Ильинский некрополь. Погребения 6, 8-11.

бение 4 своим юго-западным углом частично перекрывало погребение 5.

Погребение 5 (уч. ГД/5, гл. фиксации 45 см). Заполнение могильной ямы - темно-серый суглинок. Ее размеры — 1,57 x 0,55 м (рис. 4). Глубина захоронения — 74-75 см. Кости погребенного, хотя сохранились не полностью (отсутствовали часть костей нижних и верхних конечностей, а также позвоночника), но рас-

полагались в анатомическом порядке. Однако череп был сильно завален в восточную сторону, что могло быть связано с влиянием погребения 4, частично перекрывшего северо-восточный угол могильной ямы захоронения 5. В целом ориентировка погребения северная с небольшим отклонением к западу. Ближе к дну могильной ямы у ее восточной стенки сохранился древесный тлен от гробовища или колоды,

ширина которого достигала 8 см.

Погребение 6 (уч. В/4-5, гл. фиксации 44 см), выявленное в западной части раскопа, было заполнено темно-серым суглинком (рис. 5). Моги́льная яма имела размеры 1,75 х 0,61 м и была углублена в материковый слой на 50-51 см. Кости захоронения сохранились крайне плохо. Выявлены только фрагменты разрозненных поврежденных костей верхних и нижних конечностей скелета. Ближе к северо-западной части оконечности моги́льной ямы был отмечен фрагмент черепной крышки человека, находка которой и определяет ориентировку погребения.

Погребение 7 (уч. Д/5, гл. фиксации 41 см) выявлено в западной части раскопа (рис. 4). Моги́льная яма в плане неожиданно обладала округлой формой, диаметром до 52 см. Ее глубина 48 см. На дне моги́льной ямы выявлено захоронение только одного черепа, ориентированного на восток. Погребение 7 частично перекрывает западный край погребения 4. Характерно, что в погребении 4 череп покойного завален в сторону востока, что, возможно, не случайно.

Погребение 8 (уч. Е/1, гл. фиксации 43 см) выявлено в юго-восточной части раскопа (рис. 5). Его заполнение темно-серый суглинок с угольками, а размеры 0,5 х 0,3 м. Глубина захоронения - 19-20 см. В моги́льной яме погребен ребенок младенческого возраста, скелет которого располагался в анатомическом порядке и был завернут, скорее всего, в лубяную кору, о чем свидетельствуют мелкие ее фрагменты. Ориентировка погребения восточная. Захоронение младенца

перекрывало восточную часть погребения 15, т.е. являлось впускным.

Погребение 9 (уч. В/2, гл. фиксации 42 см) находилось в центральной части раскопа (рис. 5). Его заполнение - темно-серый суглинок. Моги́льная яма (0,78 х 0,39 м) углублена в материк на 33 см. Погребение детское. Костяк ребенка сохранился относительно хорошо и ориентирован головой на запад. На дне моги́льной ямы вдоль краев отмечались остатки деревянного гробовища в виде досок шириной до 10 см и толщиной до 3 см. У южной стенки найден кованый железный гвоздь. Слева между тазовой и бедренной костями был обнаружен медный нательный крест (рис. 8, ф.15).

Погребение 10 (ГД /2, гл. фиксации 42 см) выявлено в южной части раскопа (рис. 5) Его заполнение — темно-серый суглинок. Моги́льная яма, размерами 0,88 х 0,45 м, углублена в материк на 44-45 см. Погребение детское. Костяк погребенного чрезвычайно сильно разрознен и, судя по беспорядочному расположению костей, искусственно перемешан. Определить ориентировку захоронения достаточно сложно. В юго-западной части моги́льной ямы найден мелкий фрагмент черепной крышки ребенка, который, скорее всего, и определяет ориентировку погребения. Ближе к северо-восточному краю захоронения найден железный кованый гвоздь.

Погребение 11 (уч. ДЕ/2, гл. фиксации 41 см) располагалось в южной части раскопа (рис. 5). Его заполнение - темно-серый суглинок. Моги́льная яма (1,57 х 0,5 м) углублена в материковый слой на

Погребение 12 (уч. ДЕ/1-2, гл. фиксации 41 см) находилось в южной части раскопа и располагалось между погребениями 11-15 (рис. 6). Его заполнение — темно-серый суглинок с угольками. Могильная яма обладала размерами 0,6 х 0,37 м и была углублена в материковую глину на 31-32 см. В могиле выявлен костяк ребенка младенческого возраста. Кости скелета плохо сохранились, но располагались в анатомическом порядке. В северо-восточной части погребения сохранились остатки древесного тлена от гробовища шириной до 13 м. В ногах погребенного младенца отмечена овальная углистая линза, размерами 0,1 х 0,09 м толщиной до 2 см. Ориентировка захоронения восточная с отклонением к северу.

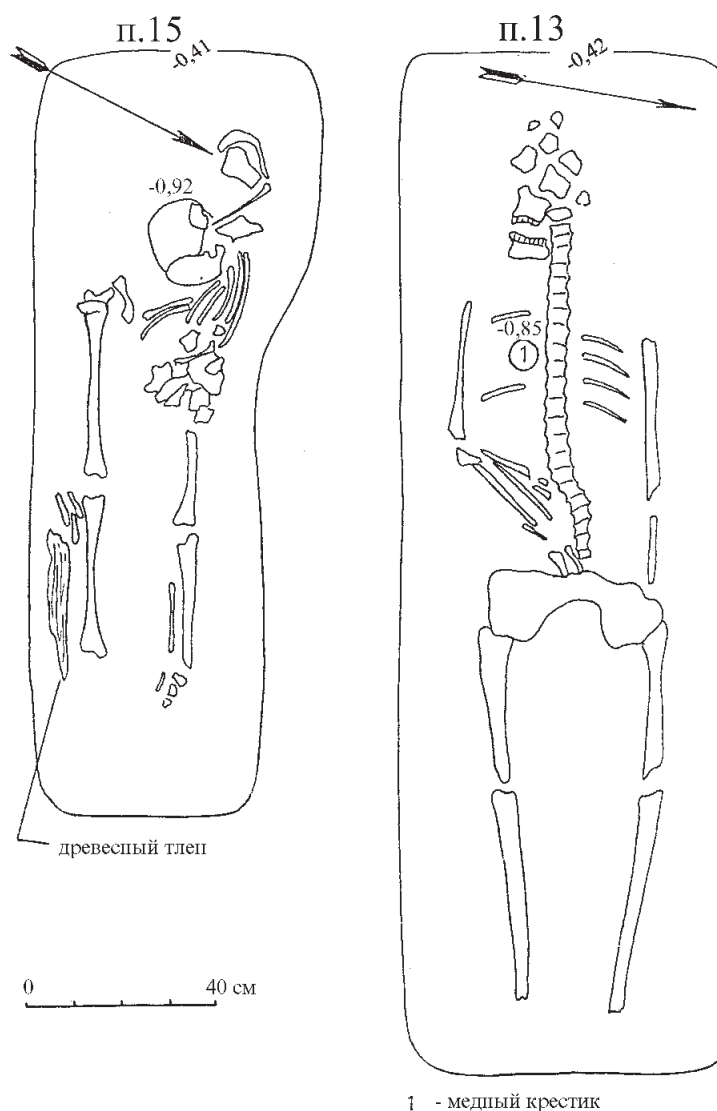
Погребение 13 (уч. АБ/2-3, гл. фиксации 42 см) выявлено в северной части раскопа (рис. 7). Его заполнение — темно-серый суглинок. Могильная яма (2,14 х 0,69 м) углублена в материк на 43-44 см. Скелет погребенного сохранился неплохо и располагался в анатомическом порядке. Правая верхняя конечность слабо изогнута в локте и уложена в области тазовых костей, а левая вытянута вдоль костяка. Череп сильно поврежден и смещен лицевыми костями к югу. В области правой грудной клетки найден крупный нательный крест (рис. 8, ф.14). Ориентировка погребения западная с небольшим отклонением к югу.

Погребение 14 (уч. Б/1-2, гл. фиксации 41 см) расчищено в северной части раскопа (рис. 6). Заполнение могильной ямы (1,79 х 0,55 м) — темно-серый суглинок с угольками. Она углублена в материк на

53 см. Кости погребенного сохранились относительно хорошо. Не сохранилась лишь правая плечевая кость верхней конечности. Правые лучевая и локтевая кости верхней конечности смещены и располагались в области грудной клетки и позвоночника. Левая конечность была изогнута в локте и уложена в области тазовых костей. Череп под тяжестью земли раздавлен и смещен лицевыми костями к югу. В погребении со всех сторон хорошо сохранился древесный тлен, шириной до 3 см от гробовища, скрепленного с юга двумя, а с запада одним кованым железным гвоздем. Поверх захоронения сохранился древесный тлен от досок гробовища, шириной до 10 см. В области первого шейного позвонка найден медный нательный крест (рис. 8, ф.9). Ориентировка погребенного — западная с небольшим отклонением к югу.

Погребение 15 (уч. Е/1-2, гл. фиксации 41 см) выявлено в южной части раскопа (рис. 7). Его заполнение — темно-серый суглинок с угольками. Могильная яма (1,6 х 0,6 м) углублена на 53 см. Ее очертания с севера были слабо изогнуты. Кости черепа и верхней части туловища сильно смещены к востоку. У южного края могильной ямы отмечались остатки древесного тлена от гробовища, шириной до 5 см. Ориентировка погребения — западная с заметным отклонением к югу. В восточной части захоронение перекрывалось впускным погребением младенца (№ 8).

Погребение 16 (уч. А/1-2, гл. фиксации 43 см) располагалось в северной части раскопа и имело в заполнении темно-серый суглинок с угольками (рис. 6). Могильная яма

1 - медный крестик

Рис. 7. Ильинский некрополь. Погребения 13, 15.

(1,58 x 0,53 м) углублена в материк на 55 см. Скелет погребенного расположен в анатомическом порядке и сохранился относительно неплохо. Отсутствуют лишь малоберцовые и пяточные кости нижних конечностей. Верхние конечности скелета изогнуты в локтях и уложены крест на крест в области тазовых костей. На дне могильной ямы отмечался древесный тлен от гробовища, шириной 7 см. В пределах погребения в средней части позвоночного столба найден медный нагательный крест (рис. 8, ф. 8). Ориен-

тировка погребенного — западная с небольшим отклонением к северу.

Погребение 17 (уч. Г/3, гл. фиксации 43 см) выявлено в центре раскопа (рис. 6). Заполнение могильной ямы (69 x 0,3 м) — темно-серый суглинок с угольками. Глубина могильной ямы 33-34 см. В захоронении расчищен скелет ребенка младенческого возраста, у которого кости нижней его части значительно смещены к северу, а череп раздавлен, видимо, под действием тяжести земляной насыпи.

Слева и справа у раздавленного черепа младенца найдено по кованому железному гвоздю. Два кованых железных гвоздя обнаружено у нижних конечностей. Ребенок, вероятно, был захоронен в небольшом гробу, следы которого не сохранились. В области грудной клетки найден медный нательный крест. Ориентировка погребенного — западная с небольшим отклонением к северу.

Кроме погребений на площадке Ильинского некрополя изучены другие отдельные объекты.

В южной части раскопа (уч. ДЕ/3, гл. фиксации 47 см) между погребениями 1 и 11 изучены остатки овальной ямы (1,55 x 0,97 м), заполненной темно-серым суглинком с угольками (рис. 2). В разрезе она имела овальное дно и крутые, почти отвесные стенки. Ее глубина достигала 80 см. На дне ямы найдены раздробленные кости животных.

В северо-западной части раскопа отмечены очертания ровика, ориентированного по оси СВ-ЮЗ (уч. А/3-4, Б/4, В/5, гл. фиксации 46 см). В длину ров прослежен на 7,66 м (рис. 2). Остальная часть его разрушена строительным котлованом. Ширина объекта варьировалась в пределах 45-80 см, а глубина 26-30 см. Заполнение рва — темно-серый суглинок без находок. К нему вплотную примыкали погребения 2 и 6. В 20 см к СЗ от рва (уч. А/-5, гл. фиксации 41 см) расчищены остатки крупного овального кострища (1,16 x 1,03 м.), мощностью до 5 см (рис. 2).

Описание вещественного материала Ильинского некрополя.

В ходе охранных исследований

в погребениях Ильинского некрополя обнаружено 6 медных нательных крестов.

1. Медный нательный крест с подквадратным ушком (детское погребение 3) имеет изображение на лицевой стороне восьмиконечного голгофского креста (рис. 8, ф.11). Титлы по округлым краям креста из-за окислов металла не читаемы. Тыловая сторона не имеет изображений. Его высота 2,2 см.

2. Медный нательный крест с подквадратным ушком и овальными краями (детское погребение 17) аналогичен кресту погребения 3. Его высота 2,5 см (рис. 8, ф.5).

3. Медный нательный четырехконечный крест с подквадратным ушком (детское погребение 9) имеет на лицевой стороне изображение голгофского восьмиконечного креста. На завершении концов квадратные клейма не читаемы из-за окислов металла. На тыловой стороне отмечаются евангелические надписи. Высота креста 3,5 см (рис. 8, ф.15).

4. Медный нательный четырехконечный крест с подквадратным ушком (погребение 13) аналогичен кресту из погребения 9, но имеет более крупные размеры (рис. 8, ф.14). На завершении концов отмечаются на квадратных клеймах традиционные монограммы ЦРЪ, ІС, ХС, МЛРБ. На обратной стороне изображены евангелические надписи. Его высота 5 см.

5. Медный четырехконечный нательный крест (погребение 14) аналогичен по форме предыдущим (рис. 8, ф.9). На концах креста в квадратных клеймах читаются традиционные титлы. На тыловой стороне отмечаются евангелические

надписи. Его высота 3,5 см.

6. Медный нательный четырехконечный крест (погребение 16) аналогичен предыдущим (рис.8, ф.8). Его высота 3,3 см.

Нательные кресты, выявленные в погребениях Ильинского некрополя, характерны для комплексов XVII в. [Порфиридов, 1951. Таб. XIV 24, 28, 29]. Четырехконечные кресты с изображением на лицевой части голгофского креста встречаются на памятниках периода русской колонизации Верхнего Прикамья - Искор, Орел-городок, Нижний Чусовской городок, Нердвинский некрополь [Оборин, Корчагин, Мельничук, Соколова, 1996. Таб.7, 8-9; Кореньюк, Мельничук, 2001. С.50]. Кресты (3 находки), аналогичные изделиям Ильинского некрополя, обнаружены в могильниках удмуртов периода нового времени — Чужьялово, Юш-Юмья, Большая Дюкья [Шутова, 1992. Рис. 32, 20, 23-24]. Один четырехконечный крест с квадратными медальонами по краям найден в погребении 19 Чужьяловского могильника, в котором самая ранняя монета - пробитая серебряная копейка Петра Алексеича, а остальной нумизматический материал из меди относится ко второй четверти XVIII (от Анны Иоанновны) до начала XIX вв. (Павел I). К сожалению, в погребении 19 монет выявлено не было. Крест с овальными концами выявлен в погребении 8 Юш-Юмьинского могильника, в захоронениях которого очень часто встречаются серебряные копейки Петра Алексеича (1696 -1718 гг.), сочетаемые в одном погребальном комплексе с медными денгами Елизаветы Петровны (1748-1757 гг.). Самая поздняя мо-

нета, найденная в некрополе, чеканена в 1768 г. Однако в погребении 8 нумизматического материала не обнаружено. Еще один подобный крест обнаружен в Больше-Окыинском II могильнике в пределах погребения 6, в котором найдена серебряная копейка Петра Алексеича. Н.И.Шутова относит некрополи, где были найдены кресты, к третьей хронологической группе, возраст которой определяется в пределах второй четверти XVIII — первой половины XIX вв. [Шутова, 1992. С.49]. Очевидно, что найденные в могильниках удмуртов нательные кресты относятся к самым ранним погребальным комплексам 3-го хронологического периода, т.е. ко второй четверти XVIII в.

В погребении 11 Ильинского некрополя обнаружены 2 бронзовые пуговицы грушевидной формы (рис. 8, ф. 6-7). Подобные изделия появляются в русских древностях в XIV в. и встречаются на финноугорских памятниках позднего средневековья и нового времени вплоть до XIX в. [Шутова, 1992. С.26. Рис. 33, 4-8]. В Верхнем Прикамье подобные изделия обнаружены в Искорском детском могильнике с нательными крестами конца XVII - XVIII вв. и на Нижнем Чусовском городке [Оборин, Корчагин, Мельничук, Соколова, 1994. Рис. 7, 15].

В погребениях 2-4, 9-10, 14, 17 выявлены кованые железные гвозди (11 экз.). Наиболее крупные изделия имели в высоту 12,9 см и диаметр шляпки 2 см, наиболее мелкие - высоту 3,5 см и диаметр шляпки 1 см (рис. 8, ф.1-4, 10,12,13).

В погребениях 1 и 11 найдены мелкие измельченные фрагменты гончарной посуды серо-коричнево-

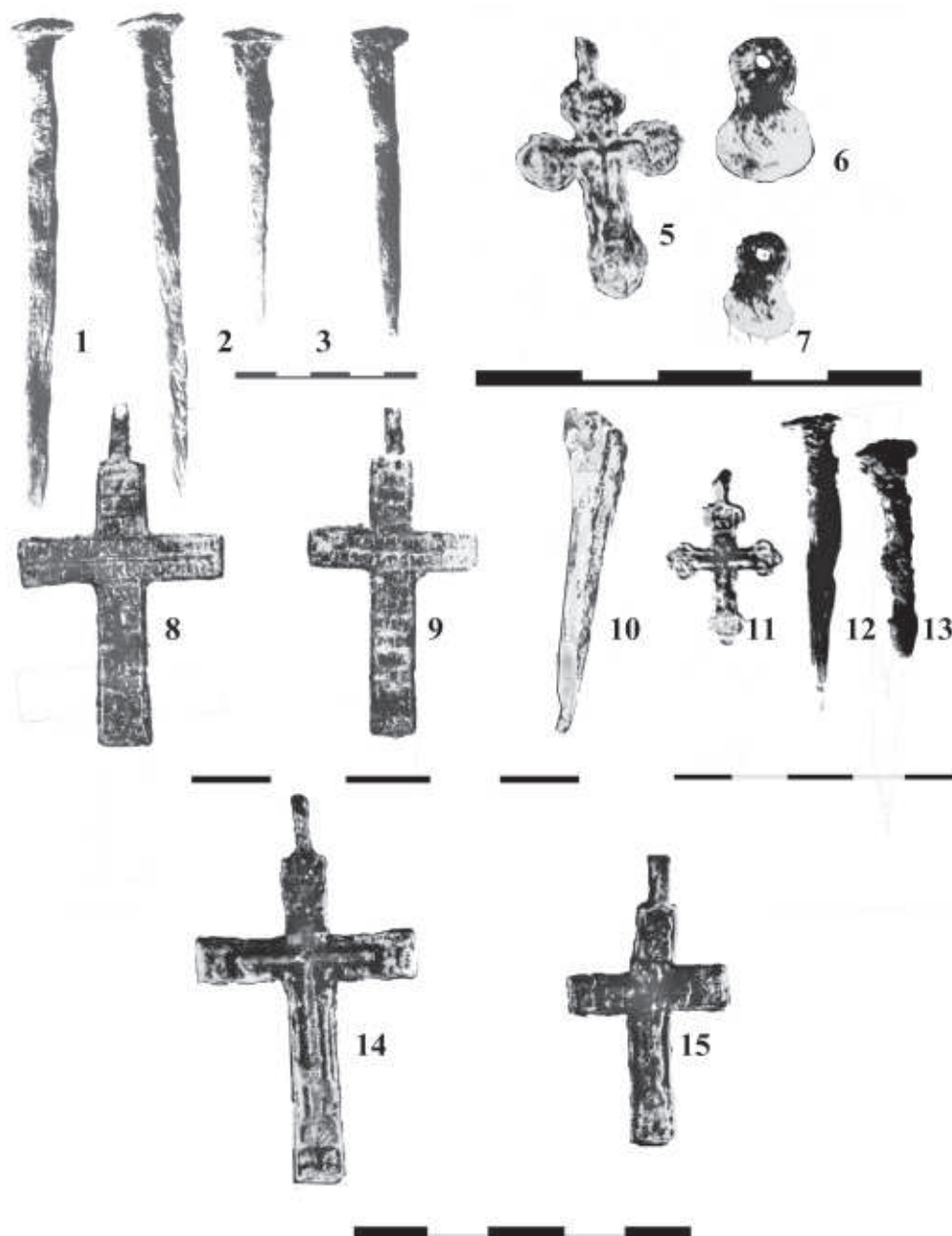

Рис.8. Ильинский некрополь. Погребальный инвентарь.

го цвета с толщиной стенок до 8мм. Обжиг сосудов достаточно грубый. Сохранились мелкие фрагменты днища от одного сосуда, бортик которого при его изготовлении срезан ниткой. К сожалению, отсутствие венчиков не дает возможности определить хронологическую позицию данной керамики, которая могла бытовать в широких времен-

ных пределах XVI – XIX вв.

Ильинский некрополь является важным источником по изучению процесса христианизации аборигенного населения Верхнего Прикамья в XVI- начале XVIII в. На исследованной части могильника можно выделить 2 ряда. Первый ряд (погребения 1-7) не отличался устойчивой ориентировкой погребений.

Лишь погребения 2 и 4 с юго-западной и погребение 6 с северо-западной ориентировкой в какой-то мере можно связывать с православной христианской обрядностью. Остальные захоронения имеют северную ориентировку с небольшим отклонением к западу (3,5) и восточную с небольшим отклонением к северу (1). В погребениях этого ряда нателный крест найден только в детском погребении 3, в котором наблюдалась совершенно не свойственная православной традиции северная ориентировка умершего. Почти все захоронения имели неполный состав костей скелета, а в некоторых (1-3,6) наблюдались явные следы их искусственного смещения в могильной яме или повреждения.

Исключительный интерес представляет одиночное захоронение черепа (погребение 7), погребенного в овальной яме, которое частично перекрывало с запада погребение 5. По нашему мнению, между этими погребениями есть как близкая хронологическая, так и обрядовая связь, которая проявляется в том, что в захоронении 5 череп покойного с общей ориентировкой скелета на север искусственно развернут на восток. Так же, как ориентирован и одиночный череп. Захоронения отдельных черепов в столь поздний период в Верхнем Прикамье до настоящего времени не были известны. В бассейне р. Обвы отдельные погребения черепов выявлены в поздней “мусульманской” части Рождественского могильника [Крыласова, Бочаров, Бочарова 1997. С.103. Рис. 6]. Захоронения отдельных черепов известны на памятниках Среднего Приуралья в

более раннее время (ранний железный век) — Першинский, Залазнинский, Мокинский могильники, культовый комплекс Половинного 1 поселения [Мельничук, Коренюк, 1996. С.165]. В поздних удмуртских некрополях зафиксированы отдельные случаи захоронений мужских черепов [Шутова, 1992. С.64]

Второй ряд погребений Ильинского некрополя отличается более устойчивой ориентировкой захоронений (западная с небольшим сезонным отклонением к югу), свойственной для христианской традиции. В этом ряду в 5 погребениях найдены медные нателные крестики. В южной его части особый интерес представляет комплекс захоронений №№ 8, 11, 12, 15. В пределах погребения 15 (западная ориентировка с небольшим отклонением к югу) наблюдалось впускное захоронение ребенка, ориентированного головой на восток. Аналогичное явление в Верхнем Прикамье было отмечено в ходе раскопок кладбища XVII-XVIII вв. у Успенской церкви г. Чердыни, где в пределах христианского православного захоронения 4 было выявлено погребение младенца в лубяном коробе, ориентированное на восток [Корчагин, Мельничук, Оборин, 1999. С. 94]. Детские впускные погребения отмечаются в погребальных комплексах древних удмуртов [Шутова, 1992. С. 63]. Рядом с погребением 15 находилось захоронение 11 с ориентацией на восток с небольшим отклонением к северу. Между ними располагалось захоронение ребенка младенческого возраста также с восточной ориентировкой. Детские погребения с восточной ориентировкой, возмож-

но, определяют то, что в них захоронены младенцы, не прошедшие обряд крещения. Следует отметить возможную взаимосвязь между погребениями 1 и 11, имевшими общую ориентировку и разделенными между собой жертвенной ямой с костями животных.

Во втором ряду, в отличие от первого, костяки расположены в анатомическом порядке. Не исключено, что искусственное смещение, а то и разрушение анатомического порядка костяков в первом ряду было проведено намеренно, в каких-то неясных для нас культовых охранительных целях. Подобное явление отмечается Н.И.Шутовой в некрополях древних удмуртов [Шутова, 1992. С.64]. Характерно, что первый ряд, особенно погребения с разрушенными костяками 2 и 6, непосредственно примыкает к охранительному рву, который являлся в определенное время границей некрополя. Рядом с ним располагалась достаточно мощная очажная линза грунтового кострища, который, видимо, исполнял очистительные языческие функции.

Таким образом, в исследованной в 1994 г. части Ильинского некрополя в погребальной обрядности наравне с православным христианским канонем ярко проявляются языческие традиции. В первую очередь это неустойчивая ориентация погребений (36%), среди которой отмечена восточная (4 захоронения) и северная (2 захоронения). Кстати, близкое явление отмечено при исследовании Русиновского могильника XVIII в. крещеных коми-пермяков, где у 20% погребенных отмечалась восточная ориентировка [Макаров, 2001.С.43]. С

языческой обрядностью связаны находки искусственно измельченной керамики в погребениях 1 и 11, захоронение черепа, искусственное нарушение анатомического порядка скелетов умерших, жертвенная яма с костями животных, ритуальный комплекс в виде рва и кострища, исполнявшие, скорее всего, охранительные и очистительные функции.

Исследованную часть Ильинского некрополя достаточно сложно датировать, но, учитывая, что в 1771 г. в с.Ильинское переводится главное правление Строгановскими вотчинами и в 1775 г. строится на месте деревянной каменная церковь Ильи Пророка, следует полагать невозможность соблюдения такой откровенной языческой обрядности во второй половине XVIII в. На наш взгляд, все выявленные погребения, скорее всего, относятся, как минимум, ко второй половине XVII в, так как в этот период в письменных источниках начинается вместо погоста Обва упоминаться погост Ильинский, по имени местного храма, что косвенно может свидетельствовать о серьезном усилении христианских православных традиций в дальних районах Строгановских вотчин, удаленных от городской и монастырской культуры. Видимо, в этот период происходит окончательная русификация местного коми населения. В районах, приближенных к центрам Строгановских вотчин, городам и монастырям, процесс христианизации и вытеснения языческих традиций из погребальной обрядности был более скоротечен. Об этом свидетельствуют последние исследования некрополя древнего Канкора (Пыскора), где

погребения, относящиеся по нателным крестам ко второй половине XVI в., совершены строго по христианскому православному обряду.

Ввиду этого изучение некрополей позднего средневековья и нового времени, иллюстрирующих процесс христианизации в Перми Великой, представляет исключительный интерес. Используя этнологические данные, мы можем более детально осветить слабоизученные и спорные вопросы в исследовании материальной и духовной культуры местного коми-пермяцкого населения в сложный период включения его систему российской государственности. Для решения этих вопросов необходимо обратить пристальное внимание на вроде бы невзрачные погребальные памятники XVI-XVIII вв. Территория бассейна р.Обвы, где явно в эпоху средневековья обитали крупные общины древнепермского населения (родановская культура), обладает археологическими источниками этого периода. Среди них, помимо крупного Ильинского некрополя, следует выделить Егвинский могильник, обнаруженный в 1988 г. А.И.Евтушенко и О.Л.Кутьевым, где в обнажениях берега зафиксированы захоронения в колодах, завернутых в бересту, с восточной ориентировкой [Евтушенко, 1988. С.55]

Интерес представляет и поздний “мусульманский” комплекс Рождественского могильника в бассейне р. Обвы, изученный в последнее десятилетие археологами Пермского педагогического университета, о конфессиональной принадлежности которого не только мы, но и Л.Д.Макаров высказали сомнение

[Мельничук, Коренюк, 1996 С.167-168; Макаров, 2000. С.18]. К сожалению, в относительно недавней публикации погребений Рождественского комплекса аргументация авторов о их мусульманской принадлежности нас пока не убеждает [Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С.106]. Учитывая спорность интерпретации этих погребений, следовало бы опубликовать весь поздний комплекс Рождественского могильника, состоящего из 11 погребений, что могло бы снять ряд вопросов. Совершенно не известны в печати материалы Анюшкарского могильника, который авторы также трактуют как мусульманский. Мы признаем южную лицевую ориентировку черепов представленных в статье захоронений. Однако как авторы могли определить южное направление лицевых костей фрагментированных черепов у неполных разрушенных погребений (30,33) и почему они “мусульманские,” непонятно. Явно выпадает из “мусульманских” захоронений погребение 32. Авторам следовало бы дать перепады высот между участками раскопов, где обнаружены поздние захоронения, так как в районе Рождественского комплекса ввиду сильного давления русла р.Обвы на левое побережье наблюдаются сильные абразионные процессы и сползание почвы в южную сторону. Характерно, что “мусульманские” погребения, согласно представленным планам, располагались по краям раскопов вдоль береговой линии, подвергшейся береговой абразии [Там же.... Рис. 3]. Таким образом, смещение лицевой части черепа в южную сторону может носить и естественный характер. Кстати, от-

клонение черепа лицевыми костями к югу встречается и на христианских кладбищах, пример Ильинский некрополь (2 случая).

Даже если мы и признаем мусульманскую “конфессиональную” принадлежность поздней части Рождественского некрополя, то ее датировка XI-XII вв., согласно обнаруженным предметам, недоказуема из-за широкого хронологического диапазона их бытования. Бронзовые шумящие украшения и, соответственно, цепочки входили в женский костюм, судя по материалам Кудымкарского могильника, вплоть до конца XIV в. [Оборин, 1977]. Охотничье вооружение в виде ромбовидных наконечников с упором бытовали в Приуралье до позднего средневековья, а без упора вплоть до XIX в. (Нижний Чусовской городок, Орел-городок, комплекс XVII в. городища Ермаша, поселение Осенцы 1). Масса ромбовидных наконечников с упором выявлена Н.И.Шутовой в погребении 70 Нязь-Ворцинского могильника с монетами Ивана IV [Шутова, 1992. С.47. Рис.55, 14-15].

Если мы примем гипотезу о мусульманском влиянии на характер погребального обряда Рождественского и Анюшкарского могильников, то также возникают значительные вопросы социокультурного и хронологического порядка. Вызывает удивление столь раннее, по мнению авторов (XI-XII вв.), появление мусульманских захоронений в Верхнем Прикамье с четкой канонической обрядностью в языческой среде, в то время как по данным исследователей (Е.П.Казаков, В.А.Иванов, Т.И.Останина, Н.И.Шутова, Г.Н.Гарустович) на терри-

ториях, входивших в состав или примыкавших к Волжской Болгарии, впоследствии к Казанскому ханству (северные и восточные районы современного Татарстана), местное население хоронило своих покойных с серьезными нарушениями мусульманского канона [Шутова, 1992. С.79-80]. На Рождественском некрополе мы видим идеальную ориентацию, словно произведенную по компасу, без малейших отклонений. Ссылка на источники, подтверждающие “периодические приезды в «касабу Афкуль» «астрономов» из Волжской Болгарии [Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С.106], нам кажется пока недостаточно аргументированной. Кстати, болгарские традиции в погребальном обряде очень слабо проявлялись, и то только в XVI-XVII вв. у поволжских финнов (мордва, марийцы), общины которых жили в непосредственной близости от границ мусульманского государства [Никитина, 1992. С.26].

Во всяком случае, даже если захоронения Рождественского и Анюшкарского могильников и принадлежали мусульманам, то они, скорее всего, могли относиться ко второй половине XVI в., когда после разгрома Казанского ханства в области, в основном, Средней и, отчасти, Верхней Камы проникло татарское население. Именно в этот период начинается постепенная мусульманизация раннебашкирских родов в Осинском Прикамье и Сылвенско-Иренском поречье, которая окончательно была, вероятно, завершена к XVIII в. Небольшие группы мусульманского татарского население могли проникать в область Верхнего Прикамья, напри-

мер, в бассейн р. Обвы и Инвы, которые хорошо были известны мусульманскому населению Волжской Болгарии и Казанскому ханству. Недаром именно на Рождественском археологическом комплексе собрана самая представительная для Верхнего Прикамья коллекция золотоордынских и арабских монет XIV в. [Вильданов, 2000]. Отсюда возникает вопрос — а почему бы захоронения поздней части Рождественского некрополя не датировать XIV в., т.е. временем той хронологической лакуны для погребальной обрядности Верхнего Прикамья, которая практически не изучена. Кстати, об этом косвенно свидетельствует и то, что в одних и тех же почвенных условиях в языческой части могильника “кости скелета в погребениях практически не сохраняются”, а в “мусульманской”, на наш взгляд поздней, антропологические остатки сохранены относительно хорошо. Если бы каноническая мусульманская обрядность проникла в Верхнее Прикамье в XI-XII вв., то ее следы, безусловно, фиксировались в системе идеологических представлений коми-пермяцкого населения. Учитывая, что в бассейне р. Обвы встречаются тюркские микротопонимы, например Карагай, то есть определенные основания принять гипотезу о проникновении в этот регион в эпоху позднего средневековья (XIV-XVI вв.) небольшого числа мусульманского

населения, которое быстро растворилось в среде финнопермских общин, подвергшихся, особенно начиная со второй половины XVI в., культурному влиянию быстро растущих центров вотчины Строгановых и миссионерской деятельности монастырей (Пыскорский, Успенский).

В настоящее время следует признать, что в Верхнем и Среднем Прикамье пока накоплено незначительное число источников, в первую очередь связанных с погребальной обрядностью, занимающих хронологическую шкалу во временном диапазоне от XIV до XVIII вв., которая характеризуется распространением в Пермском Предуралье как христианской, так и мусульманской идеологии. Этот процесс укрепления двух мировых религий в среде местного населения на территории столь обширного региона был почти синхронен, что и отразилось впоследствии на этноконфессиональной карте Пермской губернии XVIII-XIX вв. (северные центральные районы с преобладанием православия, южные — мусульманства). Лишь дальнейшие комплексные целенаправленные исследования памятников, особенно погребальных, позднего средневековья (XIV-XVIII вв.) позволят разрешить сложные и противоречивые вопросы христианизации и мусульманизации языческого населения Пермского края.

Н.Н. Агафонова СЕМЬЯ И СЕМЕЙНО- БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ СОЦИУМЕ ПРИКАМЬЯ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

В конце XIX в. на территории Прикамья существовали две формы крестьянской семьи: малая и неразделенная. В крестьянской среде преобладала малая семья из двух поколений: родители и дети. Но наряду с ними существовали сложные семьи трех вариантов:

отцовские (родители, дети, внуки, правнуки);

братские (женатые братья с семьями, холостые братья, холостые и женатые братья);

с боковым родством (включающие дядей, племянников с семьями).

Сложные семьи с прямыми боковыми родственниками были уже менее распространенными в XIX в. по сравнению с предыдущими периодами, но во взаимоотношениях и внутреннем укладе сохранялись черты, присущие ранним большим семьям.

О бытовании больших семей свидетельствуют сохранившиеся жилища, которые представляют собой большие шести-семикамерные жилые постройки (Сивинский р-н, д.Пашня) [ПМ КАЭЭ 1990, 2001]. О широком бытовании неразделенной семьи в конце XIX-нач. XX вв. говорит обилие однофамильцев в деревнях [ГАПО, Ф.111, Оп.1,

д.1666], большинство из которых считают себя родственниками. Родство признается не далее, чем в третьем поколении, следовательно, разделились они сравнительно недавно.

Основная причина стойкого сохранения в Прикамье неразделенных семей сохранение натурального и полунатурального способа хозяйствования. Преобладающей формой неразделенных семей была отцовская, в которой вместе с родителями жили два-три сына. В деревнях Среднего Прикамья такие семьи составляли 76% от общего числа семей [ГАПО, Ф.111, оп.1, д.1672, 2095]. Встречается, хотя и реже, другая форма неразделенных семей: семьи, не делившиеся после смерти родителей и состоящие из нескольких женатых братьев с семьями. 8-я ревизия 1834 года свидетельствует, что такие семьи встречаются в районах Прикамья. Так, в Лысьвенском районе, в селе Кын, есть два случая неразделенной семьи, не делившейся после смерти отца; по одному такому случаю можно наблюдать в деревнях Аликино, Уткинской, Вотиковой. В селе Канабеки - четыре таких случая. Такие семьи были и в Карагайском районе Пермской области, две семьи - в деревне Селевской, по одной - в деревнях Мягкое поле, Лукиной, Медведево. Во главе такой семьи часто стоял старший брат [ГАПО, Ф.111, оп.1, д.1950, 1756, 1942]. Жизненные устои оставались неизменными во многих малых семьях, но к началу XX в. в большинстве их, особенно проживающих в поселениях на транспортных путях, возле городов и заводских центров, возникали явления, не соответству-

ющие патриархальному укладу жизни. В первой половине XIX в. повсеместно шел процесс формирования малых семей. В Прикамье в это время преобладали малые семьи, состоящие из двух поколений: отцов и детей:

1. родители (или один из них) и неженатые сыновья;

2. родители (чаще бездетные) и приемыши.

В середине XIX в. еще встречались сложные семьи, тем не менее, малая семья получила широкое распространение. Малая семья рано сложилась в среде государственных (на этапе заселения Прикамья XVI – XVII вв. - черносотных) крестьян. Сложные семьи долго преобладали в местах, заселенных не на раннем этапе, а позднее - в XVIII - XIX веках, поскольку для освоения новых земель были необходимы большие семейные коллективы людей (Чердынский, Соликамский уезды) [На путях из Земли Пермской в Сибирь, с.195-196.]. В середине XIX в. существовала специфика неразделенной семьи в сравнении с такими же семьями предыдущего столетия. «Единство большой семьи только внешнее, хотя семья старика и женатого сына живут в одной избе и пашут одну пашню, но в то же время, в сокровенной глубине их отношений уже таится стремление к разделу; это стремление не высказывается, даже может быть не осознанно, а выражается только бессознательным противодействием. Вся хозяйственная деятельность, кроме хлеба, уже ведется отдельно; на одном дворе живут две стаи гусей - одна принадлежит свекрови, другая - снохе» [Злобин, Пихоя, 1986, с.131]. Это

уже не большая семья в ее собственном значении. «Женские несогласия» являются следствием глубинного процесса разложения патриархальных отношений в русской деревне, в том числе и в Прикамье, вызванного развитием товарно-денежных отношений.

В уездах Прикамья в XIX в. преобладали семьи из двух поколений - отцы и дети. Но необходимо отметить, что большая неразделенная семья не утратила полностью свое существования. Одновременно существовали сложные семьи в три, четыре поколения, с боковым родством, включающие дядей, племянников с семьями. Большие семьи в указанном виде долго не сохранялись. Как только они разрастались, происходил их раздел, и образовывались малые семьи.

Преобладала небольшая семья не только у крестьянского населения, а также в среде горнозаводских рабочих. У заводского населения Прикамья, связанного с казенными заводами, рано сложилась малая семья. Сыновья предпочитали отделяться от отца. Это объясняется особенностями их социально - экономического положения, большинство заводских людей обрабатывали лишь свой приусадебный участок. Главным источником существования являлась заработная плата, на которую содержали семью и имели небольшое количество земли. Экономические рычаги, связывавшие поколения, были слабые, не было ресурсоемких совместных работ. Семья обходилась малым числом мужчин для поддержания материального благосостояния семьи. [ГАПО, Ф.111, Оп.1, д.1672, 1950]. Сравнивая структуру семей

рабочих и крестьян, нужно отметить, что нуклеарных семей в заводских поселках было больше, чем в крестьянских. У рабочего населения Среднего Прикамья в рассматриваемый период времени преобладала двухпоколенная семья, а у крестьян намного чаще можно встретить семьи из трех-четырех поколений. Промышленный труд вызывал глубокие изменения уклада жизни рабочих, что привело к изменениям в структуре их семей.

Среди рабочих — старообрядцев — по-прежнему господствующей формой семьи остается неразделенная, но уже заметно идет развитие малых семей. Можно отметить, что количественный состав зависел от формы, типа семьи, от числа детей в семье и от состава семьи. В XIX - начале XX вв. преимущество от сложной семьи перешло к малой, которая насчитывала до десяти человек, местами сохранились сложные семьи в разных вариантах: отцовские, братские, семьи с боковым родством, которые были многочисленны (до двадцати и более человек).

Старообрядческие семьи выявляются в официальных документах, особенно в переписном материале, очень трудно. Старообрядцев не венчали в церквях, где регистрировались браки, лишь при обращении староверов в православие их венчали и делали соответствующую запись в церковных книгах.

Существовало много неразделенных семей: отцовских (дед- отец-сын), братских (семьи нескольких сынов), по боковой линии (дядья-племянники), которые состояли из трех-четырех поколений родственников.

У старообрядцев не было преобладания малой семьи. Особенно много было отцовских семей; чаще, чем у другого населения, у них встречались семьи братские [На путях из Земли Пермской в Сибирь, с.195-196]. Процесс складывания малой семьи у старообрядцев шел медленно, отцовская семья преобладала еще в первые десятилетия XX в. У старообрядцев дольше существовали семьи сложного типа, особенно у тех, кто живет при заводах и в имениях. Такие семьи состояли из трех- четырех поколений родственников по прямой или боковой линии, либо из свойственников [Власова, 1992, с. 200-201]. Это можно проиллюстрировать рассказом старообрядцев-респондентов: «Семья у родителей была большая, семнадцать человек» (д. Б.Бизь) [ПМ КАЭЭ 1994], «После женитьбы дети долго жили вместе, хотя каждый строил дом, отделялись очень медленно» (д.Россоленки) [ПМ КАЭЭ, 1994].

У заводского пермского населения разделы семей в XIX в. были нередкими: сын, как правило, уходил от отца жить своей семьей, в староверческой среде рабочего населения разделы совершались реже, если же они происходили, то сыновья, отделившись от отца, получали все необходимое для хозяйства поровну: один из сынов оставался с отцом, и их доля имущества была большей, таким образом, раздел у них совершался по принятому обычаю. У бегунов-скрытников, когда делились семьи, отец строил старшему сыну дом на свободном месте, неженатые сыновья оставались с отцом, но постепенно тоже отделялись. В отцовском доме обычно

оставался младший сын [На путях из Земли Пермской в Сибирь, с.200].

Особенности семейного строя у старообрядцев были связаны с религиозными устоями и принципами. У поповцев осуждалась бессемейная жизнь как неполноценная: считалось, что каждый человек должен иметь семью и детей. В традиции русского крестьянства было осуждение бессемейной жизни как неполноценной и неверной.

В староверческой среде были распространены так называемые сводные браки. Это были браки между старообрядцами, которые не были освящены церковью и проходили по народным традициям.

Ревнителю старой веры аргументировали свои традиции тем, что венчание дозволяется раскольниками, но кем, где и как, этого не определяется и определено быть не может, поэтому следует оставаться при обычае, существующем более ста лет без подведения его под закон [РГИА, Ф. 381, оп.2, д.23064, с.32 об].

Брак старообрядцев, заключенный без посредства церкви, считался незаконным, по указу от 24 марта 1719 г. за него взимался штраф. Уличенные в сводном браке или содействии его заключению подлежали увещанию об оставлении раскола и обращении к святой церкви. Предполагалось узаконить браки через венчание в православной или единоверческой церкви. При отказе от венчания следовало наказание: ссылка на Кавказ или отдача в солдаты [На путях из Земли Пермской..., с.190]. Если увещевания оказывались тщетными, то предписывалось преследовать сведенных по приговорам волостным и сельс-

ких расправ, наказание определять по 182 статье сельского судебного устава, то есть употреблять их в общественно низкие работы [РГИА, Ф.381, оп.2, д.23064, с.62]. Таким образом, приютство пыталось ограничить распространение незаконных, с точки зрения государственной юрисдикции, семейно-брачных отношений.

Начальник окружной Палаты в своем Донесении 1836 года в Министрство государственных имуществ указывал, что приписывает сохранение сводных браков тому, что заключившиеся сводные браки до сего времени, кроме делаемых увещаний об узаконивании браков, не подвергались никакому наказанию, и это утверждает его в мысли, что правительство не считает эти действия незаконными [РГИА, Ф.381, оп.2, д.23064, с.61].

Правительство объявило, что свобода совершать свои браки в других губерниях, присвоенная старообрядцами, не имеет никакого законного основания [РГИА, Ф.381, оп.44., д.23555, л.3 об], поэтому следует запретить совершение сводных браков [РГИА, Ф.381, оп.44, д.23555, л.4], хотя практика показывает, что эти распоряжения так и остались только формальными, а не реальными регуляторами семейных отношений в среде староверов. 28 ноября 1839 года в результате донесения сведений императору местным начальством о сведении незаконных браков между старообрядцами Тобольской и Пермской губерниями, государь император сделал следующее распоряжение:

1. со сводителями таких браков, когда они будут обнаружены следствием, поступать с ними как с со-

вратителями;

2. сведенных не признавать мужем и женой, а приглашать их узаконить брак венчанием в единоверческой церкви, по старопечатным книгам, к чему они привыкли, объясняя, сколь для них самих выгодно это действие согласно с общими государственными установлениями, ибо они через это приобретут спокойную жизнь, и дети будут пользоваться покровительством закона. При проведении девятой ревизии 1850 года староверам, приемлющим священство, было указано показывать жен и детей на основании помещичьего свидетельства или обывательских книг, не требуя в этом случае других доказательств. Законными признавались только те дети, родители коих повенчаются в святой церкви и дадут обязательство воспитывать их в правилах истинной веры, признавать законными, без различия, рождены они до венца или после, представляя им права и преимущества, коими пользуются законнорожденные дети [РГИА, Ф.381, оп.44, д.23555, л.11 об].

В беспоповских толках, где не было сложившейся системы регистрации и фиксации брака, дети, рожденные в таком браке, считались как прижитые вне брака, то таковых детей показывать в ревизии в семействе раскольников незаконнорожденными, а матерей не записывать, но вносить их в списки тех семей, к которым они принадлежат по рождению [РГИА, Ф.381, оп. 44, д. 23555, л.9 об]. Детям и женщинам в беспоповских семьях разрешалось оставаться в семье, с тем, чтобы их могли контролировать при отъезде и выдавать им для это-

го специальные разрешения.

В Пермской Судебной Палате рассматривалось дело о самовольной отлучке крестьян Матвея Попова и прочих для венчания детей своих через раскольников попу. По делу этому Пермская Судебная Палата решительным определением 26 декабря 1854 г. заключила, что крестьяне сведены в незаконные браки, по показанию их неизвестными попами, а также о необходимости узаконить браки венчанием в церкви, сведенных с ними девок на основании ст. 206 Уложения о наказании и исправлении отослать к духовному начальству для увещания как в отношении обращения в православие и единоверие, так и в отношении освящения брака в церкви. Если они не согласятся, то всех их мужьями и женами не признавать, а малолетних детей, прижитых ими в сем незаконном браке, крещению не подвергнутых, от них отобрать и по совершению над ними Святого таинства крещения, отдать на воспитание родственникам их православного вероисповедания [РГИА, Ф.381, оп.44, д.23688, л.3]. За неимением таковых отдать посторонним лицам или опекунам православного вероисповедания [РГИА, Ф.381, оп.44, д.23688 л.4].

28 декабря 1839 года было Высочайшее Повеление по случаю появившихся в Тобольской и Пермской губерниях лжеучителей, сводящих браки без всяких обрядов по одному желанию брачующихся и согласию их родителей, в нем указывалось, что когда они будут следствием обнаружены, предавать их суду и поступать с ними, как с со- вратителями. Своими действиями

сводители развивают по уральским горным заводам разврат умственный и нравственный, поэтому сводители не могут быть не признаны вредными для общества и лженаставниками для верующих.

Местному полицейскому начальству было предписано принять меры, предотвращающие распространение сводных браков: предоставлять списки, в которых особое внимание уделить распространителям своднической химеры; вынести предупреждение в отношении еретиков, изложенное в выписке о раскольниках. Однако эти меры не изживали существующих традиций бракосочетания в старообрядческой среде.

Сводные браки совершаются по предварительно составленным между женихом и невестой, между родителями жениха и невесты актам в виде договоров, за подписями свидетелей или просто по обоюдному согласию. Своды составляли сами родители, а не имеющие родственников в своих домах в присутствии единомышленников, прочитывали каноны Спасителю и Божьей Матери, благословляли детей иконами, хлебом и солью.

Пермский архиепископ в 1839 году писал, что незаконное действие основывают, толкуя превратно правила Кормчей книги 500 листа и 73 Главы Катехизиса — 343 лист, признав это совокупление за законный брак [РГИА, ф.381, оп.2 д.23064, л.7 об].

Совершенный таким образом брак записывается в так называемую старообрядцами законную книгу на гербовой бумаге, совершаемому платили 8-10 рублей за оформление брака [РГИА, Ф.381, оп.2

д.23064, с.25 об].

Донесение Епархиального Архиепископа в министерство государственных имуществ так описывает обряд заключения сводного брака крестьянами Кунгурского уезда. Сначала говорили каноны Спасителю, Кресту, Богородице, потом читали страсти Господние, а по окончании чтения отцы женихов и невест благословили их иконами, чем обряд венчания или свода кончился [РГИА, ф.381, оп. 2, д. 23064, л.8 об]. Наставник, совершивший таким образом брак, по их выражению, внес в записную книжку, получив за труды свои 8 рублей денег [РГИА, ф.381, оп.2, д.23064, л.10 об]. Когда посланный от конторы увещевал заблуждающегося и доказывал незаконность такого венчания, то он, наставник, весьма стойко отвечал, что не находит в том ничего противозаконного и признает такой брак законным, потому что он записан в записную книгу на гербовой бумаге. Из доведенных сведений видно, что разрушительный для благосостояния семейств и общества и для нравственности вообще соблазн сведения женихов и невест в сожительство распространяется из Курганского и Тобольского округа [РГИА, ф.381, оп.2, д.23064, л. 9, об]. Епархиальный архиерей распорядился: сведенные в развратном браке и по формальным актам и документам не должны называться мужем и женой [РГИА, ф. 381, оп.2, д.23064, л.10 об].

Светскому суду представляли дела о браках между раскольниками, если они совершены без соблюдения установленных греко-российских церковных правил попами вне церквей, в домах или часовнях. С

раскольниками, сочетавшимися браком с правоверными в раскольничьих церквях, в домах, часовнях, равно и с попами их, или иными лицами, совершающими такой брак, поступать на общем основании, как с совратителями, то есть предавать суду для поступления по законам [РГИА, Ф. 381, оп. 2, д.23064, с. 34].

Пермский архиепископ Аркадия в августе 1839 г. в записке министру государственных имуществ доносил, что «некоторыми раскольничьими наставниками распространяется склонение женихов и невест к незаконному супружескому сожитию все всякой церкви и без участия даже беглых попов, не останавливаемое мерами, кои были приняты противу сего зла» [РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 23064, л. 2]. «Сие зло в Пермскую губернию проникло из Тобольской, сначала открылось близ Екатеринбурга, в селении Шарташ, затем в Невьянском и Нижнетагильском управлении частных заводов, откуда начинает прорываться в Кунгурский уезд» [РГИА, ф.381, оп.2, д.23064, л.2 об].

«Обряд нововводимого сводничества немногим розниться от обычного обряда при браках. Сводители понятие брака ограничивают одним произволом родителей и плотскими похотями детей, правилами руководствуются или от себя вымышленными или превратно толкуемыми через нововведение. Сводители разрывают последние нити, привязывающие раскольников к церкви, подкапывают само основание семейной нравственности в прошлом народа. Зло остановить мерами одной миссии нельзя: оно поддерживается содействием врагов

церкви и общества, кои попирают правила церкви, чистоту нравов, дерзают касаться правил и владельцев без ведома и позволения их свода крепостных женихов и невест. Если меры земской полиции достаточны между государственными крестьянами, то эти меры недостаточны, если более усиливается зло в заводах и откуда с напором пробивается в другие места» [РГИА, ф. 381, оп. 2, д.23064, л. 3 об]. Было полагается, чтобы сводных не допускать в незаконное супружеское сожитие, чтобы сводимых не показывать мужем и женой, поэтому детей от их сожительства не признавать законнорожденными, а сводителей брака отправлять под стражу и не допускать ими совращение других. Особенно в отношении к заводским совратителям требуется приведение в действие мер по предотвращению сводных браков.

Тем не менее, юридическая практика показывает, что законами не воспрещалось старообрядцам совершать между собой браки по их обрядам, так же как крещение и погребение. И не было в государственной политике постановлений, которые обязывали бы староверов совершать в православной церкви обрядовые действия через правоверных священников [РГИА, Ф. 381, оп. 2, д.23064, с. 34 об].

Пермская епархия многократно обращала внимание на тот факт, что старообрядцы отвращают от крещения своих детей по православному обряду, и те, которые принимают священство, если не имеют попов, перешедших в раскол, отправляются для крещения родившихся младенцев в дальние места, а в случае препятствия оставляют

их длительное время без крещения или крестят их сами без миропомзания. Не приемлющие священства исполняют это через своих наставников [РГИА, ф. 381, Оп.1, д. 23254, л.4].

Правительство считало, что следует принять меры, чтобы дети старообрядцев, крещенные приходскими священниками по обрядам православной церкви, воспитывались и оставались в православии. Это было необходимо с точки зрения господствующей идеологии, чтобы строгим наблюдением за сим не отвратить раскольников некоторых северных губерний от крещения детей их православными священниками [РГИА, ф. 381, Оп.1, д. 23254, л. 4 об]. Как приемлющие, так и не приемлющие священства старообрядцы должны были представлять родившихся у них детей православным священникам. Несмотря на такое крещение и запись в метрической книге, дети воспитывались родителями в традициях старой веры и оставались хранителями древнего благочестия [РГИА, ф. 381, Оп.1, д.23254, л.3 об].

Владельцы селений, где были распространены сводные браки, должны были открывать приходские православные и единоверческие училища. В этих училищах должны были обучать детей поселян чтению, письму, молитвам и началу Катехезиса. При этом местные власти должны были наблюдать, чтобы раскольнические наставники и наставницы не обучали детей и чтобы сами старообрядцы не отдавали детей таким наставникам. Власти внушали, что обучение в училищах ведется по старым книгам. Открывали училища обычно при заводах за счет общественных

средств. На каждого ученика полагалось от 15 до 20 рублей в год, в зависимости от возраста.

Считали, что образование смягчает нравы и рассеивает мрак заблуждения. Образовательная деятельность миссии оценивалась как самая эффективная мера, направленная против распространения раскола. Предполагали, что дети, воспитанные и обученные в православной среде и под воздействием православных священников, будут уважать православие и постепенно, из поколения в поколение, раскол прекратит свое существование.

Однако традиционные староправославные взгляды были настолько сильны, что никакие меры - ни увещательные, ни карательные не могли остановить распространение раскола и повлиять на его идеологию и поколебать силу убеждений верующих.

Среди некоторых согласий беспоповцев и бегунов-скрытников в XVIII в. распространяется непризнание брака, а тем более оформление его по гражданскому обычаю. Следствием этого явления было распространение внебрачных добрых связей, вступление в брак без его оформления и довольно простое расторжение браков [Чесноков, 1908. С.13].

Основное условие вступления в брак - принадлежность молодых одному согласию, одной вере. Если согласия или вера были разными, то требовалось изменение веры. Как правило, невеста принимала веру жениха. Например, из рассказов старообрядок: «Муж был старообрядцем, я стала старообрядкой, хотя разницы не понимала. Сама я старообрядка, так как после заму-

жества я взяла веру мужа» (ст.Унь) [ПМ КАЭЭ, 1994]. О браках православных и старообрядцев говорили в деревнях: браками мешались все веры, в Прикамье в деревнях подобное смешение происходило редко, что объясняется изолированностью местных староверов и скрытников [На путях из Земли Пермской..., с.207].

В традиционном социуме положительно оценивались браки, благословленные родителями, венчанные, а у староверов-беспоповцев - одобренные духовным наставником, который следил, чтобы семьи создавались из молодых одного согласия, чтобы свадебный обряд был проведен в сроки, издавна отведенные для этого в народном календаре.

Материалы XIX века дают возможность рассмотреть внутренний строй семьи. Многие черты семьи сохранились с древних времен. Во внутреннем укладе неразделенной семьи были следующие особенности: общее хозяйство; общая собственность на двор и имущество, общие заработки.

Бытование неразделенных семей способствовало сохранению в Прикамье патриархальных нравов. Как и везде у русских, в Среднем Прикамье возглавлял такую семью старший по возрасту и положению мужчина, которого называли большаком, но чаще хозяином. В сиротских семьях роль большака брала на себя мать или бабка. Старший в семье - отец, дед, дядя распоряжался всем хозяйством, главенство в братской семье определялось с согласия матери. Во главе семьи, которая состояла из нескольких женатых братьев, чаще всего стоял старший брат.

В крестьянских семьях существовали прочные и устоявшиеся взаимоотношения. У раскольников главы семей были властными и грубыми, особенно по отношению к женщинам, а детей держали в страхе божьем [Чесноков 1908. С. 24.] Кроме хозяина важное положение в семье занимала хозяйка-большуха, старшая по возрасту, которая руководила женской частью семьи, она отвечала за детей, кухню, скот и жилище. Как вспоминала старообрядка Харина А.Н., «в семье правил всем дед, а бабка по хозяйству. Дед утром встает и командует, дает работу - кто пашет, кто боронит, женщинам по хозяйству - кто стряпает, кто за скотом ходит» (с. Рассоленки) [ПМ КАЭЭ, 1994].

В старообрядческих семьях стойко сохранялись патриархальные устои в самой консервативной форме. Семейные отношения строились на непререкаемом авторитете старшего в семье. Старшему по возрасту и положению мужчине подчинялись все члены семьи, он распоряжался семейным бюджетом, был блюстителем бытовых порядков.

Патриархальная власть главы семьи особенно ярко проявлялась при семейных разделах. Обязательным считалось отделение старшего женатого окна. Во многих крестьянских семьях Прикамья молодые жили с родителями первый год. За это время отец, зять и другие сыновья успевали построить для молодых дом и вырастить домашний скот. Раздел хозяйства отец производил равными частями по числу сынов-наследников. Раздел имущества для женатых сыновей зависел от воли большака, который назна-

чал по своему желанию и усмотрению долю из семейного имущества.

Если сын воспротивится отцу, то последний мог выгнать его из дома, ничего ему не выделив. После смерти отца раздел осуществлял старший сын, но обязательно с разрешения волостного правления и опекунов, если оформлялась опека над несовершеннолетними детьми [Русские: семейный и общественный быт, с.98].

Наряду с большаком отцовскую или братскую власть возглавляла и старая женщина. Ее называли хозяйкой, а в больших семьях - большухой. Она занималась детьми, кухней, скотом, женской частью работы. Нередко большуха была советчицей мужа в его хозяйственных делах, а временами и самостоятельно вела хозяйство. В отсутствие главы семьи жена заменяла его, и сыновья подчинялись матери. После смерти главы семьи большуха наследовала его власть, а если был взрослый сын, даже не женатый и не самый старший, то он или зять, а иногда и дядя. Типичным для неразделенной семьи было подчинение младших членов семьи старшим. Наибольшим авторитетом в семье после большухи пользовался старший сын. К нему всегда обращались по имени-отчеству. Сын помогал отцу в хозяйственных делах, жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главою среди других снох. Снохи были зависимы от свекра, свекрови, других старших снох, братьев, сестер. Они выполняли не только общую работу по дому, но и заботились о своих детях и мужьях. Женатые сыновья, снохи, их дети подчинялись хозяину. У снох было

отдельное имущество, состоящее из приданого и личных доходов от продажи каких-либо продуктов. Из общественных средств на нужды снох и их детей ничего не тратилось. Женщины имели паи из общественного запаса шерсти, льна, конопля. Даже приданое дочери часто изготавливалось самими женщинами на их «заработки». В случае смерти женщины ее приданое переходило дочери либо возвращалось ее родителям.

Семейные взаимоотношения строились на полном подчинении младших членов семьи старшим, жен- мужьям, в частности, от снохи требовалось особое почитание ко всем родственникам мужа, даже если они были младше ее по возрасту.

Замужняя женщина не могла без разрешения мужа отлучаться из дома. Предпринимая какое-либо дело или намереваясь выйти из дома, младший член семьи должен был просить благословение у старшего: жена у мужа, сын у отца, даже если он сам уже имел собственную семью, невеста у свекра или свекрови. Так, например, перед началом какого-либо дела невестки обращалась к свекру или свекрови: «Благослови, батюшка (матушка) трубу открыть, квашню замесить или воду принести», а он (она) отвечали: «Аминь, Бог благословит», и только после этого шли выполнять работу [Чагин, 1998, с. 56].

Если не было благословения, выполненную работу считали недействительной, например, принесенную воду могли вылить [Крупянская, Полищук 1971, с. 62]. «Я принесла воды в баню, сорок ведер

натаскала, но не благословили работу. Свекровь пришла с поля, всю воду за ограду вылила, сказала, что даже скоту поганую воду не пить» (с.Россоленки) [ПМ КАЭЭ 1994].

Управление хозяйственной деятельностью семьи, распоряжение трудом ее членов было главной функцией главы семьи. Он распоряжался общественными средствами, осуществлял хозяйственный расклад, заключал договоры, первым начинал работу в лесу, поле, представлял семью на сельских и деревенских сходах. Над всеми членами семьи большак обладал патриархальной властью. Вся жизнь, права и обязанности членов семьи были строго регламентированы, за их исполнением следил глава семьи. В случае неповиновения он мог наказать виновного.

Взаимоотношения в малой семье были значительно демократичнее, чем в неразделенной. Для русского населения в деревнях Прикамья характерно половозрастное разделение труда. Существовал «мужской», «женский», «детский» труд. К мужскому относились почти все сельскохозяйственные работы: покос, сев, косьба. Они также заготавливали дрова, уходили на заработки. Женщины вели домаш-

ние работы, жали, убирали сено, бороновали вспаханную мужчинами землю, ухаживали за скотом, за исключением лошадей, изготавливали одежду. Иногда грани между мужскими и женскими работами стирались. При нехватке мужских рук женщины работали в поле и на сенокосе. Когда мужчины уходили в отход или на промысел, все хозяйственные дела выполняли женщины.

Итак, материалы по истории крестьянской семьи Прикамья XIX - нач. XX вв. свидетельствуют, что в русской крестьянской среде господствующей была малая семья, в регионах сохранились и неразделенные семьи в различных вариантах: отцовские, братские, семьи с боковым родством. На протяжении веков наблюдается тенденция увеличения количества малых семей.

По внутренней жизни и строю пермская крестьянская семья практически ничем не отличалась от крестьянской семьи других районов смешанного государственного и частновладельческого землевладения, только большая самостоятельность женщин и некоторые права при получении наследства отличали местные семьи русских крестьян.

Сокращения:

ПМ - полевые материалы КАЭЭ ПГПУ

Н.А. Черняева МУЗЕЙ КАК НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Музей, являясь учреждением культуры, выполняет функцию сохранения материальной и духовной исторической памяти этноса. В современном социуме музей с одной стороны выступает как институт, способный реализовывать общественную потребность самоопределения, осмысления через предметный мир. С другой стороны, отбирая из многообразия существующей реальности определенную часть и сохраняя ее, то есть признавая тем самым ценностное значение (историческое, эстетическое, мемориальное), музей выражает отношение общества к культурному наследию. Уникальность музеев состоит в основном в их предназначении, они способствуют спасению наследия человечества.

Многовековая история Прикамья обусловила развитие регионального исторического музея (с учетом исторических коллекций краеведческих музеев, около 80% всех музеев Прикамья могут быть отнесены к типу исторических музеев) [Кутьев 1999. С. 8]. В Пермской области насчитывается 97 музеев, имеющих исторические музейные коллекции. Значителен потенциал музеев, расположенных в областном центре. В России найдется немного таких музейных учреж-

дений, которые смогли бы сравниться с Пермской государственной художественной галереей и Пермским областным краеведческим музеем по размерам и качеству музейных собраний. Здесь сосредоточено более 700 000 музейных предметов. Отдельные коллекции не уступают по ценности собраниям столичных исторических и художественных музеев.

Так, Пермский областной краеведческий музей обладает полным и разнообразным собранием памятников истории и культуры, по исторической и научной значимости далеко превосходящим региональный уровень. Интересна и уникальна по своему составу коллекция редкой книги, включающая старопечатную и рукописную книгу XVI - XVII вв. Музей обладает фундаментальной научной естественно-исторической коллекцией, имеющей международную известность, единственной в своем роде музейной коллекцией по старообрядчеству и довольно редкой тематической коллекцией по истории политических движений России XIX-XX вв. Особо ярко представлены в областном музее археологические коллекции: материалы Гляденовского костища, Турбинского (эпоха бронзы) и Рождественского (период средневековья) могильников, коллекция Теплоуховых, уникальное собрание предметов Пермского звериного стиля, имеющее поистине мировое значение, и т.д.

Пермская художественная галерея, отметившая в этом году свое 80-летие, является одним из крупнейших художественных музеев страны, ведущим центром по изучению художественной культуры

© Черняева Н.А., 2003

*Работа создана при поддержке Гранта
АНО ИНО-Центра № КТК 197-2-02*

Урала и русского искусства в целом. Художественная галерея располагает замечательными коллекциями, среди которых уникальная по ценности и объему (более 600 произведений) деревянная скульптура, богатейшая коллекция икон, прекрасное собрание русской живописи, работы западноевропейских мастеров и произведения современных художников.

На современном этапе государственное отношение к культурной сфере общественной жизни, к сожалению, не изжило принципа «остаточного внимания», доставшееся нам в наследство от советского времени. Современное законодательство, регулирующие вопросы культуры в России, противоречиво, неполно. Основное противоречие, на наш взгляд, выражается в сочетании попытки применения традиционных для нашей страны административных методов правового регулирования культуры и цивилистической природы существенного пласта отношений в сфере культуры.

Стоит отметить, что действующее федеральное законодательство, регулирующее деятельность музеев, не отражает современной жизни музея и не обеспечивает нормативного регулирования его потребностей. Закон РФ «О музейном фонде РФ и музеях в РФ», Основы законодательства «О культуре в РФ» — это два основных федеральных нормативных акта, которые посвящены правовому статусу музеев. При современной социально-политической динамике жизни их положения во многом устарели. Поэтому мы рассматриваем федеральный компонент правовой базы законодательства о музеях как основу для

своего исследования, как поле для научного анализа.

Определимся, какие нормативно значимые черты присущи музеям как организациям по действующему российскому законодательству, насколько соответствуют предусмотренные законом признаки музейной организации реалиям современности, позволяют музеям продуктивно работать.

ФЗ РФ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ в статье 3 дает нормативную дефиницию термину «музей»:

музей - некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций. Определимся с основными характеристиками, данными в этом определении.

Законодатель в качестве наиболее общего признака всех музейных организаций назвал их некоммерческий характер.

Правовой статус некоммерческих организаций раскрывается в пятом параграфе четвертой главы ГК, где содержатся общие нормы, регулирующие отношения, связанные с созданием и деятельностью отдельных видов некоммерческих организаций как юридических лиц. Более детально деятельность этих организаций регламентируется Законом «О некоммерческих организациях в РФ», который применяется ко всем видам некоммерческих организаций, кроме потребительских кооперативов. Деятельность отдельных некоммерческих организаций в зависимости от их форм или целей создания регулируется так-

же специальными законами и правовыми актами. Так, деятельность музеев регулируется уже упоминавшимся федеральным законом «О музейном фонде...»

Гражданский кодекс РФ подразделяет все юридические лица на коммерческие и некоммерческие [ст. 50 ГК РФ]. Основное различие между ними — в основных целях деятельности. Коммерческие преследуют в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, а некоммерческие юридические лица — любую другую цель. Это не означает, что некоммерческие организации не могут заниматься предпринимательской деятельностью. Закон разрешает ее осуществлять «лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям» [абз.2 п.3 ст. 50 ГК РФ]. Когда извлечение прибыли является основной целью организации, а когда — побочной, в реальной жизни определить бывает довольно трудно; одна цель может специально прикрывать другую, поэтому данный признак остается малопригодным для отграничения некоммерческих организаций от коммерческих.

С другой стороны, не ясно, что может означать разрешение вести предпринимательскую деятельность в уставных целях. Пункт 1 ст. 50 ГК РФ в качестве второго обязательного дифференцирующего признака называет возможность распределения прибыли между участниками. Некоммерческие организации Кодексом лишены этого права. Возможно, законодатель, разрешая им вести предпринимательскую деятельность, определил ее второсте-

пенный характер именно в том, что прибыль от ее ведения не может быть присвоена участниками. В п. 3 ст. 50 ГК РФ, по-видимому, должна идти речь просто об ограничении свободы распоряжаться полученной прибылью и праве использовать ее только в соответствии с уставными целями некоммерческой организации. Таким образом, генеральным признаком, отличающим коммерческие организации от некоммерческих, по ГК, практически остается право первых распределять полученную прибыль между своими участниками и отсутствие такого права у вторых.

В нормативных актах закреплены два разных подхода к определению правоспособности некоммерческих организаций интересующего нас типа. В ГК РФ, законах «О некоммерческих организациях», «О музейном фонде...» говорится о праве осуществлять любую деятельность, соответствующую целям создания. Основы законодательства «О культуре» обязывают некоммерческие организации, находящиеся в публичной собственности, прописывать в уставных документах виды осуществляемой предпринимательской деятельности. На наш взгляд, более верным, соответствующим принципу равенства участников гражданско-правовых диспозитивных отношений, является первый подход. Он дает возможность организациям относительно свободно выбирать возможные формы поведения в рамках установленного законодателем и собственником правового поля. Благодаря реализации этого подхода некоммерческим организациям предоставляется возможность ярче проявить инициати-

ву, провести многоплановую стратегию развития собственного дела. Отрицательным моментом этого подхода можно считать неконкретность разрешенных форм деятельности, а значит, и опасность произвола, бесконтрольность некоммерческих организаций. Видимо, именно поэтому судебная арбитражная практика считает правильным второй, закрепленный в Основах законодательства «О культуре», подход. Перечисление возможных видов деятельности организаций, несомненно, конкретизирует их правоспособность, с практической точки зрения является более удобным. Пленум Высшего Арбитражного суда РФ поэтому считает, что сделки, направленные на извлечение прибыли, совершенные некоммерческой организацией, могут быть признаны недействительными в порядке, предусмотренном ст. 173 ГК РФ, если в уставных документах этой организации они специально не предусматриваются [Постановление Пленума ВАС № 8 от 01.07.1996].

В соответствии с законом «О музейном фонде...» музеи могут создаваться только в виде учреждений культуры. По ГК РФ учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально - культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично.

Учреждение — единственный вид некоммерческой организации, не являющейся собственником своего имущества. Функции учреждения практически не сдержат коммерческого компонента, его трудно

назвать «активным участником товарооборота», следовательно, по мнению законодателя, нет необходимости наделять учреждение имуществом, которым оно могло бы отвечать по своим обязательствам. В соответствии с ГК учреждение может отвечать по своим долгам только имеющимися денежными средствами. Правда, опасность участия таких лиц в обороте смягчается правилом о дополнительной ответственности собственника по их долгам [п. 2 ст. 120 ГК РФ]. Данный признак отражает важную специфическую черту учреждения как юридического лица. Из него следует, что учреждение не может быть объявлено банкротом [Щенникова, 2001. С.143].

Будучи несобственником своего имущества, учреждение обладает весьма ограниченным правом оперативного управления на переданное собственником имущество [п.1 ст. 120, ст.296 ГК РФ]. Оно не предполагает участия такой организации в предпринимательских отношениях, за исключением некоторых случаев, прямо предусмотренных учредительными документами. Право оперативного управления учреждения характеризуется рядом существенных отличающих его от других вещных прав признаков. Учреждение владеет и пользуется выделенным собственником имуществом в ограниченных пределах, определенных учредительными документами и сметой. Именно смета выступает внешним признаком имущественной обособленности учреждения в соответствии со ст. 48 ГК РФ. Учреждение даже с согласия собственника не вправе отчуждать закрепленное за ним имуще-

ство (движимое и недвижимое). При возникновении такой необходимости оно вправе просить собственника от своего имени произвести отчуждение принадлежащего ему имущества. Собственник, создавший учреждение, вправе изъять закрепленное за ним имущество, если таковое окажется излишним, неиспользуемым, или используемым не по назначению. ФЗ «О музейном фонде...» в ст. 29 устанавливает, что собственник вправе изъять имущество музея только в случаях использования его не по назначению либо в случае ликвидации музея. Закрытый перечень оснований изъятия имущества является существенной гарантией стабильности деятельности музеев. Однако, сама по себе ситуация, когда титульный владелец имущества обязан согласовывать формы пользования имуществом под угрозой его изъятия, не способствует хозяйственной инициативности и эффективности деятельности любых организаций, в том числе и музеев.

Собственник может финансировать свое учреждение и частично, предоставив ему возможность получать дополнительные доходы от разрешенной собственником предпринимательской деятельности. Однако, пределы этого участия оговариваются собственником в учредительных документах учреждения. Полученные от такой деятельности доходы хотя и принадлежат учреждению на особом вещном праве и учитываются на отдельном балансе, тем не менее не становятся его собственностью [п.2 ст. 298 ГК РФ] и, соответственно, не меняют особенностей его гражданско-правового положения. Учреждение, как

правило, вправе самостоятельно распоряжаться доходами, полученными от разрешенной собственником предпринимательской деятельности.

Таким образом, за учреждением законодательно закреплено две разновидности вещных прав, что составляет еще одну специфическую черту его гражданско-правового статуса [Щенникова, 2001. С.145; Гражданское право, 1998. С.267]. Появление этого специфического права учреждения было обусловлено нашими реалиями, недостатком финансирования собственников учреждений. Финансовый голод вынуждал учреждения участвовать в имущественном обороте, зарабатывать средства для своего существования. Кроме того, в настоящее время учреждения активно включены в сектор реальной экономики, удовлетворяя потребности в науко-емких, культурологических и т.д. разработках. Как правило, эти виды деятельности относятся к дополнительным, разрешенным собственником. Соответственно, в осуществлении этих видов деятельности и в распоряжении доходами от нее учреждение относительно самостоятельно. По мнению Е.А.Суханова, самостоятельное распоряжение доходами является правом хозяйственного ведения [Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, 1995. С.312]. В пользу этого вывода он приводит следующие аргументы: во-первых, перечень вещных прав предусмотрен Гражданским кодексом и является закрытым и не может включать права, прямо не предусмотренные законом. Во-вторых, результаты хозяйственного использования имуществом, в силу п.2 ст.

299 ГК РФ, становятся объектом права собственности учредителей, а не учреждения.

Существенным признаком любой некоммерческой организации, в том числе и музея, является перечень целей ее деятельности. От целей деятельности некоммерческой организации зависит объем правоспособности организации. Именно поэтому цели деятельности некоммерческих организаций всегда прописаны в законе, это определяется их правовой природой. Цели создания некоммерческих организаций могут быть различными: социальные, благотворительные, культурные, образовательные, научные, управленческие, охрана здоровья граждан, развитие физической культуры и спорта, удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей, другие цели, направленные на достижение общественных благ [п. 2 ст.2 закона «О некоммерческих организациях»].

Статья 27 ФЗ «О музейном фонде...» определяет основные цели создания музеев: хранение музейных предметов и музейных коллекций; выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций; изучение музейных предметов и музейных коллекций; публикация музейных предметов и музейных коллекций и осуществление просветительной и образовательной деятельности. Закон не допускает создание музеев в других целях. Такое положение является существенным ограничением правоспособности музейных организаций. Насколько оно обосновано? Думается, что законодатель сознательно ограничил круг потенциальных целей деятельности музеев для того, что-

бы эта форма учреждений не могла быть использована для ведения какой-либо деятельности, не относящейся к культурно-образовательной. Опасения законодателя на момент создания закона были обоснованными. Действительно, в период становления нового гражданского законодательства, можно сказать, в переходный период, существовала угроза недобросовестного использования нормативно-правовых пробелов. Кроме того, сказывался и тот факт, что музеи в советское время не считались субъектами гражданско-правовых отношений, их деятельность регулировалась преимущественно нормами административного права. Придание им гражданско-правового статуса само по себе уже было революционным шагом. В настоящее время положение закона о закрытом перечне целей деятельности музеев, на наш взгляд, является устаревшим. Так, например, среди целей отсутствует «восстановление предметов, имеющих музейное значение», «выдача экспертного заключения о музейной значимости предметов, имеющих историко-культурное значение». К сожалению, музеи лишены права участвовать в выработке и в организации охранных мероприятий культурного наследия РФ. Этой цели для них законодатель не предусмотрел. Это — лишь незначительная часть того, что вполне соответствует статусу музейных организаций, но находится за пределами их правоспособности.

Закрытый перечень целей деятельности не дает возможности развиваться сложным музейным образованиям, например, тем, которые выполняют функции не только му-

зеев, но и природоохранных комплексов (музеи-заповедники). Это - музеи, созданные на основе комплексов, ансамблей и отдельных памятников истории и культуры, объявленных ввиду их особой исторической, научной, художественной ценности в установленном законом порядке историко-культурными музеями - заповедниками. Специфика деятельности и организационной структуры музеев - заповедников определяется наличием в их составе памятников, исторически сложившихся, связанных с ними территорий (городская застройка, садово-парковый или природный ландшафт), музейных собраний и музейных экспозиций. Музеи - заповедники имеют несколько профилей деятельности, характер которых зависит от видов памятников, входящих в музей - заповедник (исторический, литературный и т.д.). Особенности правового регулирования музеев - заповедников определяются сочетанием правоотношений по владению, распоряжению и пользованию движимыми (музейные коллекции) и недвижимыми (земельные, водные, лесные и иные природные ресурсы) объектами, входящими в состав музеев - заповедников. Их специфическое отличие от других музеев страны состоит в том, что они обладают территорией с особым правовым статусом: абсолютное большинство из них фактически является особо охраняемыми историко-культурными и природными территориями. Эти образования выпали из поля нормативного регулирования. По сути, это особая историко-культурная территория, несущая музейную нагрузку. ФЗ «Об особо охраняемых

природных территориях» не предусматривает создание музеев-заповедников. Нет этой категории и в законе «О музейном фонде...». Кроме того, ст. 27 закона «О музейном фонде...» не предусматривает создание музеев для целей «обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления ... природных комплексов», так как не причисляет последние к музейным предметам и коллекциям (ст.3 законопроекта «О государственных музеях - заповедниках»). Схожие цели (де-факто, но не де-юре) преследуют не только музеи - заповедники, но и музеи - усадьбы, музеи - парки. Это - разновидности музеев, которые непосредственно подпадают под действие закона «О музейном фонде...», являются самостоятельными объектами культурного наследия народов России. Однако, в связи с ограниченным набором целей деятельности музейных организаций, они не в состоянии в рамках дозволенного законом поля деятельности осуществить все необходимые процедуры. Придание дуалистического правового статуса музеям-заповедникам и схожим музейным образованиям проблем не решает, скорее, порождает правовую неразбериху. Расширение целей создания музеев путем легализации открытого их перечня могло бы решить этот вопрос.

Итак, музей - это специфический вид некоммерческой организации, обладающий правом осуществлять деятельность только в рамках установленных законом целей создания. Эти цели прежде всего призваны отражать уникальный характер музейных организаций, не допускать возможности перепрофили-

рования музея, переноса акцента на немوزهйные виды деятельности. По словам директора Политехнического музея - одного из старейших музейных учреждений России, созданного по личному указу императора Александра 11, Г. Григоряна, музей — это храм, научная лаборатория, форум. Грамотно реализуя все функции, музей обеспечивает к себе интерес. Но это же заставляет музей осваивать ранее непривычные формы деятельности. Сам по себе новый опыт полезен, но часто не связан с основной деятельностью музея [Славина 2002. С.4]. Прежде всего, здесь подразумевается такая деятельность, которая приносит музею ощутимый доход, по своим признакам подпадает под определение предпринимательской деятельности.

О праве осуществления предпринимательской деятельности некоммерческими организациями упоминалось нами выше. Об этом более подробно говорят специальные законы, определяющие их статус.

Закон «О некоммерческих организациях» в п. 2 ст. 24 разрешает осуществлять некоммерческой организации предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана. Здесь же дается понятие предпринимательской деятельности. Такой деятельностью, в целях определения отношений, регулируемых этим законом, признаются приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяй-

ственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика.

Закон «О некоммерческих организациях» предусматривает, что законодательством РФ могут устанавливаться ограничения на предпринимательскую деятельность некоммерческих организаций отдельных видов [абз. 2 п. 2 ст. 24].

Ст. 47 Основ законодательства РФ «О культуре» устанавливает правило, согласно которому организации культуры, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, вправе вести предпринимательскую деятельность, предусмотренную их уставом. Причем в этой же статье говорится, что деятельность некоммерческих организаций культуры по реализации предусмотренных уставом производимой продукции, работ и услуг относится к предпринимательской только в той части, в которой получаемый от этой деятельности доход не инвестируется непосредственно в данной организации на нужды обеспечения, развития и совершенствования основной уставной деятельности.

Ст. 33 ФЗ «О музейном фонде ...» разрешает музеям осуществлять любую деятельность, не запрещенную законодательством РФ и соответствующую целям деятельности музеев в РФ. Но законодатель ограничивает право ведения предпринимательской деятельности музеев, указывая, что ее осуществление возможно лишь постольку, поскольку это служит достижению целей деятельности музеев.

Осуществление предпринимательской деятельности исключительно в уставных целях значитель-

но ограничивает спектр возможных видов деятельности некоммерческих организаций, в том числе и музеев. Кроме того, закон «О музейном фонде...» устанавливает дополнительные ограничения по распоряжению доходами, полученными от ведения такой деятельности. В ст. 29 этого закона говорится о том, что музеи вправе использовать суммы, полученные от сдачи в аренду недвижимого имущества, закрепленного за государственными музеями, только на поддержание технического состояния данного недвижимого имущества. Такое законодательно закрепленное ограничение, на наш взгляд, в настоящее время вряд ли может быть названо объективно соответствующим интересам музейных организаций. Несомненно, финансовые потребности музеев значительно шире, чем содержание недвижимого имущества. Однако, в случае использования арендных доходов на иные цели, в соответствии с действующим бюджетным законодательством, музей может быть обвинен в нецелевом использовании денежных средств и привлечен к административной ответственности.

Необходимость целевого оправдания по расходованию самостоятельно заработанных средств существенно ограничивает возможности музеев по их аккумуляции. Именно поэтому в наших российских музеях становится реальной ситуация, когда, например, Екатеринбургский областной музей не мог найти 1 000 рублей для покупки уникальной коллекции монет советского периода, включая серебряные и золотые рубли [Сакнынь, 2000. С.102]. Заметим, что в данном случае сред-

ства музей потратил бы именно для реализации одной из целей, для которой он был создан: выявление и собирание музейных предметов и коллекций.

Конечно, музей — специфическая организация, которая не должна быть нацелена на полное самостоятельное финансовое обеспечение своей деятельности. Хотя, как показывает опыт приватизации группы музеев Нидерландов (21 музей), музейные организации могут быть вполне успешными хозяйствующими субъектами. Суть проводимого в Голландии эксперимента заключается в предании музеям статуса самостоятельной самоокупающейся организации. Группа музеев была передана в частные руки с целью повышения эффективности их менеджмента. Через год самостоятельной работы был проведен анализ финансового положения музеев. Музеи продемонстрировали свою способность выжить без государственных дотаций, показали себя как эффективные участники рыночных отношений [Berends 1996, p. 114-115].

Однако, подобная практика скорее может считаться исключением из общего правила. Обычно, музеи остро нуждаются в инвестициях, спонсорской (благотворительной) помощи, не имеют возможности свободно зарабатывать для себя деньги. Так, музей под открытым небом — Летний сад Санкт-Петербурга получил в 2002 году 4 миллиона рублей на свое содержание, в то время как по заключению специалистов для сохранения нормального состояния сада требуется ежегодно 25 миллионов рублей [Шергина, 2002. С.15]. Интересен опыт

Канады по созданию финансовых стимулов для поддержки национальных музеев. Там действует специальный финансовый фонд, который оказывает музеям помощь в поисках партнеров — инвесторов. Предусмотрена система налоговых льгот для лиц, которые жертвуют ценности канадским музеям. Разрешено вычитать в полном объеме сумму денежных пожертвований из общей суммы облагаемой налогом прибыли. В результате в Канаде ежегодно рассматриваются до 1000 заявок на пожертвования для музеев, общей стоимостью до 58 млн долларов США. Ежегодно государство дополнительно выделяет 30 — 35 грантов общей стоимостью до 1 млн долларов США для пополнения музеями своих коллекций [Вилков, 2000. С.24-25]. Приведенные примеры демонстрируют, что в основе подходов Европы и Канады по обеспечению деятельности музеев лежат принципы адресной финансовой поддержки и стимулирования собственной экономической инициативы. На наш взгляд, оба подхода не исключают друг друга, могут сочетаться при формировании новой правовой базы, посвященной статусу музеев в России. Традиционным для нашей страны считается тот вариант, который основывается на полном финансовом обеспечении деятельности музея его собственником. Еще до революции историко-культурное наследие в определенной степени соединялось с символами государственности, центральной власти, музеи выполняли, в том числе, и идеологическую функцию. Поэтому становление и развитие музейной сети считалось государственным делом, находилось

под патронажем монарха [Каспаринская 1991. С. 52-53].

Таким образом, подводя итоги вышесказанного, отметим основные черты правового статуса российского музея: во-первых, музей — это некоммерческая организация, цели деятельности которой строго определены законом. Во-вторых, музеи вправе осуществлять предпринимательскую деятельность для достижения уставных целей, однако право распоряжаться доходами от ведения такой деятельности ограничены законом и могут быть ограничены учредителем музея. В-третьих, музей может создаваться только в виде учреждения. Можно ли назвать достаточным такой уровень гражданской правосубъектности для современного музея? На этот вопрос нет однозначного ответа. Для государственного музея, имеющего сравнительно стабильное финансирование, пожалуй, опека государства — учредителя во многом является благом, хотя, как уже было отмечено, препятствует развитию новых форм участия музея в правоотношениях, консервирует традиционные методы работы музея. Негосударственные музеи, обладающие на стадии создания большей амплитудой правовых возможностей, осознают, что законодательно закрепленные ограничения не дают им возможность разговаривать на равных с активными хозяйствующими субъектами, мотивировать экономическую перспективность сотрудничества. Поэтому они вынуждены создавать дополнительные организационные структуры, более мобильные в правовом плане.

На наш взгляд, проблема могла быть решена путем внесения изменений в правовую дефиницию термина «музей». Суть этих изменений должна касаться расширения правового поля деятельности музея. Прежде всего, это касается расши-

рения целей деятельности музея, возможно, разрешения создания негосударственных музеев не только в форме учреждений, но и в других формах, снятия существующих ограничений по распоряжению заработанными средствами.

К.В. Завалин
ПРОБЛЕМЫ
СОХРАНЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ РОССИИ:
ОТ СОВЕТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ ДО
СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

1. Россия

Наблюдаемая в России картина в сфере охраны археологического наследия далеко не утешительна. По неполным данным еще 1996 г. в результате антропогенного воздействия уничтожено более 1130 археологических памятников.

В России археологические работы на строительстве ведутся более 70 лет. В 1927 г. археологи начали изучать памятники в зоне затопления Днепрогэса. В 1929 г. была организована первая новостроечная экспедиция ГАИМК-Волго-Донецкая под руководством А.А. Миллера. В 1934 г. было принято постановление ВЦИК и СНК СССР, согласно которому при строительстве должны выделяться средства на раскопки уничтожаемых археологических памятников. Это позволило организовать археологические работы при возведении нескольких электростанций, канала Волго-Дон, а так же при сооружении Московского метрополитена. После второй Мировой Войны археологические охранные работы продолжились при создании электростанций на Волге, Енисее, Каме,

сельскохозяйственных систем на юге России [Работы археологов РСФСР на новостройках в 1927-1932гг, 1932, с. 37].

2. Советская археология до перестройки (1950-1980 г.)

Сведения об археологии этого периода, если судить по свидетельствам ученых-современников, иногда несколько туманны, в силу того, что слишком велик соблазн “впасть в ностальгическое любовование” тем ушедшим временем. Многие из ученых того времени были действительно счастливы: вхождение в науку, первые раскопки и открытия, первые публикации, первые книги. О положении науки на западе сведений было мало — многие не знали языков, а те, кто знал, не спешили этими знаниями делиться по известным причинам [Шер, 1999, с. 210].

Советская археология была сосредоточена в учреждениях трех типов

- 1) Институты АН ССР и АН союзных республик (фактически это была единая система);
- 2) Крупные музеи;
- 3) Кафедры старых университетов.

В библиографическом указателе “Советская археологическая литература” за 1958-1962 гг. приведено 8178 публикаций, принадлежащих примерно 950 авторам книг и статей. Таким образом, в отмеченные годы действующих “чистых” археологов в СССР было примерно 600-650 человек, что совсем не много для такой огромной страны, даже если сократить ее площадь до половины или одной трети за счет гор, морей и других “нежилых” территорий. Когда в конце 1950-х или в

начале 1960 годов П.Н. Третьяков вернулся из командировки в Чехословакию, он сообщил, что там на единицу площади приходится в десятки раз больше археологов, чем у нас. Однако эти вопросы оставались где-то на заднем плане и не вызывали какого-то недовольства существующим положением [Шер, 1999, с. 210].

Не вызывало особого неудовлетворения и бюджетное финансирование в целом весьма скромное, но сравнивать было не с чем, а специфика науки такова, что гнаться за кубометрами не приходилось. Отдельные ученые добивались приличного финансирования для своих экспедиций (Хорезм, Новгород, Пенджикент), но таких было буквально единицы.

Постановление СНК 1934 года об особом финансировании археологических работ в зонах строительства особенно интенсивно заработало в связи с “великими планами преобразования природы”. Ученых радовала возможность масштабных исследований на новостройках, отпускавших невиданные по тем временам деньги на эти цели. Когда, например, на Байкальскую экспедицию 1959 г. было отпущено 1,2 млн. рублей (в дохрущевских деньгах), эта сумма казалась столь гигантской, что для комплектования экспедиции устроили мобилизацию и почти принудительно направляли туда “античников”, “среднеазиатов”, “неолитчиков” и других специалистов. Никто не допускал и тени сомнения в целесообразности “великих строек коммунизма”. За эти годы (1950-1980) советская археология достигла без преувеличения больших успехов. Были возоб-

новлены или начаты масштабные стационарные раскопки. Это было время выдающихся полевых открытий, в том числе и в Прикамье. В те же годы началось активное использование в археологии естественных методов: абсолютная датировка по радиоуглероду, геофизические методы поиска и изучения памятников, аэрофоторазведка и аэрофотосъемка, первые успешные попытки использования математических методов и ЭВМ.

Несмотря на общие прохладные отношения высокого партийно-государственного начальства к древности вообще и к археологии в частности, археологов тогда отмечали самыми престижными научными премиями того времени — Сталинскими (позднее государственными) и Ленинскими. Важен тот факт, что власть признавала научную ценность археологических исследований и видела в них нечто большее, чем только идеологическое обеспечение своей политики.

Уже в начале 1960-х годов большой размах работ на новостройках порождает у многих ученых сомнения в необходимости столь жестких темпов строительства.

Подход властей к археологическим работам на новостройках в целом был верно охарактеризован А.А. Формозовым: “На новостройках не археологи диктовали сроки строительства, а строители задавали неприемлемый для ученых темп... Новостроечные экспедиции 1970-1980 гг. выезжали в поле в апреле, когда земля еще была покрыта снегом, а возвращались в октябре, когда снова ложился снег... Материала добывалось так много, что его негде было хранить, некому рестав-

ризовать и обрабатывать...” (Формозов А.А.). Но не факт, что именно строители задавали темп. Здесь скорее причастны партийно-хозяйственные власти, которые должны были к тому или иному юбилею и уже обязательно к 31 декабря отрапортовать о своих новых “достижениях”. Строители уже подкупали орденами и премиями [Шер, 1999, с. 213].

Ущерб, нанесенный стране, исчисляется многими десятками миллиардов рублей (в ценах 1960-х годов) и еще продолжает наноситься. Потери археологии только от затопления долины Верхнего Енисея, уникального археологического музея под открытым небом, вряд ли удастся подсчитать хотя бы приблизительно. В Прикамье такая же ситуация сложилась с Камским водохранилищем: уничтожено множество памятников, множество разрушается по сей день в результате ежегодных подтоплений, а водохранилище оказалось экономически невыгодным и не окупает само себя. Потеряны целые эпохи [Шер, 1999, с. 213].

В итоге за этот период времени с одной стороны Советская археология достигла очень высокого уровня своего развития во всех направлениях и в некоторых опережала даже мировой уровень, например методы математической обработки, классификация, абсолютное датирование развивалось в России одновременно с Западом и самостоятельно.

В аспекте же работ по охране археологического наследия, характерной чертой этих работ было то, что экспедиции специально организовывались в каждом конкретном

случае и нередко благодаря настойчивости отдельных археологов (в Прикамье это были Талицкий, Бадер, Оборин и другие ученые, которые в кратчайшие сроки исследовали и описали сотни археологических памятников, подверженных в последствии затоплению). Системы охранных работ еще не было.

Лишь в 1970-х годах, после принятия закона “Об охране и использовании памятников истории и культуры” спасительные археологические работы приняли массовый характер. Появились постоянно действующие новостроечные экспедиции. В институте археологии с 1972 года начал существовать Отдел охранных раскопок. Можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство археологического материала за это время, было получено при проведении охранных раскопок.

4. 1980-е гг. Перестройка

Восьмидесятые годы, как и предшествующее время, являют собой период расцвета археологических работ на новостройках. В стране ежегодно действовало около сотни новостроечных экспедиций, по их результатам проводились общероссийские конференции, печатались многочисленные труды. Привлечение средств из строительства способствовало возникновению при университетах и лицеях коллективов археологов, специализирующихся на охранных работах. Начался процесс формирования специалистов в области управления сохранением археологического наследия.

Это было противоречивое время. Сначала археологи видели в охранных работах лишь новый ис-

точник финансирования своих научных исследований. Но постепенно пришло понимание — что главное — физическое сохранение археологических памятников. Поэтому со второй половины восьмидесятых годов главное внимание стало уделяться работе с проектными институтами с целью уменьшить зону строительства, чтобы памятники оказались за его пределами, изменить трассу будущих дорог, чтобы обойти поселение. Логично, что среди полевых археологических исследований на первый план вышли разведочные работы. Отсюда проистекала необходимость сотрудничества с организациями, определяющими методические основы строительного проектирования, с ведомствами, формирующими конкретные направления развития отраслей и отдельных регионов [Смирнов, 1999, с. 46].

5. Последнее десятилетие XX века

В последнее десятилетие объем работ на новостройках резко сократился. Это объясняется как общим кризисом в стране, так и принципиальными изменениями экономической и правовой системы государства. Сокращение целенаправленной археологической деятельности разворачивалось одновременно с резким увеличением числа разрушаемых памятников. Помимо “традиционных” причин в этот период значительную роль играли новые тогда факторы. Среди них — резкая интенсификация использования земли, неконтролируемое государством частное и коммерческое строительство, активное освоение земель в связи с миграционными процес-

сами. И главное началась массовая приватизация земель, началась без выделения земель историко-культурного назначения [Смирнов, 1999, с. 47].

Эти процессы шли на фоне ослабления структуры власти в центре на местах, что влечет безнаказанность за порчу и уничтожение археологических памятников. В это время и создаются благоприятные условия для деятельности профессиональных грабителей археологических памятников. В результате, внутри страны возник “черный” рынок археологических находок во многом ориентированный на зарубежье.

6. Проблемы защиты археологического наследия — день сегодняшний.

Угроза сохранности наследия диктуются действием трех факторов (см. схему 1) [Гусев, Загорулько, 1997, с. 240]:

1. естественное уничтожение;
2. уничтожение в результате хозяйственной деятельности;
3. целенаправленные грабительские раскопки памятников.

Субъектами хозяйственной деятельности выступают: государственные предприятия, акционерные общества и частные предприятия, физические лица. Грабительские раскопки осуществляются как в некоммерческих целях любителями-краеоведами, не имеющими квалификации, так и в коммерческих целях лицами, осуществляющими незаконный промысел в целях наживы, передающими экспонаты перекупщикам, выполняющими в свою очередь заказ частных коллек-

ционеров.

Опасной тенденцией следует считать расширение масштабов противозаконных действий и дерзкое поведение представителей незаконных группировок по раскопкам древностей и их сбыту.

Основные изменения в сфере охраны археологического наследия произошедшее в 1985-1991 годах.

1) Резкое сокращение финансирования на проведения полевых работ;

2) Нежелание государственных предприятий, акционерных обществ и частных структур нести расходы на охранные работы;

3) Ослабление контроля центра и рост полномочий регионов, нередко претендующих на свое исключительное право на археологическое наследие и землеотвод.

Необходимо отметить парадигму между такими категориями как Всемирное археологическое наследие и региональное или этническое наследие. Необходимо четко уяснить, что ни регион, ни этническая группа не могут претендовать на археологическое наследие, не имея квалифицированных специалистов.

4) Возросло национальное самосознание и появление попыток использовать археологическое наследие в качестве доказательства своей национальной исключительности;

5) Уменьшение числа подготовительных кадров (в настоящее время имеется около двух тысяч профессиональных археологов, при сокращении числа экспедиций), а значит, и возможности получения полевой практики для нового поколения археологов;

6) Физический износ и мо-

ральное старение оборудования, невозможность в большинстве случаев применение новых высокоэффективных технологий для выявления и фиксации памятников.

Все эти процессы развивались на фоне появления института частной собственности. В результате отсутствия государственной политики в области археологического наследия и адекватной условиям правовой базы сложилась кризисная ситуация, которая в результате ослабления контроля над сохранением памятников археологии, в некоторых регионах перешла на сегодняшний день в катастрофическое состояние. Нельзя не отметить также и то, что честь территорий России находятся вне контроля Министерства культуры — среди них, прежде всего, земли Минобороны, МВД, Минатома и другие. До сих пор нет реальной проработки проектов заповедников и парков, создаваемых под эгидой Минприроды и совершенно не учитывающих специфику археологического наследия.

Невостребованность обществом археологического наследия России и археологической науки имеет как объективные, так и субъективные причины, а корни такого положения произрастают в политическое и экономическое устройство страны.

Огромный ущерб сохранению археологического наследия и археологической науке был нанесен в результате:

1) бессистемных раскопок на крупных и особо ценных памятниках

2) неравномерности в обследовании регионов и изучении культур и эпох

3) низкого методического уровня значительной части проводимых работ

4) отсутствия материально-технической базы во многих регионах и учреждениях для обработки и хранения коллекций

5) местничества, достигшего своего апогея в 90-е годы

6) отсутствия квалифицированных кадров археологов в отдельных регионах полностью и недостаточного количества археологов в целом по России

7) небольшого количества специалистов в области археологического наследия и отсутствия системы подготовки кадров в этой сфере

Эти проблемы существовали 10 лет назад, еще до формирования современного законодательства, остались они и сейчас. Поскольку остались те же проблемы со специалистами археологами на местах, то, следовательно, страдает система контроля и управления археологическим наследием России.

Специфика археологического

наследия состоит в том, что недвижимые и движимые памятники являются не только физическими объектами, но и, прежде всего, хранилищами информации о материальной и духовной культуре и среде обитания человека.

Каждый памятник археологии представляет собой архив информации о культурах, народах, конкретных событиях и отдельных людях. Утрата памятника археологии носит не только материальный характер, но нравственный, информационный. В этом состоит основное своеобразие земель, на которых расположены археологические памятники. Совершенно определено, что все вопросы регулирования в области землевладения и землепользования должны решаться в соответствии с основными положениями земельного права. В настоящее время в условиях введения института частного землевладения необходимо учесть мировой опыт охраны наследия при формировании рынка земель.

Схема основных разрушающих факторов (схема 1)

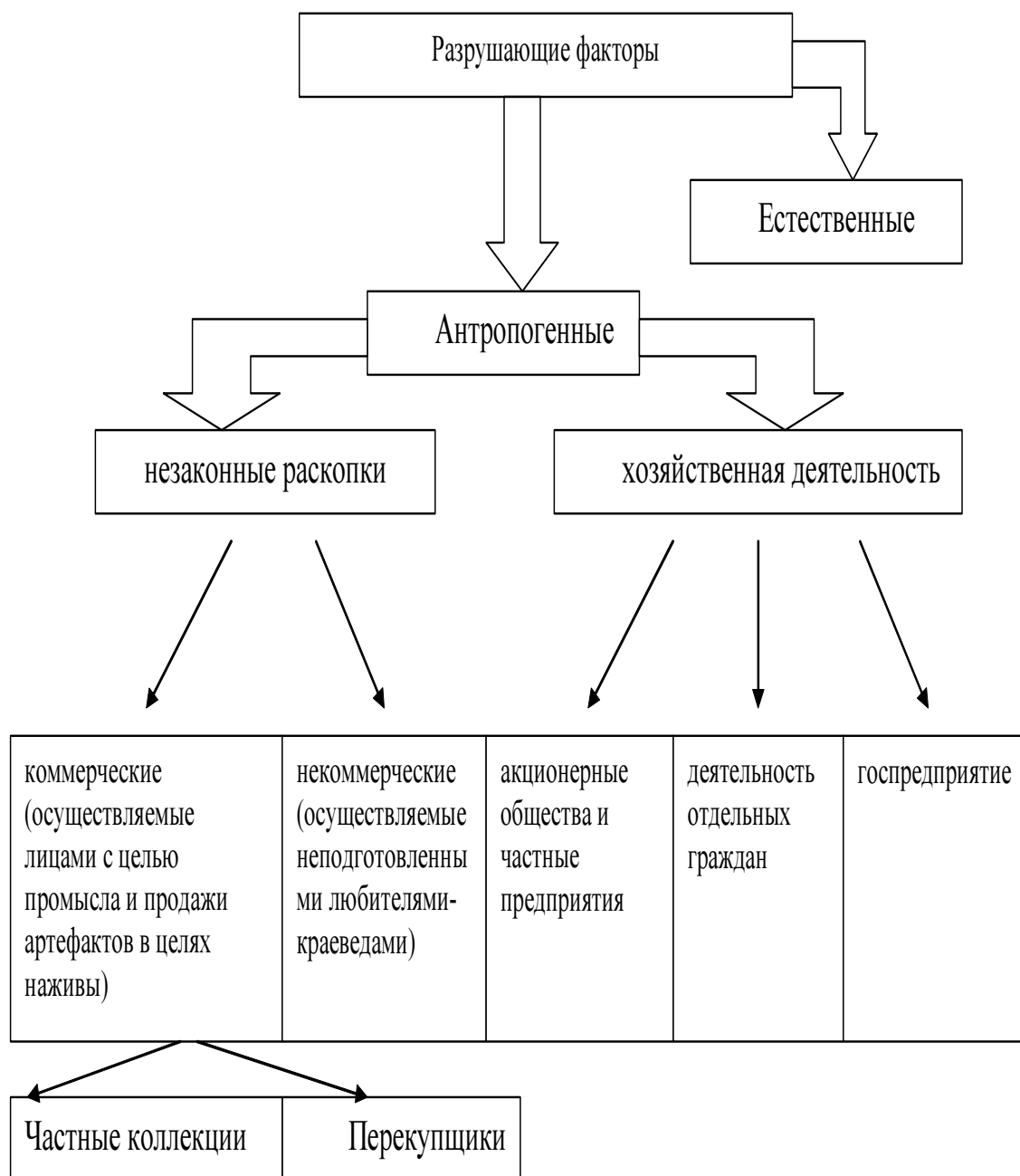

Схема 1. Разрушающие факторы

АВТОРЫ

Абдулова Светлана Ильфатовна, зав. лабораторией археологии и этнографии ПГПУ, аспирант ИИ АН РТ.

Агафонова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ПГПУ.

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, проректор ПГПУ по научной работе.

Вильданов Родион Фаясович, главный специалист Научно-производственного центра охраны и использования памятников истории и культуры Пермской области.

Завалин Константин Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории ПГПУ.

Игнатьева Оксана Валерьевна, старший преподаватель кафедры культурологии, аспирант кафедры отечественной истории ПГПУ.

Калинина Ирина Всеволодовна, кандидат исторических наук, сотрудник отдела истории первобытных культур Государственного Эрмитажа.

Коренюк Сергей Николаевич, научный сотрудник НИЧ ПГУ.

Крыласова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ПГПУ.

Куликов Кузьма Иванович, доктор исторических наук, директор УдИИЯЛ УрО РАН, профессор, заслуженный деятель науки УР и РФ.

Лычагина Евгения Леонидовна, ассистент кафедры отечественной истории ПГПУ.

Ленц Галина Тимофеевна, старший преподаватель кафедры отечественной истории ПГПУ.

Мельничук Андрей Федорович, старший преподаватель кафедры древней и новой истории России ПГУ.

Мингалев Виталий Викторович, педагог дополнительного образования ПГДТЮ.

Мокрушин Владимир Павлович, инженер НИЧ ПГУ.

Островский Сергей Львович, аспирант кафедры отечественной истории ПГПУ.

Подвинцев Олег Борисович, доктор политологических наук, профессор ПГУ

Сокол Владимир Александрович, директор МОУ средняя школа № 151 г. Перми.

Федорова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИА УрО РАН.

Чернядьева Наталья Алексеевна, аспирант кафедры гражданского права и процесса ПГУ.

Чуйкина Екатерина Владимировна, сотрудник НИЧ ПГУ

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 1932. Работы археологов РСФСР на новостройках в 1927-1932 гг. Москва. 37 с.
2. 1987. Методические основы охраны и использования памятников археологии. Москва.
3. 1995. Базы данных в археологии. Москва.
4. 2000. Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материал научной конференции. Удмуртия, Ижевск.
5. Berends R. 1996. De foctionnaire a entrepreneur: l acces a l autonomie des musees nationaux // Septentrion., № 1.
6. Fedorova, N., 1990. Silverware of "Magna Hungaria" // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen.
7. Fodor Istvan, 1982. Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Corvina Kiado, Budapest. - 372 s.
8. Kivikowski E., 1937. Studien zu Birkas Handel im cstlichen Ostseegebiet // Acta archaeologica. VIII.
9. Kokovski A., 1985 Die Feuerstahlwerkzeuge der Pszeworskikultur // Memoires Archeologiques. Lublin.
10. Ksks P., 1969. Ett ryttaeldstel. Nordsvensk forntid. Skytteanska samfundets handlingar 6. Umee.
11. Marschak, Boris., 1986. Silberschatze des Orients. VEB E. A. Seemann Verlag Leipzig. - 438 с.
12. Prichodnuk, O.M., Curilova L.N.. 2002. The Korobchino find (Ukraine) and some problems of the Hungarian ethnogenesis. // Acta Archaeologica. Tomus LIII, Fasciculi 1-3. Akademiai Kiado. Budapest. P. 183-194.
13. Абдулова С.И. 1997. Бусы средневековых памятников Прикамья// история и культура финно-угорских народов: материалы международной конференции. Глазов.
14. Августиник А.И. 1956. К вопросу о методике исследования древней керамики// КСИИМК, вып. 64, с.152.
15. Александрова Л. В. 1993. Работа отдела охранных раскопок Института Археологии в 1987-1990 гг.//Краткие сообщения Академии Наук, Институт Археологии, Вып. 210.
16. Алексеева Е. М. 1985. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
17. Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. М.
18. Альтмуллер Б. Л., Короленко И. И., Постникова О. Н. 1980. Проблемы долговременного хранения археологических памятников./ Проблемы охраны памятников в населенных местах. Ереван.
19. Архипов Г.А., 1986. Марийцы в XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола.
20. Афанасьев Г. Е., Андреева М. В., Смирнов А. С. 1993. К концепции охранных археологических работ в РФ.// Краткие сообще-

ния Академии Наук, Институт Археологии, Вып. 210.

21. Бадер О.Н. 1951. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое оз. I на р.Чусовой// МИА, №22.

22. Бадер О.Н. 1956. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 годах// Уч. Зап. Молот, ун-та, т.ХІ, в.3, Пермь.

23. Бадер О.Н. 1957. Камская археологическая экспедиция. (Работы 1953 и 1954 гг.)// КСИИМК, 70.

24. Бадер О.Н. 1959. Камская археологическая экспедиция в 1956 году// КСИИМК, 74.

25. Бадер О.Н. 1961. III Ново-Ильинское поселение// Отчеты КАЭ, вып.2.

26. Бадер О.Н. 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99.

27. Бадер О.Н. 1970. Уральский неолит// Каменный век на территории СССР. М.

28. Бадер О.Н., Оборин В.А. 1960. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 годах// Уч. Зап. Пермск. ун-та, т.ХІІ, в. I, Пермь.

29. Бауло А.В. 2001. Богатырь и невеста. (Серебряное блюдо с реки Сыня).// Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, Наука, вып. 2(6). С. 123-127

30. Бауло А.В. 2002. Культурная атрибутика березовских хантов. Изд-во Института археологии и этнографии СОРАН, Новосибирск. — 91 с.

31. Бауло А.В. 2002а. Обские угры: атрибутика и миф (металл в религиозно-обрядовой практике XVIII — XX вв.). Дисс. докт. ист.

наук. Новосибирск.

32. Бейлин И.Г., Парнес В.А. 1969. А.Е. Теплоухов. М. — 68 с.

33. Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, изд-во Пермского гос. пед. ун-та. — 200 с.

34. Белавин А.М. 2001. О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья// Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып.1-2. Пермь.

35. Белавин А.М. 2001а. Бляхи с «охотничьим сюжетом из Верхнего Прикамья// Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники.

36. Белавин А.М. Островский С.Л. 2002. Волжская Булгария и Пермское Предуралье// очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь.

37. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 1995. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса)// Уржумка. Научный журнал ЧГПИ. 1995, № 1.

38. Беляев В. И., Гуляев Л. А. 1995. О современном состоянии археологии в России.//Российская археология, №3.

39. Бочаров И.В. 2000. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона. Автореф. дисс. кандидата ист. наук. Уфа.

40. Викторова В.Д. 1973. Ликинский могильник X — XIII вв. // ВАУ вып. 12. Свердловск. С. 137-174.

41. Вилков А.И. 2000. Международные и национально-правовые основы сохранения культурных ценностей// Сохранение культурных ценностей: проблемы и перспективы. Екатеринбург.
42. Вильданов Р.Ф. 2000. Монеты в хронологии Рождественского археологического комплекса// Оборинские чтения. Вып 1. Пермь.
43. Вишневский Б.Н. 1960. Следы угров на Западной Урале// Уч. зап. ПГУ. Т.12. Вып.1. Труды КАЭ ПГУ. Вып.3. Пермь.
44. Власова И.В. 1992. Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. М.
45. Воеводский М.В. 1936. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории десной зоны европейской части СССР// СА, № 1, с.64.
46. Габяшев Р.С. 1978. Русско-Азиевская стоянка// Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
47. Габяшев Р.С. 1976. Памятники неолита, с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы// Из археологии Волго-Камья. Казань.
48. Габяшев Р.С. 1978а. Второе Татарско-Азиевское поселение// Древности Иско-Бельского междуречья. Казань.
49. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев р.Камы. Свердловск.
50. Голдина Р.Д., Королева О.П. 1983. Бусы средневековых монгильников Верхнего Прикамья// Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху: сб. научных трудов. Ижевск.
51. Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.)// Погребальные памятники Прикамья. Ижевск.
52. Голубева Л.А. Семантика изображений на огнивах с бронзовыми рукоятями// Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар.
53. Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями //СА. № 3.
54. Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы// Новое в советской археологии. М.
55. Голубева Л.А., 1987. Марийцы// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
56. Голубева Л.А., Варенова А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями// РА. № 4.
57. Гопак В.Д., 1986. Железообрабатывающее ремесло //Археология Украинской ССР. Т.3.Киев.
58. Горбунова Н.Г., Ивочкина Н.А. 1988. Монеты Ушу из могильников Ферганы // Сообщения ГЭ. 1. 11.
59. Горшков А.И. 2002. Старославянский (древнецерковнославянский) язык. М. 141 с.
60. Гражданское право. 1998. Изд.2-е. М.
61. Гусев С. В., Загорулько А. В. 2000. Основные направления и методы охраны археологического наследия России в 1980-1990гг.//

Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. Сборник статей по материалам семинаров 1998-1999гг. Москва. 240 с.

62. Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока. М, Наука. - 196 с.

63. Денисов В.П. 1961. Кряжская неолитическая стоянка// Отчеты КАЭ ИА АН СССР, вып.2, М.

64. Денисов В.П. 1960. Хуторская неолитическая стоянка. - Тр. КА.Э, вып. 3, Пермь.

65. Деопик В.Б. 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI-X веков// МИА. № 114. М.

66. Евгалевский А.В., Потемкина Тат.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья //ДАС. Вып.6.

67. Евгалевский А.В., Потемкина Тат.М., 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы //Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.

68. Евтушенко А.И. 1988. Археологическая разведка в Ильинском районе Пермской области / Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

69. Ешевский С. 1859. Заметка о пермских древностях.//Пермский сборник. Кн.1. М.

70. Завьялов В.И., 1988. Черная металлообработка у древних коми-пермяков //Новые археологические памятники камско-вятского междуречья. Ижевск.

71. Загорулько А. В. 2000. Эволюция государственной политики сохранения и изучения археологического наследия в США.// Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. Сборник

статей по материалам семинаров 1998-1999гг. Москва.

72. Заднепровский Ю.А. 1992. Ранние кочевники Кетмень – Тюбе, Ферганы и Алая// Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

73. Зеймаль Е.В. 1967. Монеты Великих кушан в Государственном Эрмитаже// Нумизматика. Вып. 3. Труды ГЭ. Том 1X. Л.

74. Зеймаль Е.В. 1978. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным// Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л

75. Зеленин Д.К. 1995. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. //Избранные труды. М. 432 с. (репринт с изд.1916 г.)

76. Злобин И.В., Пихоя Р.Г. 1986. Семья на Урале в 18- первой половине 19 вв. Свердловск.

77. Иванова М.Г. 1995. Городище Иднакар IX-XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989-1992гг.)// Материалы и исследования городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск.

78. Иванова М.Г. 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX – XIII вв. Ижевск, изд-во Удм. Ин-та истории, языка и литературы. – 291 с.

79. Иессен А.А. 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном// СА. XVI.

80. Истомина Т.В., 1999. Вотчинский могильник //Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке. Сыктывкар.

81. Кавка А. 1928. Перстни Камско-Волжской Болгарии // Изв.

О-ва археологии, истории и этнографии. Т. XXXIV. Вып. 1-2.

82. Казаков Е.П. 1991. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. Казань.

83. Казаков Е.П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М, Наука. — 332 с.

84. Казаков Е.П. 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских булгар IX-XI вв. //Культуры евразийских степей второй пол. I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара.

85. Каспаринская С.А. 1991. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII — начало XX в.в.// Музей и власть. Часть 1., М.

86. Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени //САИ, в.Е1-36. М.-Л.

87. Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв./ САИ, вып. Е1-36. М.

88. Клировая ведомость Богородице-Казанской единоверческой церкви села Ср.Егвинского Пермского уезда. 1917 г. //ГАПО, ф.195, оп.1, д.46, 205 л.

89. Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода великого //МИА. №65.

90. Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

91. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. 1995. Часть 1. М.

92. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. 2001. Нердвинский некрополь — своеобразный погребальный памятник нового времени (конец XVII-

первая половина XVIII вв) в Среднем Приуралье// Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1-П. Пермь.

93. Корзухина Г.Ф. Об Одинах и кресалах Прикамья //Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

94. Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Оборин В.А. 1999. Из истории Успенского женского монастыря// Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь.

95. Кочкуркина С.И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X — XIIIв. Л.

96. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. 1971. Культура и быт горнозаводского Урала. М.

97. Крыласова Н.Б., Белавин А.М. 2000. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль)// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск.

98. Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О. 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса// Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.

99. Кулаков В.И., 1995. Варианты иконографии Одина и Тора V-XI вв. //Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности. В.2, СПб.

100. Куликова Е. Д. 1980. Пропаганда памятников археологии.// Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. Материалы всесоюзной конференции. Ереван.

101. Кутьев О.Л. 1999. Музей-

ная сеть Пермской области: современное состояние, тенденции развития и место в культурном пространстве Урала // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Пермь.

102. Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура/ САИ, вып. ЕЗ-18. М.: Наука.

103. Ленц Г.Т. 1999. Городище Анюшкар и комплекс средневековых археологических памятников у с. Кыласово// XIV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. Челябинск.

104. Ленц Г.Т. 2000. Исследования Кыласовского комплекса средневековых археологических памятников// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск.

105. Ленц Г.Т., Белавин А.М. 1988. Эпоха средневековья// Археологические памятники бассейна р. Чусовой. Чусовой.

106. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. 1997. Гляденовское костыще. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь.

107. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. 1999. Гляденовское костыще. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь.

108. Лещенко В. Ю. 1970. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья. СА № 3.

109. Лещенко В.Ю. 1981. Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров)// Актуальные проблемы изучения религии и атеизма. Издание Государственного музея истории религии и атеизма. Сборник науч-

ных трудов. Ленинград. С. 105 — 125.

110. Лобанов Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова// КСИА. Вып.195.

111. Львова З.А. 1961. К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы в VIII-X вв.// Исследования по археологии СССР. Л.

112. Львова З.А. 1968. Стеклянные бусы Старой Ладogi// АСГЭ. №10. Л.

113. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв.М.

114. Макаров Л.Д. 1990. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII-XVIII вв.)// Взаимодействие древних культур Урала. Пермь.

115. Макаров Л.Д. 1996. Язычество и Христианство в духовной жизни населения камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья // Финно-угроведение. Йошкар-Ола. №2. с.23-49.

116. Макаров Л.Д. 2000. Несколько слов относительно некоторых концепций исторического прошлого Верхнего Прикамья// Пермское Прикамье в истории Урала и России. Березники.

117. Макаров Л.Д. 2001. Погребальный обряд старообрядцев Верхотамья (по археологическим материалам и этнографическим параллелям) // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь.

118. Макаров Н.А., 1982. Средневековый могильник Попово в Каргаполье //КСИА. Вып.195.

119. Макарова Т.И. 1986. Черное дело Древней Руси. М, Наука. - 153 с.

120. Мальцев А.И. 1996. Ста-

роверы-странники в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск.

121. Мартынова Е.П. 1993. Обско-угорские княжества середины 2 тыс. н.э.// Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.

122. Маршак Б. И. 1976. Серебряные сосуды X-XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии// Искусство и археология Ирана и Средней Азии. М, Наука.

123. Маршак Б.И. 1971. Согдийское серебро. М.

124. Массон В. М. 1998. Археология и культурное наследие страны.//Археологический вестник. Санкт-Петербург, №5.

125. Массон В.М. 1985. Северная Бактрия// Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.

126. Мельничук А.Ф. 1999. Гляденовские «всадники»// Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов. М.

127. Мельничук А.Ф., Вылежнева М.В. 2002. Изделия из халцедона-сапфирина в Восточной Европе как индикатор культурных связей населения Прикамья с сарматским миром в первой половине 1 тыс. н.э.// Оборинские чтения. Вып. 2. Пермь.

128. Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н. 1996. Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах X-XVIII вв.//Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том 1.Сыктывкар.

129. Мельничук А.Ф., Лепихин

А.Н. 2002. Медно—бронзовое культовое литье Гляденовского костыща и проблема соотношения гляденовских и кулайских древностей в археологии раннего железного века/. Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург — Ханты-Мансийск.

130. Монгайт А. Л. 1963. Археология и современность. Москва.

131. На путях из Земли Пермской в Сибирь. М., 1989

132. Никитина Т.Б. 1992. Марийцы (конец XVI - начало XVIII вв.). Йошкар- Ола.

133. Новокрещенных Н.Н. 1901. Археологические исследования в западной части Пермской губернии.// Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Пермь.

134. Оборин В.А. 1953. Рождественское городище и могильник. //УЗ Мол ГУ, т.IX, вып. 3. Харьков.

135. Оборин В.А. 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.

136. Оборин В.А. 1977. К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI- XVII вв.// Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

137. Оборин В.А. 1999. Коми-пермяки// Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: коллективная монография. Ижевск.

138. Оборин В.А., Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е. 1994. Нижний Чусовской городок. Каталог археологической коллекции. Ильинский.

139. Окладников А.П. 1966. К истории культурно-этнических связей населения Евразии III-II тыс.

до н.э. СЭ, № 1.

140. Орлов Р.С. 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X – XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М, Наука. С. 32-52.

141. Основы законодательства Российской Федерации о культуре утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) // Ведомости СНД и ВС РФ, 19.11.1992, N 46, ст. 2615.

142. Островский С.Л. 2001. К систематике причин выпадения кладов серебра в средневековом Предуралье // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып.1-2. Пермь.

143. Отчет о состоянии раскола по материалам уездных миссионеров; отчеты о деятельности миссионеров-сотрудников, книгоносов, миссионерских кружков за 1909-14 гг. // ГАПО, ф.95, оп.1, д.6. 44 л.

144. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, турки и половцы в южно-русских степях // МИА, № 62.

145. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. 1991. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск.

146. Полубояринова М.Д. 1988. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

147. Полубояринова М.Д. 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.

148. Порфиридов Н.Г. 1951. Предметы прикладного искусства / Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.-Л.

149. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с при-

менением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, N 152, 13.08.1996.

150. Проект федерального закона «О государственных музеях - заповедниках»

151. Пушвинцев И. 2000. Пустынничество // Чердынский край. Соликамск. 1928. вып.3. с.17-20.

152. Руденко К.А., 2000. Датировка находок «аскизского» круга из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань

153. Руденко К.А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Казань, из-во «Заман».

154. Русские: семейный и общественный быт. М., 1986

155. Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладогe (к истории общекалтийских связей в предкингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

156. Савельева Э.А. 1987. Вымские могильники XI – XIV вв. Ленинград, изд-во ЛГУ. – 200 с.

157. Савельева Э.А., 1971. Пермь Вычегодская. М.

158. Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.

159. Сайко Э.В. 1966. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII - XIII вв. Душанбе.

160. Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полумской культуры. Ижевск.

161. Семенов В.А., 1988. Тольенский могильник IX – н. X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск.

162. Славина Н. 2002. Политехнический музей: из прошлого в будущее // Российская газета, № 240, 24.12.
163. Словарь музейных терминов и определений. 2000. Челябинск.
164. Словарь Пермских говоров Пермь. 608 с.
165. Смирнов А. С. 1990. Археологические исследования на новостройках. Москва.
166. Смирнов А. С. 2000. Сохранение археологического наследия в современных условиях.// Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. Сборник статей по материалам семинаров 1998-1999гг. Москва. 46-47 с.
167. Смирнов А.П. 1951. Волжские булгары// Труды ГИМ, вып. 19. — 277 с.
168. Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 28.
169. Смирнов А.П. 1981. Волжская Болгария// Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.М, Наука. С. 208 — 212.
170. Спицын А.А. 1901. Сводка сведений о древностях Пермской губернии/ Рукопись, ок. 1901. РА ИИМК, ф.5, д.175.
171. Спицын А.А. 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. — Спб.
172. Спицын А.А. 1906. Шаманские изображения// ЗРАО, вып. 8. — 145 с.
173. Ставиский Б.Я. 1977. К югу от железных ворот. М.
174. Тегако Л.И., Саливон И.И. 1994. Основы современной антропологии. Минск. 271 с.
175. Теплоухов А.Е. 1880. Известие о Чудском селище близ села Кудымкарского// Записки УОЛЕ, т.6, Екатеринбург.
176. Теплоухов А.Е. 1880. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах// Записки УОЛЕ, т.6, Екатеринбург.
177. Теплоухов Ф.А. 1893. Древности Камской чуди в виде баснословных людей и животных. /Пермский край. Т.II.
178. Теплоухов Ф.А. 1897. Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею. Пермь.
179. Теплоуховы А.Е. и Ф.А. Археологический дневник. Рукопись. Рукописный архив ИИМК РАН. Фонд 48.
180. Терехин А.А. 2001. Обсуждение доклада Г.Т. Ленц «Протогородской Анюшкарский археологический комплекс на р. Иньва»// Вып.1-2. Пермь.
181. Тревер К.В. 1958. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). К вопросу о кушанском пантеоне // культура и искусство античного мира и Востока. Вып. 1. Труды ГЭ. Том П. Л.,
182. Тревер К.В., Луконин В.Г. 1987. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III-V вв. Собрание Государственного Эрмитажа. М.
183. Третьяков В.П. 1972. Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья// КСИА АН СССР, № 131.
184. Трефилова Л.А. 1971. Обзор семейного фонда Теплоуховых// Уч. Записки Пермского университета. №250. Пермь.
185. Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А. 1985. Маргиана// Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Ар-

хеология СССР. М.

186. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»// Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 145, «Российская газета», N 14, 24.01.1996.

187. Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 27.05.1996, N 22, ст. 2591, «Российская газета», N 104, 04.06.1996.

188. Федорова Н.В. 1991. Золотоордынская торевтика в Приобье.// Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. Изд-во Удм. Института истории, языка и литературы. С. 193-204.

189. Федорова Н.В. 1991а. Художественный металл Волжской Болгарии// Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л, из-во Государственного Эрмитажа. С. 5-10.

190. Федорова Н.В., 2002. Блюдо со львами – пять жизней за тысячу лет// Вестник Уральского отделения РАН, вып. 2. С. 107-115.

191. Федорова, Н.В. 1982. Два серебряных сосуда из района г. Сургута. СА №1.

192. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

193. Фехнер М.В. 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни// Труды ГИМ. № 33. М.

194. Формозов А. А. 1990. Русское общество и охрана памятников культуры. Москва.

195. Формозов А. А. 1995. О

книге Л. С. Клейна «Феномен Российской археологии» и о самом феномене.// Российская археология, №3.

196. Фрай Р. 1972. Наследие Ирана. М.

197. Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сармат. М.

198. Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

199. Халикова Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X- начала XIII в. Казань. 1986. 160с.

200. Церковно-славянская азбука. М. 40 с.

201. Чагин Г.Н. 1998. Мирозрение и традиционная обрядность русского крестьянства Прикамья 19-20 в. Пермь.

202. Чернов Е.Н. 1880. Архив ПОКМ, д. 1195/2 от 12 июня 1880

203. Черных А.В. 2001. Старообрядчество южных районов пермской области в контексте этнокультурной истории// Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь. с.133-158.

204. Чесноков А. 1908. Среди кержаков// Пермская земская неделя. №13

205. Шарифуллин Р.Ф. 1984. Исследования IV Билярского могильника в 1979г.// Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань.

206. Шер А. Я. 1999. О состоянии археологии в России.// Российская археология, №1. 210-213 с.

207. Шергина Н. 2002. И в Летний сад в загул ходил // Российская газета, № 193, 11.10.

208. Шмидт А.В. 1926. Изучение доисторического прошлого Предуралья и его задачи//Экономика, №5, Пермь.

209. Шмидт А.В. 1940. Стоянка у станции Левшино// Советская Археология, т. V.

210. Шокуров А.П. 1970. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик// Древности Башкирии. М.

211. Шутова Н.И. 1990. Погребальный обряд удмуртов в XVI-XIX вв.// Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. 1991.

212. Шутова Н.И. 1992. Удмурты XVI-первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск. 264 с.

213. Шутова Н.И. 2001. Демографическая характеристика удмуртского населения XVI-XIX вв. (по данным могильников)// Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь. Вып. I-II. с.140-143.

214. Щапова Ю.Л. 1962. О происхождении некоторых типов древнерусских бус// СА. №2.

215. Щапова Ю.Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.

216. Щенникова Л.В. 2001. Вещное право. Пермь.

217. Экономическое описание всех уездов Пермской губернии 1800 г.// ГАПО ф.39, оп.4, д.3, 261 л.

218. Энциклопедия преступлений и катастроф. 1996. Тайные общества и секты. Минск. 624 с.

219. Янин В. Л. 2000. Проблемы охраны археологических памятников в городах и других населенных пунктах.// Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр. Сборник статей по материалам семинаров 1998-1999 гг. Москва.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМК - археология и этнография Марийского края

АНТ — Академия наук Татарстана

ВАУ - Вопросы археологии Урала

ГАПО - Государственный архив Пермской области

ГИМ - Государственный исторический музей

ГЭ - Государственный Эрмитаж

ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества

ИИ — Институт истории

ИА - Институт археологии

ИИА - Институт истории и археологии

ИАК - Известия Императорской археологической комиссии

ИИМК - Институт истории материальной культуры

КА - Кабинет археологии

КАЭ - Камская археологическая экспедиция ПГУ

КАЭЭ - Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ

КГУ - Казанский государственный университет

КС ИА - Краткие сообщения ИА

КС ИИМК - Краткие сообщения ИИМК

ЛАИ - Лаборатория археологических исследований

ЛО ИА - Ленинградское отделение ИА

МАНГР - Материалы по археологии восточных губерний России

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

м-к — могильник

ПГПИ – Пермский государственный педагогический институт (до 1994г.)

ПГПУ - Пермский государственный педагогический университет (с 1994г.)

ПГУ - Пермский государственный университет

ПМ - Полевые материалы

ПОКМ - Пермский областной краеведческий музей

РА - Российская археология (журнал)

РАН - Российская Академия наук

РуА - Рукописный архив

СГПИ – Стерлитамакский государственный педагогический институт

СА - Советская археология (журнал)

САИ - Свод археологических источников

СКМ -Соликамский краеведческий музей

СНД и ВС РФ - Съезд народных депутатов и Верховный Совет Российской Федерации

ТИЭ - Труды института этнографии

ТМ - Тобольский музей-заповедник

УАЭ - Уральская археологическая экспедиция УрГУ

УрГУ - Уральский государственный университет

УрО РАН - Уральское отделение РАН

ЧКМ - Чердынский краеведческий музей

ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных

ЭВ - Эпиграфика Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
А.М. Белавин. К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.Н. БАДЕРА	6
О.Н. Бадер, И.В. Калинина. САУЗОВСКАЯ I СТОЯНКА	11
В.П. Мокрушин, Е. Л. Лычагина. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНУШКА	31
В.А. Сокол. ТОЛЯ ЛЕПИХИН	40
О.Б. Подвинцев. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО ...	42
А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук, Р.Ф. Вильданов, Е.В. Чуйкина. КУЛЬТУРНЫЕ ОПОСРЕДОВАННЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИУРАЛЬЯ С ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И АНТИЧНЫМ МИРОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГЛЯДЕНОВСКОГО КОСТИЩА)	44
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А.Н. ЛЕПИХИНА	50
К.И. Куликов. ЧЕЛОВЕК, УСТРЕМЛЕННЫЙ В НЕБО. (Тайна скульптуры бронзового века)	53
Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, Г.Т. Ленц. МУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА Р. ОБВА И ПРОБЛЕМА СРЕДНЕВЕКОВЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ КЛАДБИЩ В ПРЕДУРАЛЬЕ	56
А.М. Белавин. ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ И ПЕРМСКОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА)	72
Н.Б. Крыласова. ЭЛЕМЕНТЫ ОГНИВА РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА	79
С.И. Абдулова. БУСЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА	105
С.Л. Осторовский. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ЛОКАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЛОМОВАТОВО-РОДАНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ	115
О.В. Игнатьева. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Е. И Ф.А. ТЕПЛОУХОВЫХ В ОТНОШЕНИИ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ	123
Н.В. Фёдорова. ТОРЕВТИКА ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ. СЕРЕБРЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ X-XIV ВВ. ИЗ ЗАУРАЛЬСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ	138
Е.Л. Лычагина, В.В. Мингалев. МОГИЛЬНИК ПОСЁР XVIII в.	155
С.И. Кореньюк, А.Ф. Мельничук. ИЛЬИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ – ХРИСТИАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ С ЯЗЫЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ В ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI - ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII вв.)	164
Н.Н. Агафонова. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ СОЦИУМЕ ПРИКАМЬЯ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.	183
Н.А. Черняева. МУЗЕЙ КАК НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	194
К.В. Завалин. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	205
АВТОРЫ	212
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	213
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	223

Научное издание

**Труды Камской Археолого-Этнографической
экспедиции
Выпуск III**

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)
Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)
Ленц Галина Тимофеевна
Мельничук Андрей Федорович

Редактор Е.Е.Покровская
Компьютерная верстка С.И. Абдуловой

ИБ № 87

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001.

Подписано в печать 16.05.2003. Формат 60X84 1/8.
Бумага офсетная. Печать ризограф. Усл. печ. л. 25,6
Уч.—изд. л. 16,2. Тираж 300 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел Пермского го-
сударственного педагогического университета.
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел (3422) 306-112

Отпечатано в отделе
Электронных издательских систем ОЦНИТ
Пермского государственного технического университета
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29а, оф. 113, тел. 19-80-33

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета
Пермского государственного педагогического университета
Редколлегия сборника тел (3422) 306-210, 306-267
e-mail: belavin@pspu.ac.ru*